

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов.
Мультирелигиозный вид.

Трудно что-то добавить к разговору о религии. «Одна из форм общественного сознания» (по словарю) расписана до неузнаваемости. И все же прикоснемся к вечной теме, постепенно ставшей актуальной в России. Прикоснемся в плане эволюционном, памятуя, что и вопросы эволюции, и вопросы религии всегда занимали думающих людей.

Понятно, что эволюция религий продолжается полным ходом. И конца пока не предвидится. Уже трудно было бы и вообразить, нарисовать генеалогическое древо религий. Религии случились монотеистические и политеистические, мировые и локально ограниченные, на их базе возникло великое множество сект, культов, местных верований, направлений, реформистских движений, течений, униатских церквей, вероучений, группировок, орденов, богословско-юридических толков и т. п. до шарлатанского уровня нетрадиционных культов. И это только действующие религии, а сколько их исчезло в глубине тысячелетий, начиная от тотемизма и фетишизма! Религиозное изобилие. Медленно, но верно меняются, приспосабливаются к современности все структурные единицы этой совокупности, безбрежия религий, корректируются их догматические акценты, воспринимаются, наслаиваются достижения науки и цивилизации, идет подстройка правдоподобия канонических постулатов, обрядности и пр. К примеру, прогрессивная католическая церковь все же согласилась с неоспоримыми доводами естественных наук и признала историческую изменчивость всего живого, подверженность эволюционным принципам, закономерностям, оставив в ведении Творца лишь нематериальную субстанцию – душу (православие пока не приемлет прогрессивных взглядов своих теологов). Очень живуче в простом человеке это чувство истового, возвышенного поклонения, надежды, утешения или просто порядка в душе и в поведении.

Приютившаяся в Homo sapiens религиозность – это часть его поведенческого комплекса как вида. Заметим, что эта черта поведения, склонность умело использовалась и используется как на государственном уровне, так и множеством ловких (и порой жестоких) шарлатанов от религии. А в принципе склонность к религиозным верованиям и суевериям становится уже скорее атавистической чертой поведения человека просвещенного. Но приходится сознавать, что миллиарды (подумать только!) людей, неискушенных в естествознании, на Бога уповают основательно (тысячи попадают в плачевную психологическую зависимость к современным беспощадным супермессиям). Мы знаем, что российский здравый прихожанин, в основной своей массе, искони делал это с оглядкой: на Бога надейся, а сам не плошай! Да и поповский беспредел по широкому греховному спектру серьезно поколебал его в вере в свое время, но не об этом речь. По здравом размышлении религия в лучшем ее проявлении лишь обращает нас к самим себе. К собственной совести, уверенности в себе, к оптимизму и прочим положительным поведенческим признакам человека социального. Как известно, Нагорная проповедь и вся мораль христианства может быть сведена к одной фразе: не делай другим того, чего не желаешь самому себе.

Религиозность как поведенческий признак особи, вида, безусловно, имеет эволюционные корни. Оглянемся на нашу первобытность. В чем первобытный человек не испытывал недостатка, возмев некую способность мышления, так это в страхе. В страхе самых разных оттенков. От панического во время стихийных катаклизмов до испуга от неожиданного непонятого звука, вида неизвестного животного. Люди, в отличие от животных, 35–40 тысяч лет назад имели уже повыше организованную психику, утонченные чувства (шутка с правдой). Естественно, такая психика не выдержала бы осознанной постоянной угрозы воздействия множества сил явных и неведомых. Должны были возникнуть какие-то механизмы разгрузки, сброса нервного напряжения. Поскольку причины потрясений чаще всего не укладывались в неможное сознание, ничего не оставалось, как объединить их в нечто, подлежащее заискивающему молению, уговорам, поклонению. Появились фетиши, далее божки и боги. В строгих рамках науки достаточно конкретно об этом сказал Б. Малиновский: «Религия удовлетворяет когнитивную и эмоциональную потребность индивида в стабильном, понятном и упорядоченном мире и дает ему возможность чувствовать себя защищенным перед лицом природного хаоса» (цит. по: Гирд К. Религиоведение, 2/2002). Вдобавок человек разумный быстро выяснил, что он смертен. Ясно, что естественный страх перед смертью также должен был быть компенсирован в его сознании. Продвинутые предки в просветлении инициировали также и веру в загробную жизнь. Эта религиозная ступень, как и религиозное поклонение разного рода божкам, доказана палеонтологическими

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org материалами, исследованиями.

Поле причин возникновения религиозных верований, конечно, шире и формы причудливы. Главное, далеким предкам нашим даже примитивное пока моление примитивным же фетишам успокаивало нервы, положительно влияло на психическое и общее здоровье и выживание в итоге. К тому же предварительный религиозный ритуал перед охотой вселял уверенность, повышая шансы на успех. А склонность к такому поведению, продлевая жизнь, репродуктивный период, закреплялась отбором, оседала генетически в морфологии человека. Это типичная схема формирования признака, инстинкта – инстинкта религиозности (отсеиваемые отбором полезные морфологические изменения, формирования структурных нейронных связей в мозгу, регулируясь генетически, рафинировались в поколениях). Заметим здесь, что узкие специалисты-религиоведы уже вплотную приблизились к осознанию этой житейской истины (с обратной стороны, не от причины, а от следствия), и даже термин сходный появился – «носители религиозного поведения» – в дисциплине «феноменология религии». Хотя весь вид состоит в этих «носителях». Не привязываясь к той или иной классификации (обсуждение многочисленных классификаций инстинктов не входит в задачу очерка) отнесем инстинкт религиозности к жизненно важным, положительно влияющим (точнее, влиявшим) на численность популяции и видовую продолжительность жизни. С утратой этой основной функции «ген религиозности» (возможно в составе т. н. продинорфинового гена, ответственного за эмоции) обрел судьбу рудиментарную.

Продолжим. Спустя многие тысячелетия уже более просвещенные люди, греки к примеру, создадут целый параллельный мир богов. Это уже игра ума человека разумного. По пути добавления разума эта игра осталась в прошлом. Можно вспомнить здесь и некоторые революционные в теории религии идеи древних философов, учителей. И уже совсем новый разум усмотрел в религии власть, и игры, особенно христианские, приобрели на долгое время жестокий оттенок. Но вернемся к инстинкту. То, что «верогадный» ген давно и прочно засел в наследственном аппарате человека, легко усмотреть и без науки, в обыденной жизни: никакие отучения, разубеждения и курсы естествознания не помогают – даже грамотные, закоренелые материалисты-атеисты ловят себя на мелких суевериях. Справедливо также любимое суждение многих беллетристов – художников душ и судеб – по поводу того, что человек-де не может существовать без веры во что-либо, укрепляющее дух, веры, заставляющей его прогрессировать. Так что изначальная эволюционная целесообразность религии как пособия, сподвижника прогресса, цивилизации несомненна. До некоторого времени. Вспомним мрачный средневековый разгул церковной инквизиции. Естествознание было практически запрещено, сотни талантливых ученых, тысячи древних книг были уничтожены за это время. Только в Испании на кострах за столетия инквизиции было сожжено около 35 тысяч человек и более 300 тысяч подвергнуто пыткам.

Собственно, в упомянутом ветвистом древе религий нас интересует лишь одно ствольное звено – иудаизм-христианство. Интересует конкретно процесс возникновения новой религии – христианства на базе старой религии – иудаизма. И интересует в связи с центральной фигурой становления христианства – человеком по имени Иисус, место рождения Назарет, городишко в Галилее. При жизнеописании Иисуса для ясности его поступков, максимального приближения к реальности, восстановления действительности также приемлем аппарат теории эволюции. Здесь подчеркнем и напомним, что эволюция «работает» как с организмом, существом, его морфологией – «hard'ом», так и с его поведенческим комплексом – «soft'ом». Иначе говоря, эволюционирует как особь (вид), так и ее (его) поведение. И эволюционируют «hard» и «soft» в полном взаимодействии, с прямыми и обратными связями, как комплементарная пара. А если еще добавить внешнюю среду, так случится полный механизм эволюции, Ее Величества Эволюции. Тут же надо сказать, что среда – это природа (не будем идти дальше), Ее Величество Природа, и кто у кого из величеств находится в подчинении, выявить трудно, – тоже комплементарная пара. В принципе на всю сумму событий, ситуацию того исторического возникновения новой религии вполне естественно накладывается понятийный аппарат теории эволюции, ее закономерности по схеме так называемого «охватывающего закона».

Жизнь Иисуса Христа описана множеством евангелий, четыре общеизвестных из них канонизированы официальной церковью. Более детально и широко о жизни Иисуса повествуют тысячи исследователей. Тенденциозные богословские и объективные исследовательские разборки построены на сложном анализе соответствий и противоречий в описании его жизненного пути евангелистами, древними историками. Трудности анализа дошедших до нашего времени текстов общеизвестны. Традиционно выделяются из общего ряда два наиболее популярных в русских переводах исследователя XIX века – Эрнест Ренан и Давид Фридрих

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Штраус. Для них рамки цехового догматизма стали тесны, а честь исследовательской истины оказалась превыше чести мундира благополучного догматика, и оба они лишились кафедр богословских университетов. Фундаментальный труд Штрауса «Жизнь Иисуса» – дело всей жизни исследователя – есть все основания назвать самым объективным и самым детальным (дотошным и по-немецки педантичным). Логика немца неоспорима и безукоризненна, выводы осторожны, но правдоподобны до реальности. Чем и навлек он на себя раздражение и остракизм официальной церкви, сказать по правде – бессильный гнев. Не менее основателен и профессионален Ренан. Весьма пронизательным является выдающееся поэтизированное исследование Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный».

Все повествовательные построения этого очерка относительно судьбы Иисуса Христа и его эпохи, помимо новозаветных текстов, базируются на информативном материале исследований Д. Штрауса, Э. Ренана, Д. Мережковского, З. Косидовского, прот. А. Меня, А. Каждана, И. Свенцицкой, К. Каутского и др.

Тайне Иисуса Христа посвящено также немало беллетристики, и это естественно. Жизнь его воссоздается и рассматривается в разных ракурсах, раскрываются оригинальные, неординарные догадки, порой эксцентричные интерпретации. Производит впечатление «Евангелие от Иисуса Христа» лауреата Нобелевской премии по литературе 1998 г. Ж. Сарاماго. Автор как петарды взрывает две экстраидеи. Первая касается жизни Иосифа – земного отца Иисуса Христа. Иосиф-де был всю жизнь страшно мучим угрызениями совести. Случайно прознав о готовящемся избиении вифлеемских младенцев, Иосиф поспешил спасти своего сына, младенца Иисуса, никак не оповестив матерей Вифлеема о беде. Двадцать пять погибших безвинно младенцев Иосиф записал на свой счет. Впоследствии повзрослевший Иисус также выяснил (и это вторая идея), что именно он стал первопричиной смерти младенцев, и также испытал комплекс вины (заметим, что это несчастье поставлено в вину Иисусу и некоторыми древними текстами). Мало того, выяснив в беседе с Отцом своим небесным, что он станет причиной гибели многих миллионов людей во имя и для становления новой веры (мирового господства Отца), Иисус пошел на превентивное искупление этой комплексной вины – распятие, пытаясь Отца переиграть.

Однако по самой разумной евангельской версии Иисус уцелел в младенчестве потому, что семья, чтобы не допустить его гибели, бежала в Египет. Без всяких комплексов. А то и вообще ничего такого не было, у Луки например, да и в жизнеописании Ирода Великого историком того времени Иосифом Флавием.

Совершенно очевидно, что Сарاماго явно переоценил нравственные и моральные качества Иосифа да и Иисуса. В те времена своя рубаха, несомненно, была ближе к телу, а жизнь человека ничего не стоила. Если полистать сочинение Иосифа Флавия «Иудейская война», воображение захлестнет кровью еврейских междоусобиц (это помимо отчаянных многокровных еврейских восстаний и выступлений против разномастных поработителей). Даже тысячелетие спустя в этих краях резня была делом обычным. Вот, к примеру, сведения из истории крестовых походов. В 1095 году папа Урбан II призвал католиков Европы освободить из рук неверных главную святыню христианского мира – Гроб Господень. В июне 1099 года крестоносцы окружили Иерусалим. Осада города продолжалась девять дней; после того как отряды осаждавших ворвались в город, они устроили массовую резню нехристианского населения. Часть евреев, защищавших свой квартал, была перебита или заживо сожжена в храме, а часть взята в плен. Характерный рапорт тех времен: «Господину нашему Паскалю, папе римскому, всем епископам и всему христианскому народу от архиепископа Пизанского, от герцога Готфрида, ныне высшей милостью защитника Гроба Святого, от принца Раймонда и от всей армии Господней, находящейся в земле Израиля, привет. ...И после того, как исстрадались войска во время осады, особенно от нехватки воды, созван был совет, и решили епископы и принцы, и повелели: пусть все [осаждавшие] обойдут стены этого города [Иерусалима] босыми, чтобы пробудить милость Того, кто вошел по кротости своей в город сей для спасения нашего. И после того, как смирились мы, отвратил Господь от нас гнев свой и на восьмой день смирения нашего предал в наши руки город и врагов своих. И если вы спросите, что стало с врагами, которые были там, знайте, что в храме Соломона и на подходе к нему скакали кони наших воинов по колено в крови сарацинов»[1]. Впечатляет святая непосредственность. И это послание не какому-либо сатрапу-правителю, а оплоту милосердия, Его Святейшеству.

Так что темный малоазиат Иосиф вряд ли принял на себя косвенную вину за чужое злодейство. И не мучился совестью, даже если действительно заранее прослышал о зверстве и не упредил вифлеемских матерей. В те времена вообще могли преподнести отрезанную голову как царственный подарок. Обе идеи Сарاماго интересны, но совершенно нереальны как по форме, так и по содержанию (оставим за лауреатом право на творческое видение событий). Но

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
это – историческое отступление в порядке приближения к событиям.

Продолжим тему эволюции, в виду религии и религии, в виду эволюции. Один из основных законов теории эволюции – это наблюдаемые избыточность попыток поиска направления развития единицы эволюции (особи, вида) и страховочная избыточность попыток, импульсов продолжения ее жизни. В теории эволюции эта закономерность трактуется как избыточность потомства и иллюстрируется следующими впечатляющими примерами. Потомство одной пары воробьев за 10 лет теоретически, при условии беспрепятственного размножения, может составить более 200 миллиардов особей; за 10 лет потомство одного одуванчика покрыло бы нашу планету сплошным слоем толщиной в 20 см; холерный вибрион, что примерно равняется массе земной коры толщиной до 16 км, и т. д. Теория эволюции трактует такую избыточную численность как механизм, ведущий к естественному отбору, поле деятельности естественного отбора, поле разгула мутаций и, как следствие, – высокую вероятность появления новых жизнеспособных наследственных уклонений. Это бесспорно, но, прежде всего, это – перестраховочная избыточность импульсов к жизни, чтобы наверняка хоть что-то, предположительный средний уровень 2–5 %, уцелело, зацепилось за жизнь (не удивимся, если таким же окажется процент обитаемости вселенских галактик). К примеру, число сперматозоидов, продуцируемых человеком за период половой зрелости, составляет несколько миллиардов, а детей – дай бог одного–двух уцелевших (отнесем это к человеку доисторическому, хотя в наших цивилизованных условиях пропорция недалеко ушла). И даже нагляднее: в момент зачатия к месту действия человеком поставляется около миллиона сперматозоидов, чтобы один из них наверняка возымел успех, остальные попытки гибнут. Таким образом и в такой степени создается давление жизни (В. И. Вернадский), добавим: стохастический напор на запускающий жизненный импульс.

Да и жизнь на Земле, несомненно, миллионы раз пыталась «проклянуться», возникнуть из миллионов дожизненных форм – органических молекул–полимеров, пока наконец не довершился синтез успешным недостающим звеном, органической связкой, запустившей механизм корректного деления. Естественно, попытки шли на всей площади подходящего климатического пояса, и это миллионы квадратных километров, и миллионы уже «пошедших» процессов погибли, пока не отработались наиболее жизнеспособные формы, прошедшие отбор (экстраполируя, смеем предположить великое множество видов и подвидов таких формаций). А ввиду того, что живые бактериальные организмы отыскиваются даже в самых казальных бы неподходящих местах – в толщах льдов и мертвых пород, на жутких глубинах, при критических температурах и в критической химической среде, правомерно предположить, что жизнь пробивалась не в одном климатическом поясе. Как заключает теория эволюции, живое вещество с момента возникновения становится активным фактором своего существования; продолжая мысль, добавим, что жизнь всегда была активным фактором своего возникновения. И действительно, поскольку жизнь процветает в таких изощренных по части приспособленности формах, в изощренности попыток ее появления сомнений уже не остается. Здесь как раз–таки суждение по фундаментальным логическим понятиям будет вернее суждения по текущим биохимическим законам. Да в принципе, и с теоретических позиций академик А. И. Опарин, в стиле Дарвина, раз и навсегда доказал закономерность (по–нашему – неизбежность) возникновения жизни. Парадигма, естественно, обновляется по мере исследований. Современная концепция геохимической (и даже космогонической) предопределенности жизни неколебимо проработана академиком Э. М. Галимовым. С выводом об абсолютной естественности и даже тривиальности процесса. Как тут не вспомнить гениального мастера точного речения Иосифа Бродского, походя покрывшего всю сумму ученых умозаключений по этому вопросу: «Раньше куры и яичка / жизнь возникла как привычка». Кстати, недавно немецкими учеными достоверно установлено, что человек формировался по крайней мере тремя генетическими направлениями.

Современная биосфера Земли – «тварный мир и произрастения» – включает более десятка миллионов ныне живущих видов, и подсчеты палеонтологов показывают, что существующие в настоящее время виды составляют лишь ничтожную часть (те же 2–5 %) от общего числа видов, образовавшихся на Земле в ходе эволюции. Так что логическая экстраполяция соотносительной ситуации существования на ситуацию возникновения вполне правомерна, универсальность эволюционного избыточного принципа не подлежит сомнению.

В порядке полезного отступления опишем одно из любимых возражений креационистов против Дарвина – чрезвычайную сложность глаза человека. Не мог–де такой сложный орган образоваться как результат случайных мутаций. Сочтена была и вероятность, которая оказалась такой ничтожной, что всех миллиардов лет существования Вселенной не хватало на ее исполнение. Однако впоследствии было доказано, что глаз живых существ возникал на протяжении эволюции по меньшей мере 40 раз, а на поэтапное развитие собственно глаза

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org человека ушло всего 400 тысяч лет. И никакого креационизма, и никакой случайности.

Чуть коснемся космологии, вещей вполне очевидных. На понятии «бесконечность» (пространства, материи, времени) у всех осечка. Не может пока нормальный человек воспринять, осмыслить эту необъятность, как бы не силился. А материальная бесконечность – это единственное понятие, которое твердо имеет право на существование, и весь наблюдаемый объем (который мы гордо зовем Вселенной) – это, образно говоря, всего лишь песчинка в объеме, допустим, Сахары, а Сахара – песчинка в Суперсахаре и т. д. до потери сознания (тут мы рекомендуем немедленно прочитать знаменитую повесть маэстро В. Набокова «Ultima thule», где главный персонаж действительно помрачился умом на этой почве; мастерское художественное воплощение идеи, как известно, способствует глубококому её восприятию). Как правильно сказал проф. Н. Работнов (о Солнечной системе, о планете Земля): нас, в силу нашей исчезающей ничтожности (пред ликом Бесконечности), просто нет. Но чуть неточно сказал. Нас («обитателей») тоже бесконечно много, только это вложенная бесконечность, бесконечность другого порядка (как бы не главного), так как (постулат) наличие одного материального объекта, события доказывает их количественную бесконечность (в среде Бесконечности). Простой пример: едва была открыта одна античастица, как и физики, и философы тут же заговорили об антимирах. Факт существования одной обитаемой планеты в условиях материальной бесконечности доказывает бессчетность подобных объектов, событий как в пространстве, так и во времени.

Тут же добавим, что материальная бесконечность по определению не может «осуществиться» поскольку существование предполагает некую законченность, что для бесконечности – абсурд. Она скорее процесс который НИКОГДА и НИГДЕ не может закончиться. Заметьте: в процессе деления мельчайшей частицы вещества – атома на более мелкие составляющие, а их, в свою очередь, на еще более мелкие, ученые очень скоро поняли, что в этом направлении мир также бесконечен. Причем время существования этих наночастиц бесконечно приближается к нулю, никогда им не становясь.

Вот позиция школы ак. РАН С. Григоряна, пока официально принятая:

...Таким образом, материя во Вселенной представляет собой своеобразный газ из разномасштабных ее сгустков (галактик, разнокалиберных скоплений галактик), сжимающихся гравитацией, разрушающихся от внутреннего взрыва и формирующихся вновь из разлетевшегося материала существовавших ранее сгустков. И вся эта «газовая» динамика разыгрывается на однородном, изотропном, стационарном фоне.

...Возможно при этом, что аналогия между совокупностью пульсирующих сгустков материи и газом окажется более глубокой – удастся при осреднении ввести для «газа» этих сгустков понятия температуры, давления и других средних характеристик и построить соответствующую термодинамику и «газовую» кинетику Вселенной.

От себя добавим: на некоем объеме осреднения, – необъятного не объять. К тому же, этот избранный для осреднения, умопомрачительный объем, усилием воображения, усилием мысли, а, наиболее элементарно, – разумом, можно осознать как околоток в еще большем пространстве («готовом» к осреднению). Так вот «сотворять» бесконечную Вселенную – занятие бесконечное уже по определению, логика и физические начала упираются в бесконечное же ее существование во времени или, возвращаясь к богословской терминологии, – предвечное существование. В этой связи Творцу нечего делать в эволюционирующей или функционирующей Вселенной, кроме как осознавать самого себя её частью (в лучшем случае). Творец же поместный, мелкотравчатый, создавший лишь ничтожную в масштабах Бесконечности Землю и сотворивший на ней на ничтожное время жизнь (кто бы его сотворил), вряд ли устраивает теологов. Деталь делопроизводства: Господь в хорошем темпе создал твердь, в ее великом многообразии, а также всякие текучие среды, духоту летнего вечера, аер с прочим космическим вакуумом, одного единственного человека и миллионы тварей и произрастаний, многая им лета. Однако надо было не просто создать твердь или тверди, надо было установить и многочисленные законы физического, химического и проч. взаимодействия твердей, сред и субстанций. Эта умопомрачительная работа никак не показана в Библии. Заметим, согласуясь с нею, что без Его вмешательства закономерности не посмели бы состояться. Но молчит на этот счет Библия, вследствие понятной полной научно-технической неосведомленности древних составителей.

Земная жизнь, как мы доказали, факт не единичный. Можно смириться с существованием более высокого разума, но заводить его в киот и бить поклоны – это уже слишком. Если же все-таки исходить из Замысла, то создавать десятки миллионов земных видов, доводя их до совершенства (умолчим уже о кошмарном разнообразии и сложности видового поведения, которое тоже надо было предопределить), – это труд. А собственно, зачем? Для развлечения?

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Самоутверждения? С какой такой теократической целью? Ответы – это прямая дорога в фантастику (или в догматику). Можно с уверенностью заключить, что не пройдет и тысячи лет, как это креационистское недоразумение разрешится.

Здесь чуть задержимся. Чем хорош электронный вариант книги так это возможностью более поздних вставок, отражающих динамику работы автора над темой. Нижеследует такая вставка.

Космос (употребим теперь это понятие, бесконечно более широкое, нежели термины «Вселенная», «Обозримая Вселенная», «Наблюдаемая Вселенная»), космологические представления, периодически интересуют любознательного человека всю жизнь. Особенно при взгляде на звездное небо. И уж тем более при восторженном рассматривании фотографий космоса – космических бездн, сделанных телескопом Хаббл, с причудливыми галактиками, туманностями, галактическими катаклизмами. Нам эти объекты представляются неподвижными. Но это с позиций нашей скоротечной, непродолжительной жизни. По отношению же ко времени бесконечному, будь таковой вечный, космически соразмерный, трансцендентальный наблюдатель, космос представился бы ему кашей мельтешащих как мотыльки у ночного фонаря галактик, и скоплений галактик, и даже «сгустков» материи (определение, которое применил в отношении нашей наблюдаемой Вселенной ак. С. С. Григорян). Не исключено, что и мы, в конце концов сильно поумнев, ясно представим, почувствуем хаотическую кинематику микрочастиц Космоса (едва ли не Броуновское движение), микрочастиц, каковыми являются галактики, скопления галактик, «хищные» черные дыры и другие наблюдаемые объекты. Прикинем мы и факторы, влияющие на кинематику космических масс. И они будут просты. Ибо всё обязано быть простым, даже тривиальным (несколько иначе сказал Эйнштейн: красота – это главное в физике). Всё, вплоть до зарождения жизни в Космосе – в призвездных бесконечно разнообразных «благоприятных» условиях. Иногда мы называем такие условия критическими, с позиций антропоцентризма. И ныне мы уже понимаем, что эти искры жизни быстро гаснут, чтобы где-то зародиться вновь. И уже способны воспринять фактом «снопы» таких искр в безбрежье Космоса. С позиций антропоцентризма, однако, мы стремимся нащупать привычный край или точку отсчета в Космосе, или какие-то формы-контуры (или еще более странного Творца). В силу высокой физико-математической и метафизической эрудиции, учености, мы эти сущности еще и способны обчислить и доказать относительно некоей «Вселенной». Похоже, что глубина проникновения в теоретическую физику (да и в теологию) беспредельна. И подгонка теории под свою логическую концепцию незаметна для своего же «антропоцентрического» глаза. Невольна и неощутима. Также очень просто назвать отдельные положения, выводы теоретической физики недоступными для человеческой логики, для понимания. Это легко. Это принято. Здесь как раз и обнаруживается контакт с религией (христианством, конкретно). Одной из ее норм: не понимать, но верить. Однако настроимся понимать, солидаризуясь с Эйнштейном, сказавшим в свое время в адрес нового поколения физиков: «То, чем занимаются эти парни, это, в лучшем случае, инженерская физика. По правде сказать, это вообще не физика». Объективная реальность, физическая реальность, логика – это понятия, которые не следует сбрасывать со счетов, и уже заметно развитие взглядов в научном мире в сторону реалистически-наглядного представления явлений.

Должны мы увидеть реальную бесконечность Космоса, бесконечность его пространств, масс материи, времени, форм жизни, проявлений разума. И тут подмывает заменить статическое понятие «бесконечность» по отношению к Космосу динамическим понятием «незавершенность». Это понятие может иметь только логическое решение. Но понятно также стремление физиков-теоретиков математически описать Вселенную. Как забота дачника покрасить забор. Это похвально и необходимо. Неприемлемы лишь надуманные, экстравагантные, псевдонаучные теории на грани эзотерики с порою смешной терминологией. Которые жидутся лишь на авторитетности авторов. Или же на тщеславии авторов с искривленной логикой, например, М. Менский, В. Тростников, Э. Тайнов. В изложении менее напористых авторов такая заумь останется незаметной и неизвестной. Впрочем, это как раз эволюционная ситуация избыточности попыток – стохастический напор на проблему. Конец вставки.

Существует также вполне обоснованное предположение, что человек – это не первая попытка эволюции создать существо разумное на суше и на море. К примеру, мозг дельфина 30 миллионов лет назад превосходил по развитию мозг предчеловека. Да, собственно, и человек создавался при множестве попыток в этом уже выбранном направлении. Расхожее сакраментальное выражение «человек произошел от обезьяны», некогда сенсационное, в наше время воспринимается в основном болезненно. Давно уже доказано, что генеалогическая линия человека самостоятельно развивалась ок. 20 миллионов лет (в Нью-Йоркском музее естествознания недавно презентовали окаменелого примата которому 47 миллионов лет), а генеалогическое древо представлено десятками подвидов и

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org переходных форм, и это только подтвержденных палеонтологами. И все же Патриарх всея Руси в своем выступлении (начало 2007 года) по проблемам общего образования в России соблазнился передернуть: «Если кто хочет считать, что он произошел от обезьяны, пусть так считает...» Представительная аудитория чиновников от общего народного образования аплодировала. Конечно, геномы человека и шимпанзе идентичны на 98 % (с геномом макака – 93 %), но сам Дарвин никогда не говорил, что человек произошел от обезьяны. Он доказал лишь, что обезьяна является ближайшим родственником человека. Микроотступление это.

Сегодня мы наблюдаем сотни видов человекообразных, приматов – конструкций, оставшихся позади, с какого-то момента не прошедших ценз, не сдавших, так сказать, экзамен. Добавим, что любой из этих видов остается как бы зарезервированной попыткой в случае полного вырождения человека (что не так уж невероятно – К. С. Льюис: «Окончательная победа человека над природой окажется упразднением человека») продолжить намерения эволюции – не оставлять Землю без разума. Если человек до того оставит их в живых. Теперешние масштабы деятельности человека, масштабы вмешательства в среду таковы, что без проявления воли вскоре вокруг нас ничего не останется живого. Принципиально уже сейчас мы «ни в одном аспекте не зависим от биосферы» (Э. М. Галимов). Таков ныне человек – «органический носитель эволюции». Так же целевое вмешательство человека и в собственную биоприроду, бионачала (плюс компьютеризация поведения) – суть движения ее же, эволюции, ее узнаваемые черты и далеко ведущие начертания (см. Букалов А. В. «О начале нового этапа биологической эволюции человека как вида *Homo sapiens sapiens*»). Добавим, что собственно цель жизни, разума или человечества пока не определена. Идет суммирование технологий. Некая критическая сумма и определит цель и мало, похоже, не покажется.

Но о религиях. Эволюционная тенденция избыточности прослеживается во всех случаях возникновения нового: и в сфере биологии, и в сфере науки, познания, и в сфере социальных процессов, к каковым причислить можно религию. Можно начать с того, что постулаты христианства не могли возникнуть на ровном месте. Возмужал-де Иисус, подумал и начертал или озвучил все христианские нормы и принципы. Не создается таким образом ни одна теория, ни одно открытие не делается таким образом. Даже над той же теорией эволюции до гения Дарвина поработали сотни его предшественников и современников (в том числе и в России). Имена перечислить сложно, да и нет надобности – налицо уже оговоренная множественность, избыточность. «Разве Иисус был распят за свои нравственные поучения, за Нагорную проповедь? Конечно, нет. Эти истины уже издавна были ходячими в синагогах, никогда никого не убивали за их повторение», – это цитата из поименованного выше исследования Ренана. Надо понимать, что великое множество людей уже исследовали идеи христианства и выслушивали их. Существовало несколько сект (эссеи, терапевты и др.) с идеологией, близкой к христианству.

Здесь уместно вспомнить, что край этот, народы этого края были привычны к профессии пророк. Пожалуй, наиболее доходчиво обрисовал эти пророческие времена и действия видный греко-римский историк и философ тех же времен Цельс (прозвище – Врач). Есть смысл, чтобы ориентировать, направить читателя в описываемое время, процитировать его высказывание полностью: «Существуют много людей, которые, не имея ни имени, ни звания, с величайшей легкостью и по всякому ничтожному поводу ведут себя в святилищах и вне их, как будто они охвачены пророческим экстазом. Такое же зрелище представляют и другие люди, странствующие, как нищие, и обходящие города и военные лагеря. Все они знают одни и те же слова и сейчас же готовы пустить их в ход: „Я, мол, бог“, или „сын бога“, или „дух бога“. „Я пришел, потому что приближается конец мира, и вы, люди, неправедности своей ради, идете к своей гибели. Но я спасу вас, и вы скоро увидите, как я возвращусь назад, облеченный силой небесной. Блажен тот, который чтит меня теперь. Всех других я предаю вечному огню, и города, и страны, и людей. Те, которые не хотят верить в предстоящий им страшный суд, будут некогда тщетно раскаиваться и вздыхать! Тем же, которые поверили в меня, я обеспечу вечную жизнь“. К этим страшным угрозам они примешивают еще странные, полубезумные и безусловно непонятные слова, смысл которых не может разобрать ни один рассудительный человек, так темны они и так мало говорят, зато первый попавшийся дурак или шут гороховый может толковать их, как ему угодно. Эти мнимые пророки, которых я не один раз слышал собственными ушами, уличенные мною во лжи, признавались мне в своих слабостях и соглашались, что они сами придумали свои непонятные слова», конец цитаты. Цельс, эллин и язычник, весьма скептически был настроен по отношению и к Христу, и к христианству. Все труды его карательно уничтожены церковью в свое время, но один из документов – «Правдивое слово», написанный примерно в 160 году, почти полностью сохранился в полемическом трактате христианского историка того же

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org времени Оригена «Против Цельса», построенном как диалог.

Интересно, что местное народонаселение не гоже было к искусствам. Ни к живописи, ни к архитектуре, ни к иным изяществам способности здесь не отмечено. Следует оправдательно сказать, что это было запрещено Моисеевым Законом (кстати, очень похоже на некую генетическую программу для народа в целом, если смотреть из современности). Вся сила нации пошла на беспрецедентное штудирование Писания, на упования о мессии и жажду мести. Безусловно, среда была благоприятной для деятельного пророчества Иисуса Христа. Всех пророков с их программными речами, конечно, не перечислить. Богата была Иудея как историческими суперпророками, так и мелочью, зарабатывающей этим ремеслом на жизнь. Иерусалимский базар небось кишел в праздники говорливыми пророками, философствующими прорицателями и бесноватыми. Многие из них говорили дело. Понятно, что вместе с ними по городам и базарам уже бродил и «призрак христианства». Избыточность была налицо – стохастический напор на проблему уже был необходимым и достаточным. И вот этот «панспермический» поток. В нем: оставшееся позади множество пророков – предхристианских «уклонистов», вещавших до Иисуса; далее – шумное множество пророческой братии, проповедовавшее одновременно с ним, – современники-конкуренты того же толка; далее – разномастная сектантская и пророческая толпа переступивших его в неодолимом беге времени и жизни. Но история уже понесла от Иисуса. Или, применительно к древу религий, – иудаизм дал давно ожидаемый отросток: «И произойдет отрасль от корня Иисеева, и ветвь произрастет от корня его...» [Ис, 11: 1]. И пережившие его претенденты-неудачники уже кричат его имя на дорогах Палестины и мира, или даже присваивают его, соперничая теперь уже с апостолами, а точнее – им помогая (прав Цельс, много их было, были и заметные). Вослед им из Иудеи глядят, отворачиваясь, не слышат имеющие уши заступники прямой веры, неколебимые хранители далеких истин своих пророков. Это, конечно, поэтизированная (в память Мережковского), но чисто эволюционная, биологическая картина. Здесь можно было бы повторить и притчу Иисуса о зерне колоса (семенах одуванчика в нашем примере), склеванных, иссохших и т. д., и лишь одно из их множества, заготовленного эволюцией, проросло.

Безусловно, для возникновения новой религии ожидалась личность. Заметная личность ожидалась довольно долго. Состоялись, однако, и личность, и ошеломляющее событие – в делах легендарных, культовых дополнение знаковое. Хотя распять, как уже говорилось, по тем временам не великое дело, но в данном конкретном случае казнь была освящена личностью – Иисусом, уже названным Христом. Христианство получило мощный импульс к жизни. Правда, поначалу, в первые десятилетия, мало кто эту казнь заметил, – ну, погиб один раб из миллионов рабов (Павел Штейнманн), а прозвище «христиане» (можно перевести как «мессиянцы» или «помазанцы») вообще придумали насмешливые жители Антиохии, язычники. Однако первое деление зиготы можно и не уследить. Раскрутка имени Христа наберет силу лишь через века.

Чуть вернувшись, обратим внимание на замечание Штейнманна. Того не ведая, он высказал всеобъемлющий закон жизни, статистику успеха и прогресса, лежащие в основе эволюции: одна удачная попытка из непреложного миллиона, один гений из непреложной тысячи провозвестников-предшественников, одна спора из сотен тысяч и т. д., т. д., и, наконец, одна счастливая планета из миллиона миллионов безжизненных.

Отправные положения

Оставим пока религии религиям, очерк этот об Иисусе Назарянине. Об Иисусе, он же Христос, преступнике, и его подельниках. О преступнике, уничтоженном и пока не реабилитированном официальной иудейской церковью. Преступнике с точки зрения тогдашнего иудейского и римского права – опасном государственном преступнике, агитировавшем к насильственному свержению официальной церковной власти, разрушению ее идеологии и даже к собственному воцарению. Совершенно правильно отметил Ренан: только за проповеди не убивают. Собственно, и Иоанн Креститель пострадал не за проповедническую смелость обличать фальшивую набожность фарисеев или отпускать грехи, а, скорее всего, за то, что обвинил Ирода и его вторую жену Иродиаду в порочном прелюбодействе и кровосмешении, полагают историки. А уж головы лишился совсем ни за что – по прихоти разнузданной падчерицы-танцовщицы, наученной Иродиадой. Хотя такие замашки при царских дворах и не были чем-то

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org из ряда вон выходящим, народ все-таки содрогнулся и был возмущен.

Здесь, пожалуй, оговоримся о методике анализа, реконструкции событий тех времен, осмысления действий персоналий. Так вот, методический подход настоящих записок – это ненаучная, обычная бытовая логика обычного среднестатистического человека. А чем отличается современник от человека, жившего 2000 лет назад? В поведении – ничем. Отметим в тех временах лишь еще первобытную кровожадность. Кровожадность с одной стороны власти и смиренную крошечность с другой, поскольку жизнь тогда считалась делом эфемерным (захоронения в Кумране показывают, что немногие дотягивали до 40 лет). Однако мы нынче недалеко ушли, если вспомнить обоюдосторонние первобытные народные зверства в недавнем югославском конфликте, в центре просвещенной Европы, или в той же Чечне.

Небольшое отступление. Знаменательно поведение противостоящих сторон в критических ситуациях, так сказать, в присутствии смерти. Даже в конфликтах соплеменников, не говоря уже о людях разной веры. Обратимся для примера к своей гражданской войне. Белый христианин, держа в руках безграничную власть в виде парабеллума, в жесткой форме загоняет за черту смерти связанного красного христианина, находящегося по другую сторону этой власти. Изверг, зачастую нелюдь по изощренности. Поменяй их сиюминутно местами, и ситуация зеркально отобразится, повторится: в изверги немедленно превращается недавняя жертва. И повторялась ситуация с тем же накалом садизма, бывало. Интересно, что этот поведенческий процесс типичен на всех социумных уровнях. Мы знаем, как люто всевластная церковь расправлялась с атеистами и прочими еретиками в свое золотое время, но вот знаковое высказывание исторически известного английского атеиста тех времен, философа Т. Гоббса (1580–1670): «Если бы в каком-либо государстве, где дотолде совсем не признавали бога, кто-нибудь из граждан предложил создать религию, я бы велел его повесить». Так что можно представить и атеистическую инквизицию: поведение по разные стороны власти, а, наверное, точнее – смерти вполне предсказуемо. Кстати, что-то похожее (по типу инквизиции, но с ее масштабами не сравнить) было в России по отношению к церковникам, когда материалисты революционным способом перешли на другую, положительную сторону власти, а идеалисты Божьим промыслом оказались со стороны отрицательной (для наглядности представим шкалу номиналов власти как ряд действительных чисел). Конец отступления.

Определим также свое отношение к апокрифам. Апокриф (греч. «сокровенный») по определению – произведение исторического характера, притязавшее на авторитет, равный Священному Писанию, но не включенное в канон Библии. По данным о. Меня, вся сохранившаяся новозаветная письменность представлена греческими манускриптами в количестве, превышающем 2500 экземпляров. И эти евангельские манускрипты отдалены от подлинников и событий всего несколькими десятилетиями. Равноудалены, а значит и равнодостоверны. О. Мень, оправдывая церковное пренебрежение к апокрифам, приводит характерное утверждение двух известных французских специалистов: «Прошло время, когда в апокрифических произведениях пытались увидеть источник наших канонических текстов. Более того, трудно себе даже представить, как мог возникнуть и вырасти этот сорняк на поле богородицовой литературы (почему не наоборот? – В. Е.). Он был следствием народного любопытства, склонного к необычному и жадного до подробностей, и вечного стремления к сказке (что тут предосудительного? – В. Е.)». Противоположную же попытку русского критика Мережковского найти в апокрифах истину «едва ли можно назвать успешной» – считает о. Мень. Вполне понятная субъективная позиция. Объективно же апокрифы, в сравнении с принятыми церковью источниками, практически равнодостоверны, точнее, – равнодостоверны. Для настоящих записок они – почти равноценный исторический материал. Теперь о мифологичности текстов. Мы обойдем таки соблазн мифизации образа Иисуса. Мифический ‘подкрас’ чудес Иисуса в евангелических текстах просматривается, но реальность, историчность фигуры Иисуса уже ни у кого из серьезных исследователей сомнения не вызывает. Неплохой перечень подтвердительных документов по этому поводу перечислен о. Менем. Интерес этого плана можно удовлетворить в полной мере и со всеми подробностями в трудах Штрауса. Здесь же это исследовательское направление для краткости опущено.

Еще один технический момент. Цитируемый здесь церковно-славянский перевод Нового завета располагает к славянскому же восприятию Христа, «славянизует» его мысленный образ и облик: мы невольно вписываем его в свой, русский менталитет. Здесь трудно что-то посоветовать читателю Завета и данного очерка. Наверное, нужно как-то абстрагироваться, пытаться представить еврейские лица, характеры, даже одежды и смотреть на события сквозь туман, тьму веков.

Итак, анализ не сложнее досужего рассуждения с приемами логической

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org интерполяции. Как говорят, просто о сложном. Здесь также защитимся от возможных выпадов специалистов-библеологов – выпадов типа, к примеру, отповеди К. Еськова, автора «Евангелия от Афрания». Еськов, узкий специалист-палеозоолог, в своем евангелии мимоходом, но хорошо прошелся по дилетантам, как пример – из числа астрофизиков, лезущих со своими раздражительными догадками в палеозоологию (в начале романа Еськов сразу отмежевался от проблем библеологии, оставив их специалистам). Так, мы заметим, что «узкий специалист» зачастую тем и слаб, что находится в цеховых рамках, в шорах специальности, да еще и отбивается. Славный инженер-конструктор, к примеру, в отличие от такого обособившегося спеца интересуется всем, универсалист. Известны, например, инженерные способы «мозговых атак» на проблему, когда к ее обсуждению приглашались узкие специалисты из других областей науки и, среди пестроты суждений, иногда отыскивался импульс к решению задачи. Не так страшна и палеозоология, как ее малюют палеозоологи, скорее она скучна. Нередки к тому же случаи, когда хобби специалистов перекрывают по достижениям плодотворность в основной профессии. И если убрать из вводной части исследования Еськова многозначительные и важноспециальные предпослания и термины типа: дедуктивный путь, индуктивное обобщение, пространство логических возможностей и, особенно, – неполная индукция, то оно превратится в обычное, интересное досужее рассуждение. И в библеологию он все-таки влез, как ни отмежевывался. Кстати, есть логические упущения в интерпретации, реконструкции евангельских событий в авторстве Еськова. Для краткости – лишь один пример. В евангельском описании действий «группы захвата» в Гефсиманском саду он находчиво усматривает излишние, демаскирующие указанную группу, пылающие среди полнолуной пасхальной ночи факелы. Подчеркивает, что это нонсенс, и далее в занимательном детективном плане сообщает этому факту свой смысл. При этом Еськов помнит со второй половины дня казни странную черную тучу по Булгакову и знает, конечно, о сильном затемнении неба, до сумерек, по евангелиям. И там, и там перебор, но увеличение облачности до сильной и даже грозовой со второй половины дня и к ночи можно основательно предположить. И с хорошей вероятностью можно предположить также облачную ночь накануне (погода в апреле достаточно инерционна), плюс тени деревьев, плюс темнота пещеры. Да и ставка у когорты была, скорее всего, не на внезапность, а на преследование. И тогда – никакого нонсенса.

Заклячая раздел, добавим, что труд сей – не более чем апелляция к здравому смыслу читателя и лишь приглашение к единомыслию, и рассчитано изложение на читателя массового, не относящегося к профессионалам от веры или науки, то есть – на людей в норме просвещенных.

Младенчество Иисуса

О дате рождения Иисуса можно не рассуждать. Вся интернациональная сумма исследований по этому поводу давно и благополучно разрешилась четким выводом: 4-й год до нашей эры. То есть, фактически Иисус родился за 4 года до своего канонического рождества, положившего начало новой эре летоисчисления. Однако исчислений было немало. К примеру, по летоисчислению иудеев на дворе в тот момент шел 3760 год от сотворения мира; по исчислению римлян и греков – 750 и 776 годы от основания Рима и после первой Олимпиады соответственно. И, наконец, наши отечественные подвижники, переписывая «скок истории» с математических (!) позиций, положили датой рождения Иисуса 1152 год нашей эры (!). Отсылаем заинтересовавшегося читателя к соответствующим увлекательным текстам (А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского).

Теологические споры о происхождении Иисуса, месте его рождения принципиально нас не интересуют. Только с точки зрения генетической обусловленности его поведения. Характер – поведенческий комплекс, по терминологии теории эволюции, – конечно, зависит от родословной. Наследственность здесь прежде всего, а уж потом – научение, приобретения, модификация поведения.

Мария – мать, по апокрифическим сведениям, исходит из благочинной семьи (зачата также непорочным путем по католическому догмату 1854 года, а по более позднему, 1950 года, также и вознеслась). До 12 лет содержалась в Иерусалимском храме с обетом девственности. Из древнего (ок. 200 года) апокрифа следует, что хранителем ее девственности был избран солидного

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org возраста вдовец Иосиф. По достижении 12 лет (возраст совершеннолетия в тогдашней Иудее) содержание ее в храме стало невозможным по причинам, названным ритуальными. Этот факт настораживающим образом совпал с неожиданным беспричинным зачатием – Мария понесла. Девушку надо было пристроить в связи с этим к человеку уравновешенному. Таковым оказался он же – престарелый вдовец Иосиф. Дела земные, но не об этом речь. Речь о чертах характера – поведенческих чертах Марии, каковые частично унаследовал Иисус. Мария, судя по ее дальнейшему жизненному пути (апокрифическому), женщина инициативная, деятельная, можно даже сказать – энергичная. И этого уже достаточно, это уже неплохо было для вклада в генетический поведенческий комплекс Иисуса. Дед и бабушка по материнской линии тоже были людьми успешными. Не будем здесь муссировать известные спорные предположения, задним числом приписанные, о принадлежности Иисуса к Давидовой линии (очень серьезные теологи, и очень многотрудно, с привлечением древнееврейского закона левиарата, но все же доказывают кровное родство Марии и Иосифа, чтобы оправдать опрометчиво ориентированные Матфеем и Лукой на Иосифа родословные от Давида, хотя причем здесь Давидов род, если те же теологи и канон упорствуют в том, что Иисус – натурально Бог и сын Бога?). По всем статьям приемный отец, Иосиф по судьбе Иисуса почти не прослеживается, даже в самых ранних описаниях и документах, где Иисус еще не представлен сыном Божиим. Благочестивость благочестивостью в храме, но на уровне нищего стоящего, смекалистого народа вещи называются своими именами. Наверное, Иосиф получил свою порцию усмешек за спиной, убийственной вежливости в глаза и, мягко говоря, не удерживал Иисуса в семье. Ангельский сон о неземном зачатии набрал силу не скоро, через века. Как отмечает Штраус, Иосиф либо умер очень рано, либо не сочувствовал позднейшей деятельности сына. Есть также сведение, что он умер на девятнадцатом году жизни Иисуса. Похоже, за эти годы у Иисуса и появились четыре брата и две (как минимум) сестры. Родные. Иаков, Иосия, Симон и Иуда, имена сестер по их незначительности нигде не упоминаются. Вдовец Иосиф от первого брака детей, скорее всего, не имел. Видать, первая его жена была слаба здоровьем, отчего и неплодна, отчего и рано умерла. По естественному ходу событий можно предположить, что после ее смерти Иосиф двинулся прямо в служители храма (благо – один как перст) и о создании семьи больше не помышлял. Не помышлял до описанного выше момента, когда ему, простаку, храмовому плотнику, там же, в храме, настоятельно предложили в жены Марию. Бегство святого семейства с младенцем Иисусом в Египет евангелисты описывают безо всяких сносок. Имей Иосиф детей от первого брака, описание этого события, по-честному, усложнилось бы. Бегство в Египет выглядело бы морально неблагоприятным: Иосифу для спасения младенца Иисуса, непонятно зачатого, пришлось бы бросить на произвол судьбы своих шестерых малолеток. И на долгие годы, – исследователи оценивают египетский период семьи сроками от двух до семи лет. Все это требовало бы от евангелистов пояснений. И готов ли был Иосиф к такому поступку? Вспомним: когда он обнаружил храмовый подлог, лишь мистический сон с ангельским откровением увещевал его не выставить Марию со двора (а по Цельсу, см. далее, так и выставил). Здесь же добавим, что Иосиф, как и всякий нормальный муж, постарался немедленно вернуть свои позиции, так что Иаков, второй сын Марии, был младше Иисуса не более чем на год-два. Свидетельства в пользу исходной бездетности Иосифа и последовавшей плодовитости Марии приводит Косидовский, в том числе и прямое евангельское свидетельство: «Встав ото сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца (курсив мой. – В. Е.), и он нарек Ему имя: Иисус» [Мф, 1: 24–25]. То же у Луки (2: 7): «и родила Сына Своего первенца (курсив мой. – В. Е.), и спеленала Его, и положила Его в ясли».

Эти родословные данные Иисуса в принципе соответствуют официальной версии, каноническим источникам или созвучным им. Но существует и другая родословная, от того же Цельса. Диковато сейчас, на фоне международного авторитета девы Марии, матери Божьей, выглядят Цельсовы описания событий, связанных с происхождением и рождением Иисуса и судьбой Марии. Может ли быть историк, призванный быть объективным и детальным до мелочей, столь злобствующим? Наверное, объективность в его духе все-таки берет верх: чего ему врать, ведь он пишет не философский труд, не апологию и не критику, а историю, чего, повторим, ему сильно врать? Можно неохотно, тенденциозно освещать правду, но полностью от нее отойти – это значит потерять авторитет историка (наверное, Цельс написал свой труд в справедливом возмущении). Так что нет дыма без огня, и придется-таки делать заключения с оглядкой на Цельса. А Цельс утверждает, что мать Иисуса была деревенской женщиной легкого поведения. Ее муж, плотник Иосиф, выгнал ее из дому, узнав, что она изменяла ему с беглым солдатом римской армии, неким Пантерой, греком по

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org национальности. Оставшись без крова, Мария скиталась по свету и, когда пришло время, родила внебрачного ребенка, Иисуса (может, поэтому Иосиф почти не упоминается рядом с именем Иисуса, чаще пишут: Иисус – сын Марии; и еще – надо думать, что Иосиф после этого все-таки простил и принял Марию и умножал далее семью сам). Иисус, когда подрос, отправился в поисках заработка в Египет и там овладел искусством фокусника. Вернувшись в родную Галилею, он фокусами добывал себе пропитание. Его искусство пользовалось таким успехом, что Иисус возгордился и объявил себя Сыном Божиим. Мень, правда, элегантно и вполне весомым приемом опрокидывает Цельса и его последователей, предполагая, что они стали жертвами старой лингвистической ошибки: имя Пантерос (часто Панфера, Пантера) созвучно слову «партенос» – дева, и тогда получается, что Иисус был сыном своей матери, да и все. Однако такой «гвоздь» легче забыть переводчикам, возможно ли авторам? И наверняка в контексте «деву» нельзя спутать с солдатом. Интересно, что это же слово – «дева» – фигурирует и в другой лингвистической коллизии, вскрытой Косидовским, но уже в иной связи – в связи с библейской идеей девственности Марии, идеей непорочного зачатия и вообще с постоянной ее канонической непорочностью. Из четырех евангелистов на непорочном зачатии настаивают Матфей и Лука. Матфей делает прямую ссылку на Исая: «Се, Дева (курсив мой. – В. Е.) во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» [Мф, 1: 23]. Косидовский считает, что Матфей ошибся при переводе древнееврейского слова «алма», которое означает и «девица», и «молодая женщина»: он избрал первый вариант и предопределил, предпослав канон перманентной непорочности Марии.

Та же переводческая неоднозначность и в ситуации с братьями Иисуса: родные, сводные или двоюродные, все зависит от понимания слова «брат» – греческое «аделфои» и арамейское «ах» обозначают не только кровное родство (тогда прощай девственность), но и двоюродность, и сводность, а также содружество в общине. Так что вопросы девственности и отцовства из-за таких переводческих проблем открыты. Выводы у каноников и у критиков обоснованные и уверенные, но противоположные. От себя добавим, что братья были все-таки сводные, но не по отцу, как принято считать, а по матери (точнее, одноутробные), если она была введена в соблазн Пантерой.

Здесь трудно удержаться от упоминания о крутой борьбе за девственность Марии на вселенских соборах 431 и 439 годов в Эфесе. Сторонники и противники канонизации непорочности Марии бились натурально. Косидовский приводит цитату архиепископа Никифора: «Флавиан (противник культа Марии) был избит Диоскуром кулаками и пинками ногой в живот и умер три дня спустя». Культ Марии утвердили. Но истина существует, конечно, сама по себе. Иногда она проглядывает через толщи веков в незначительных документах, по халатности пропущенная цензорами. Существует цикл христианских апокрифов – апологий Понтия Пилата, которые по их поверхностности и наивности можно назвать лубочными (а то и комиксами). Апокрифы изобилуют сведениями типа: двенадцать апостолов выступают свидетелями защиты на еврейском суде над Иисусом; Иисусу благоволил, помимо Пилата и его жены, сам император Тибериус и другими неумными фантазиями. Но всегда случается дым, наводящий на мысли об огне. Так, апокрифы сообщают, что во время суда евреи выдвинули в качестве обвинения следующее: Иисус – сын блудницы (например, в евангелии Никодима). Эта сплетня, значит, прочно сидела в умах современников, на языках молвы. Именно по плотному информационному напору молвы можно с большим приближением определить истину, нежели по разрозненным наставлениям догматиков, пытавшихся погасить молву. И пожалуй, главное – нет разноречия в вымыслах, во всех приведенных выше случаях фигурирует одно конкретное лицо. Так что грек Пантерос застрял в родословной Иисуса не меньше, чем Иосиф, а если представить количество сожженных церковью самых ранних исторических «контрафактов» о житии Иисуса, то, может, и больше.

Для краткости опустим общеизвестные сведения из Талмуда, где также упоминаются имена Иисус, Мария и Пантера (но не Иосиф), успешно довершающие полную неясность по данному вопросу. Кстати, об имени его. Применяем здесь наиболее употребительное и в свете, и в религии имя – Иисус. Если придерживаться иврита, то Иешуа, конечно. Точнее – Йешуа, без двойной гласной в начале. Может и правы наши старообрядцы, настаивающие на имени Иисус.

Но о младенце. Все же сомнительно, чтобы престарелый и больной Ирод истерически приказал избить двухлетних вифлеемских младенцев. Об этом событии, безусловно громком даже для тех времен, нет ни слова в исторических сведениях Иосифа Флавия об Ироде Великом. Флавий крепко ненавидел Ирода и не пропустил бы такого позорного для Ирода

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org биографического пятна. Ирод – идумей, чужак на иудейском троне, не из рода Давида и не из линии Маккавеев, истребил множество своих близких, в том числе и родственников, хотя бы отдаленно потентных на его место. Но увидеть конкурента с двухлетнего его возраста и убояться его, наверное, не смог бы даже ирод нарицательный. Хотя как знать. Но тогда ему пришлось бы регулярно убивать вифлеемский приплод издавна, поскольку Давидов преемник намечался родом из вифлеема по Писанию (Ирод, исповедовавший иудаизм, конечно, был в курсе, волхвы ни при чем). И в описываемое время Ирод был уже на излете по возрасту, опасаться мог только скорой смерти, а не двухлетнего претендента Иисуса. Так оно и получилось: едва Иисус научился говорить, как Ирод дал дуба.

Как бы там ни было, младенца Иисуса благополучно обрезали, и благополучно прошла «презентация» в храме. И вошел он в мир с несколько нестандартными для иудея (по Марку – галилеянина) задатками морфологии и психики. Далее его поджидали благоприятные (но экстремальные) стечения жизненных обстоятельств, претворившие его в личность. Отдельно для ортодоксальных христиан небольшое замечание. Странный путь вочеловечивания избрал Господь – через ненадежное утробное развитие, болезненное, прозаическое поступление на свет, с агуканьем вступая в затажную младенческую войну один на один с высокой для тех времен детской смертностью. И наверняка Иисус болел и остался жив лишь неусыпными стараниями матери – Марии.

Детство Иисуса

Итак, детство Иисуса. Очевидно, оно было обычным счастливым детством живого ребенка в полунищей многодетной (четыре брата-погодка, две сестры) семье. Присмотр, опека, внимание со стороны родителей были, естественно, минимальными, если не нулевыми. Многого не хватало, достаток скудный, питание в семье – проблемное; бесконечная работа или поиски работы быстро пригибали к земле. В общем, дети росли как трава, общение с родителями происходило в основном за трапезой. Всерьез о детях вспоминали лишь тогда, когда они, уцелев, дожив до отрочества, способны были помочь по хозяйству, в работе, если не стали бандитами. Зато вдоволь было свободы, уличного общения в среде таких же шумных, хитроватых, хулиганистых, разновозрастных городских мальчишек, которые нарождались в бесконтрольном количестве. Характер, как известно, закладывается с раннего детства (добавим, на базе врожденных поведенческих черт). Как правило, с детства в многодетной семье у старшего ребенка приобретаются лидерские черты, повелительные наклонности. А в разновозрастной детской уличной среде авторитет достается сильнейшим и хитрейшим. Естественно, и у Иисуса отрабатывались сметка, быстрая реакция во взаимоотношениях, стычках, игровых ситуациях. Все эти дела стандартны во всех временах и народах: у полубеспорядочных детей процесс обучения общению и быстрее, и глубже, и разностороннее. Всегда выделяется такой пацан, не лезущий за словом в карман и способный извернуться в конфликте со взрослым, обмануть, найти верный выход из чреватой дракой или поркой ситуации. Тертый подросток с отшлифованным чувством опасности, но бесстрашный заводила или наоборот, всерешающий «теневик». В таких условиях, контактах проходило детство Иисуса. Достаточно хорошо физически развитый и с явными задатками неординарного ума, Иисус вполне мог быть лидером в своей возрастной категории.

Отрочество Иисуса

Далее отрочество. К разгульной уличной жизни добавляются элементы обучения Писанию, грамоте, дисциплине. Понятно, Иосиф начинал приобщать его к профессии плотника. Хочешь не хочешь, будучи старшим сыном, приходилось помогать отцу и в работе, и в хозяйстве. Домашние дела отыскивались всегда с противным постоянством и в большом количестве. В том числе и материнские

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org поручения по уходу за малышами. Наверное, было и небольшое приусадебное хозяйство, виноградник. Парень был смысленный, легко постигал, усваивал мегабайты Писания. Впоследствии Иисус показал хорошую ориентировку в его хитросплетениях, в его токовании и речении. Цепкий, замешанный на постоянной борьбе за выживание или, точнее, на соперничестве за лучший уровень ассимиляции в уличной среде ум прекрасно впитывал и грамоту тех времен, и какие-то основы естествознания, счисления, нравственности. Что-то норовил вбить Иосиф, вдальбливала Мария. Все обычно и просто, в больших, тренирующих количествах. Заметим, исследователи единодушно отмечают, что высоким образованием Иисус отягощен не был. То есть уровня, близкого к образованию «книжников», он не достиг, и хорошо, так как в народе книжников недолюбливали и, по возможности, насмехались над их заумностью. Народ жил проще, и, будь Иисус слишком грамотным, он, наверное, не имел бы успеха у масс. Первенец здоровой матери, в экологически чистой среде, не избалованный переяданием, с начисто выбитой ленью – в таких условиях даже рядовой ум получит хорошее развитие. Иисус же, судя по всему, имел неплохие природные данные в отношении умственных способностей. Вполне можно предположить и ловкость в спортивных играх того времени, допустим и хороший слух в пении, пластичность в танцах. Дети многочисленных семей всегда и живее, и интересней, и публичнее. Если к тому же Иисус все-таки пребывал в Египте до некоторого сознательного возраста (называют семь лет), так кругозор его был значительно шире, чем у его сверстников. Иная цивилизация добавила универсализма его детскому уму, конечно, нахвтался он меж тамошних детей и иных игр, и привычек, и разнородных, порой диковинных, познаний, которые ощутило выделяли его среди друзей и товарищей. Тут, возможно, и есть исток лидерства, уверенности в авторитете, устойчивой самоуверенности, которые в биологическом плане закладываются с детства, с отрочества. Логические способности его были отмечены учителями, в евангелиях есть прямое, хоть и преувеличенное указание на это.

А если на минуту предположить, что Иисус был все же сыном беглого римского легионера, соблазнившего или запугавшего пряху Марию, как предполагает Цельс, что в те смутные времена было делом, скорее всего, рядовым, то лидерство Иисуса в семье (и в среде сверстников) подкреплялось еще и чужой, более агрессивной греческой кровью: заметим, что презреть Римскую империю и сбежать из ее легиона мог только человек решительный, с характером (неспроста получил имя-кличку – Пантера) или нестандартным мышлением (а вдруг ненормальный?). Ну и, наверное, крепкого телосложения – доходяг в легионеры вряд ли набирали. И то, и другое, и третье в какой-то степени досталось Иисусу по наследству и обусловило известный нам нрав будущего «авторитета». Как знать, может, соседи спустя время все-таки дознались о тайне его неопределенного зачатия (хотя это, по историческим данным, являлось храмовой тайной) и не смогли удержать в себе такую пикантную информацию, и Иисус уже с детства получил некие сведения о своем происхождении, – что-то очень уж легко и, по-видимому, рано он расстался с семьей и впоследствии грубовато разговаривал и с матерью, и с братьями (отмечено всеми исследователями, например, у Луки, 8: 19–21; у Матфея, 12: 46–50 и др.). Но описанное необязательно, характер Иисуса вполне мог сложиться в русле обычных, стандартных для всех времен и народов отношений в многодетной семье. Был ли он акселератом? Вполне можно предположить. Почему бы не предположить? Если все же были у Марии отклонения от нормы (доводы см. ниже) и Пантера был без царя в голове, так в генном наборе Иисуса могла случиться лихая комбинация, начавшая проявляться уже с детства. В плане чудесном о детстве Иисуса повествуют апокрифические славянское и сирийское евангелия детства, послание св. апостола Фомы и др. Из них следует, что уже в семи-восьмилетнем возрасте Иисус поражал учителей знаниями и логикой, исцелял или буквально карал обидевших его сверстников, вызывая гнев и панику их родителей или, напротив, чувство высшей благодарности. В одном из эпизодов он сурово поставил на место отца своего Иосифа, попытавшегося его слегка наказать.

Здесь интересно не столько описание чудесных способностей семилетнего мальчика, сколько заметные нападки сверстников. Такая неприязнь случается в подростковой среде по отношению к детям в чем-то ущербным, например с уродствами или другими изъянами во внешности. Или же в происхождении, что наводит на мысль: не был ли он в некотором роде греческим изгоем? Если знали родители сплетню о его происхождении, то это дошло и до детей, и в красках, а уж дети, конечно, не церемонились, придумывали обидные клички и третировали его, что обычно только на руку при формировании личности. Интересна также в этой связи еще одна деталь в его облике. Слегка забежим вперед. В описании внешности взрослого Иисуса Лентуллом (см. далее) есть слова: «он не смеялся никогда». Заявление настолько императивное, что представляется правдой. Но что, если он не смеялся с детства? Выпадение

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
такого признака из поведенческого комплекса безусловно делало отрока
неконтактным.

Совершеннолетие

Таким образом Иисус достиг 12 лет – возраста, который в древней Иудее считался возрастом совершеннолетия, религиозной зрелости. После этого в его биографии существует провал вплоть до символического возраста полного совершеннолетия, зрелости – 30 лет. Синоптикам этот период ни к чему: показали идеалистическое зачатие, показали смышленость в 12-летнем возрасте и – к делу, к общественной деятельности зрелого возраста. Тридцать лет приброшены, чтобы просто отметить зрелость (как и Давиду на момент воцарения, как и Иосифу, прародителю двух колен Израилевых, на момент высшей фараонской милости), а фактический возраст так и остался тайной. Перед указанной пустотой спасовал даже Штраус. Мережковский в строго каноническом русле назначает срок этот для неотлучной семейной жизни с братьями и сестрами в Назарете: «Ясно одно: очень друг от друга устали, измучились; двадцать лет жили вместе, родные – чужие, любящие – ненавидящие; души их как связанные тела, терлись одна о другую, из году в год, изо дня в день, пока не натерли ран, как у тяжелобольных пролежней». Не верится, чтобы в подобной тягостной бытовухе мог развиваться у Иисуса гений общения с людьми. Скорее, это был бы к тридцати годам истекающий желчью, ограниченный человек.

О том, что Иисус рано расстался с отчей семьей, косвенно можно заключить по разительному отличию в религиозности между ним и очень близким по возрасту братом Иаковом, вторым после него сыном Марии. Иаков, неотлучно находившийся возле Марии и все свое детство, и отрочество, и раннюю юность, был ревностным иудеем, фанатичным рабом каждой буквы Писания. Это следует из хорошо описанной Новым заветом и апокрифами дальнейшей его судьбы и является ни чем иным, как следствием продолжительного влияния на его психику богобоязненной Марии. Похоже, в отсутствие Иисуса вся сила любви и боголюбия Марии обрушилась на Иакова. А Иисус вскоре после двенадцати лет, видать, семью покинул, не испытав мощного материнского влияния, и хотя Писание хорошо знал и уважал, но к отдельным его положениям впоследствии отнесся критически, к негодованию Иакова.

Мнения исследователей по вопросу этого темного периода в жизни Иисуса широко разошлись. Иисус на это время отправляется ими и в Тибет, и в Индию, и в Египет. Беллетрист Сарамано живописует, что Иисус четыре года из этого периода пас овец с Сатаню под Иерусалимом, был у Сатаны подпаском. Ни много, ни мало. Идея отсылки Иисуса в Индию не такая уж дикая. Согласно утверждениям ахмадистов (направление в исламе), Иисус не был распят и поэтому не вознесся на небеса. Он был спасен своими учениками и бежал (как спутник упоминается Фома) в Индию, где благополучно прожил до 120 лет. Его могилу и до сего дня показывают в индийском городе Шринагаре – столице штата Кашмир. Мог он побывать там и раньше. Ренан, согласуясь с евангелистами, полагает, что Иисус до самых тридцати лет просидел в Назарете, мечтая о Боге. Маловероятно. Немало исследователей считают, что Назарета во времена Иисуса не существовало вовсе, так как он не упоминается ни в списке галилейских городов в книге Иисуса Навина, ни в сочинениях надежного Иосифа Флавия, ни в Талмуде. Более определенно заполнил неизвестный период только порицаемый Цельс. Как уже упоминалось, он сообщает, что в молодости, скорее всего это и есть период 12–30 лет, Иисус был очень беден и занимался на работы в Египет. Богословы, естественно, напрочь отрицают сведения Цельса о том, что Иисус был в Египте и вынес оттуда оккультные знания, которыми воспользовался для влияния на иудейские массы. И все же ближе к правде работа там, в Египте. В Египте много строили, и работа была, были стабильные средства к существованию. Там он, видимо, и поднаторел среди тысяч таких же наемников и рабов со всего света. Прошел школу жизни в людской каше, в водовороте событий, в мельнице взаимоотношений, в калейдоскопе вер да и неприятного канонистам оккультизма, на который намекает Цельс. Только так он мог хорошо познать человеческую психику, душу и изнанку души и стать «ловцом человеков», по его любимому выражению. Наука управлять толпой, модифицировать поведение масс, подчинять своей воле учеников вполне может иметь египетские корни. Кстати, вкалывал он там и по субботам. Хотя, если он, оставив семью, провел

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org эти годы даже, допустим, в Иерусалиме, таком же шумном и разномысленном, результат был бы тот же. Добавим, что ему пришлось еще и лавировать между своей вольницей и свирепостью римских легионеров. Конечно, набожная Мария внушила ему с раннего детства богопочитание. Но когда, к примеру, набивший тебе морду легионер Великой Империи сделал это с именем великого бога Зевса и спокойно удалился, а ты убежал, моля своего Яхве, чтобы скорее зажили ссадины на лице, закрадываются мысли о некоторой соподчиненности богов. И такое деятельное сопоставление богов происходило на глазах 15–17-летнего подростка достаточно часто, чтобы поколебать веру во всемогущество Яхве. Вряд ли он был гением-боголюбом по Ренану. Действа, подобные описанному, могли только внушить мысли о смирении и надежды на Царство Божье, справедливое и мстительное. Имперские великие победы и завоевания под флагом дикого и мощного бога основательно нивелировали местное, ограниченное величие Иеговы. Не говоря уже о корыстолюбии и несправедности своих чиновников от веры, его дискредитировавших. Сложно определить истинные отношения Иисуса с Богом. Цитируем прот. А. Меня: «При этом в Нем не было ничего жреческого, напыщенного (читай: фанатичного. – В. Е.). Святоши говорили о Нем: Вот человек, который любит есть и пить вино [Лк, 7: 34]». И здесь, и у Матфея (11: 19) дословно: чревоугодник и пьяница. Вопрос о набожности Иисуса открыт, ясно лишь то, что закладываемые с молоком матери образы устойчивы на протяжении всей жизни человека.

Время его отрочества совпало с периодом после подавления очередного восстания евреев под предводительством Иуды Галилеянина. Так что в Иерусалиме полно было беспризорных подростков-сирот его возраста, наверное, в их полупреступной среде он первое время и перебивался. Дело жизни вполне мог решить и случай (случайных благоприятных совпадений в его жизни немало), мог он попасть как в поселок строителей храма и работать плотником, так и в компанию шарлатанов-проповедников. В таком случае смелый парень мог начать зарабатывать на пропитание помощником пророка – как говорят: с чего начнешь, тем и закончишь. Или после постройки храма поработать некоторое время при храме тем же плотником – слишком хорошо он знал и обрядовую, и прочую церковную рутину и лицемерие, против которых и восстал. В пользу первого предположения о пророческой подготовке говорит экзальтированное восклицание самого Иисуса: «Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз (курсив мой. – В. Е.) хотел я собрать детей твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» И это восклицание приведено у тех евангелистов, которые считают его роковое путешествие в Иерусалим первым и последним [Мф, 23: 37; Лк, 13: 34], но нет его у Иоанна, который полагает, что Иисус до этого несколько раз побывал в Иерусалиме с проповедями. В другом его высказывании проглядывает хорошая осведомленность о пророческом промысле: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» [Мф, 7: 15]. Есть еще одно туманное высказывание Иисуса, при въезде в Иерусалим, похожее на вдруг ожившую ностальгию по своей иерусалимской молодости: «И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты, хотя бы в сей день узнал, что служит к миру твоему!» [Лк, 19: 41–42]. Далее идет пророчество о грядущем языческом разрушении Иерусалима. В современном переводе о. Леониды (Лутковского) эта фраза звучит так: «О, если бы ты хоть сегодня узнал, что нужно для благоденствия твоего!» А что, собственно, нужно? Остановить ход истории, времени? Угадать и предотвратить восстание, в результате которого римляне разнесли Иерусалим? Никому это не под силу. В цитируемой евангельской записи Иисус, скорее всего, предвзято свои проповеди в храме, выразился проще: не «кто служит», а «кто служит» и заплакал. Но это малопонятное его современникам ностальгическое проявление чувств, восклицание впоследствии было приспособлено, переделано христианскими переводчиками и переписчиками в более понятное, привычное пророчество, предсказание разрушения города. Однако вряд ли Иисус прослезился бы при этом: вспомним, сколько он невозмутимо проклял не принявших его городов, в том числе и исходный Капернаум [Лк, 10: 13–15], а Иерусалим не только не принял, но и готовился его убить, и Иисус эту опасность сознавал.

Показательна также его трехдневная проба самостоятельной жизни в Иерусалиме, когда он после очередного (но последнего семейного, совместного) пасхального паломничества в двенадцатилетнем возрасте просто остался в городе на три дня и был разыскиваем встревоженными родителями [Лк, 2: 45]. Кстати, интересно, что здесь догматиками пропущен один, по сути дела, всеразрушающий момент. Иисус, обращаясь к нашедшим его родителям, говорит: «Зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов» [Лк, 2: 49–50]. Он вразумляет родителей, что он не от мира сего,

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org намекает на Господне отцовство. Родители при этом пребывают в недоумении, хотя каждый из них давно уже получил соответствующие свидетельства: Мария – ангельское благовещение, а Иосиф – ангельское же убеждение о непорочности Марии и о всевышнем происхождении Иисуса. Так что невязка взаимоисключающая. И действительно, имея они такое уведомление, Иисус с младенчества был бы ими внимательно опекаем (мыслимое ли дело – сын Бога!), а уж соседям было бы тысячекратно конфиденциально сказано о святой тайне. И почему бы благочинным жителям Назарета не поклоняться подрастающему божеству, если даже цари-волхвы и храмовые сановники по рождению ему поклонились? Увы, никакого почитания: семья решила, что он повредился умом, а назаряне же насмеялись над молодым пророком и даже подумывали убить его [Лк, 4: 29]. Логика, как видим, нет, догматизма в избытке. Мережковский решает эту ситуацию просто: братья и сестры ничего не знали о божественной сути Иисуса и не видели никакой божественной печати на его невзрачном челе. А мать Мария то вспоминала, и тогда «ослепительная ледяная молния ударяла ей прямо в сердце», то забывала и вместе со всеми считала сына бесноватым. В таком разе не поймешь, кто в этой семье действительно ненормальный, может и все. Тем паче, что брат Господень – Иаков – из ненавистников Христовых неисповедимо обернулся неукротимым его последователем.

Но не об том речь. Если все же допускать некоторый период жизни после 12-летнего возраста в Египте. Иосиф в момент угрозы Вифлеемского избиения, видимо, не просто так увез семью в Египет. В Египте была еврейская диаспора, естественно предположить, что там у него были дальние родственники или просто друзья, у которых он временно укрылся. Впоследствии (как и ранее) он, видимо, встречался с ними ежегодно на пасхальных паломничествах в Иерусалиме: подрастающий Иисус был участником совместных пасхальных обрядов, молений. Вполне мог он, достигнув совершеннолетия и думая о хлебе насущном, о заработке, сделать расчет на вторичную поддержку и отправиться в Египет. Заметим, что в диаспоре интенсивно трудились вездесущие пророки, способные и здесь обучить молодого Иисуса ремеслу (по еврейским рассеяниям же отправились впоследствии и апостолы-пророки с именем Христа).

Штраус в отношении этого неизвестного периода жизни Иисуса предполагает, что он был «периодом тяжелой, мрачной борьбы и, может быть, различных заблуждений». Матфей [6: 25–28; 8: 20] упоминает о некоторой привычке к скитальческой жизни. Вполне вероятно также и последовательное пребывание Иисуса сначала в Египте и потом – в Иерусалиме. Но самое главное – после возможных египетской и иерусалимской школ жизни он стал талантливый (здесь можно согласиться с Ренаном и в утверждении гениальности Иисуса) ловцом душ и в человеческой массе был как рыба в воде. Все просто как мир. Подобных волевых типажей, психологов-самоучек можно найти там же, в тюрьмах, куда и нацеливался Иисус. Управлял он людьми, наэлектризованными ожиданием мессии, делал это играючи и хорошо знал, чего они ожидают, знал наиболее доходные темы проповедей, и мы знаем, что это были идеи смирения, благочестия и надежды – материал будущего христианства.

Тридцать лет и три года

Итак, начало основной общественной деятельности, служения – зрелое 30-летие [Лк, 3: 23]. «Прямого указания на то, как долго действовал Иисус публично, мы не находим ни в одном из евангелий» – это цитата из исследования Штрауса. Очень сложны логические конструкции Штрауса по поводу выяснения срока общественной деятельности Иисуса. Первые три евангелия (синоптические) входят в противоречие с четвертым. Иоанн в четвертом евангелии сообщает, что Иисус до рокового события не один раз побывал в Иерусалиме, по праздникам, и вел себя там как дома (и церковные иерархи уже положили на него глаз), а синоптики Матфей, Марк и Лука, напротив, утверждают, что все скандальные действия Иисус произвел в свое первое и последнее, триумфальное и роковое прибытие в Иерусалим в качестве уже Мессии. Примирить всех может лишь приведенное выше предположение, что Иисус основную часть предшествующей молодости провел в Иерусалиме рядовым пророком, в составе какой-либо общины.

Все же общепринятое мнение сходится на трехлетнем периоде (после тридцатилетия) общественной проповеднической деятельности Иисуса-мессии. И начался он крещением. Иоанн Креститель в водах реки Иордан уже массово

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org практикуемым способом окрестил Иисуса на тридцатом году его жизни. Можно прикинуть, что за период около года перед этим событием Иисус, прибыв из Иерусалима, был простым слушателем проповедей Иоанна. Затем вошел в состав его учеников – как-никак родственник, и здесь Иоанн понял, что имеет дело с учеником, уже владеющим неплохим проповедническим опытом. Ученик обнаружил установившиеся взгляды и идеологию, столичную самоуверенность и превосходящие способности: большую силу влияния, лучшую риторику. Состоялись дискуссии, наметились несоответствия платформ. Иисус, уяснив идеологию Иоанна, не был согласен с проповедовавшимся им аскетизмом: слишком схож он со все той же закостенелой педантичностью официального иудаизма, а Иисус уже был полон идеями прямого общения с Богом. Однако и Иоанн, хоть и понял, что перед ним перспективный реформатор, принципами поступаться не мог и не стал. Окрестил Иисуса и публично признал его превосходство [Лк, 3: 16–17; Ин, 1: 19–28]. Иисус отправился в пустыню на 40 дней поститься и отражать искушения Сатаны, а Иоанна как раз схватили Иродовы прислужники (воля случая?) и заточили в темницу [Лк, 3: 20] (чем это закончилось, мы уже говорили). Паства на некоторое время осталась без присмотра, пока Иисус не вернулся и не заступил место Иоанна. Тем самым начался новый, успешный трехлетний проповеднический период жизни Иисуса зрелого.

Популярность росла как в Галилее, так и в соседней Самарии, других языческих и иудейских пределах (по Луке – и в Иерусалиме), появились ученики, произнесены были нравоучительные притчи и знаменитые проповеди, содеяны чудеса (Штраус и некоторые современные историки в описаниях многих из этих дел усматривают мифотворчество). Назрел абсолют уверенности в себе и в своем деле. Слава воссияла. Все шло как по маслу. Это общеизвестно, незачем детализировать. Отметим лишь одну интересную деталь: Иисус не проповедовал в Назарете. Преткновение объяснено самим Иисусом: «Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» [Мф, 13: 57]. Не принят, не оценен был по достоинству босяк Иисус на родине – в Назарете. А семья вообще сочла, что он ненормальный, стал на порочный, порицаемый властями путь, и даже предприняла попытки «взять» его [Мк, 3: 21; Ин, 7: 5]. Это очень интересная оппозиция. Эволюционные ее предпосылки несомненны. Легко проследить такую ситуацию в обычной жизни. Определенная информация, исходящая от родственников, или близких друзей, или хорошо знакомых земляков, не воспринимается, отторгается. Положим, родич, по вашему мнению ни с того ни с сего, написал стихи, приятель начал рисовать, земляк забаллотировался в президенты. И вспомните, стихи эти вам даже не хочется читать, и на картинах сплошная несуразица. За текстом или за холстом маячит невзрачный образ надоевшего родича или приятеля, посягнувшего на известность: Боже, куда он прет, что за мазня? что за бред? что он мелет, тот же вдоль и поперек известный претендент? Любые другие стихи, картины, официоз вы воспринимаете иначе, оцениваете с привычных позиций объективности, хорошо различаете достоинства и недостатки, принимаете к сведению без этого непонятого предубеждения. А предубеждение вполне объяснимо – чужая жена всегда лучше, поясняют в народе; везде хорошо, где нас нет; пустопорожня, сварливая Ксантиппа обывала своего мужа Сократа идиотом и т. д. Все дело в инстинктивном отторжении старой и влечении к новой информации – эволюционном двигателе прогресса вида Homo sapiens, с древнейших, полудиких времен поглядывавшего, что нового в соседнем племени, – свое-то уже неинтересно. Упомянем-таки и пресловутое наше преклонение перед иностранцами и иностранным.

Можно было бы в этом месте долго рассуждать об инстинкте передачи и поиска, накопления информации, что мы сделаем вкратце. Вспомните, как не терпится вам рассказать новый анекдот или эффектно озвучить какую-либо сногшибательную новость – инстинктивный зуд передачи информации. На этом инстинкте погорело немало преступников, не сумевших удержать язык за зубами по пьянке или, скажем так, – терпение кончилось. Минутная слабость потом оборачивается годами неволи: тайна, известная двоим, – уже не тайна. Хорошие примеры есть и в текстах евангелий. Нередко Иисус, исцелив много немощного и даже целую толпу [Мф, 9: 30–31; 12: 15; 14: 14], запрещал об этом рассказывать. На первый взгляд, нелогично для проповедника, но не прост был Иисус: он прекрасно понимал, что запрещение передавать информацию действует на неискушенный люд ровно наоборот – желание передать информацию удваивается. Запрещение подчеркивает пикантность информации. Такой же дальновидный запрет получали и ученики его: «Тогда запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» [Мф, 16: 29]. Естественно, рассказали. Или: «И повелел им не сказывать никому. Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали» [Мк, 7: 36]. Несокрушимый инстинкт.

Еще одно пояснение к «назаретскому эффекту». Всем, кто много лет работал

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org в коллективе, известно, что любой вновь появившийся человек имеет как бы презумпцию солидности, значительности, по крайней мере – информационную привлекательность, некую притягательную силу для людей, уже давно исчерпавших взаимные информационные потоки и успевших надоеть друг другу. Свой же человек, задумавший вдруг сыграть роль нового, выпрыгнуть из себя, из сложившегося имиджа, как правило, вызывает неприязнь в той или иной форме. Информационная исчерпанность, несомненно, и одна из причин распада молодых семей. Статистикой выделяются рубежные два года – срок полного обмена молодых информацией всех планов и следующий далее крах ее же – информационной обоюдной привлекательности.

Инстинкты – это как раз-таки soft, о котором мы говорили выше. Инстинкт накопления информации, новой конечно, заставляет нас на бытовом уровне любопитствовать, совать нос, куда зачастую не просят. Естественно, сила инстинкта, шкала признака разновелика у разных людей: допустим, от замкнутости до неумной болтливости, от чрезмерного любопытства до индифферентности к пикантным событиям. Все объясняется генетическим, врожденным набором, генным составом поведенческого комплекса.

Вот и жителям Назарета любой другой пророк был гораздо интереснее, предпочтительнее своего, – что он может сказать путевого, сын пряхи? Когда его распяли, там, видимо, сказали: ну вот, мы так и знали. А пока Иисус гремел славою. Сам он себя Сыном Божиим до поры до времени не называл. Будучи человеком умным, он понимал, что талант управления массами, ораторские способности, удачи во внушении своих идей – это еще не повод для крайнего самовозвеличивания, панибратства по отношению к Богу. А Бог Яхве, Саваоф суров и временами жесток. И хотя человеком набожным Иисус вряд ли был [Мф, 11: 18–19; Лк. 7: 33–34] (Ренан, правда, усиленно выводит его боголюбивый образ), но Бога врожденно побаивался и в сыновья к нему не лез. Конечно, если принять к вере и подлинности каждую букву Нового завета, можно подобрать поэтические детали к поэтическому же заключению Мережковского: «Знание Отца, любовь к Отцу – в Нем Одном-Единственном». Но будем реалистичны: на сан мессии он был согласен, потому как никакого богохульства в этом не видел, народ каждого достаточно заметного пророка норовил произвести в мессию или мучился в догадках: не мессия ли он? Впоследствии, когда природная сила исцеления у него утвердилась, развилась до предела и он понял, что способен почти на любое чудо, у него, наверное, возникло самоощущение присутствия в себе Божьей благодати. С какого-то момента он стал верить в это и считать себя Сыном Бога [Мф, 11: 27; Ин, 10: 15; 17: 10], что дополнительно многократно усилило его способности. Тоже soft, и не приобретенный, как считали Цельс и его единомышленники, а врожденный. Для иллюстрации уместно будет здесь привести реальный пример несокрушимой самоуверенности. В короткой заметке одной из центральных газет сообщалось, что близ небольшого среднерусского городка на железнодорожное полотно вышел мужчина (как выяснилось – экстрасенс), поставил дипломат на шпалы и, выполняя пассы, сделал попытку остановить летящий на него поезд, застопорить мчащееся железо силою своего экстрасенсорного дара. В неудачу он не верил. Поезд, конечно, сделал свое мрачное дело, но вера человека в себя все-таки осталась непобежденной. Такая вера может сделать многое, и именно к такой вере призывал своих учеников Иисус в некоторых ситуациях [Мк, 11: 23–24; Мф, 17: 20; 14: 31].

И был Иисус простым, как говорят, «языкатым» человеком, – не философом по-гречески или по-римски с ученой, просветительской программой. Выступления его, проповеди неровны, эмоциональны, он импровизировал и о противоречиях в них не беспокоился, главное – это эффектная подача материала, произнесение, производящие сильное сиюминутное впечатление на паству: «слово Его было со властью». А паства его – это в основном нищий неграмотный народ с неприхотливой логикой: разум недоступен толпе, но доступна вера. Росту популярности и численности слушателей способствовало обилие иносказаний в его речах, притч, иные из которых он придумывал «на лету», а иные сидели в его памяти. Все эти двусмысленности и «творческие образы» в его речах да плюс фантазии переписчиков неслабо грузят церковных толкователей. Во все времена церковным просветителям приходилось идти на всевозможные ухищрения, чтобы примирить здравый смысл читателя с текстом, но они многоспособны. Здесь надо все же попенять на евангелистов: любовь к ветхозаветному Священному Писанию постоянно загоняет их в его текст. Ссылки бесконечны. И нетрудно понять, что все они сделаны позже, – заметна подгонка событий под мотивы Писания. Косидовский в этой любви подметил некоторый комичный уже уровень. При разделе одежды распятого Христа римские наемники – отпетые язычники – ни с того ни с сего проявляют глубокое знание Писания: «И так сказали друг другу: не станем раздирать его [хитон], а бросим о нем жребий, чей будет, – да сбудется реченное в Писании: „разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий“» [Ин, 19:

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org 24]. Оправдательно следует сказать, что ничего противоестественного в этом стремлении нет. Писание – это канон, истина в последней инстанции, и все сущее им предначертано. Вряд ли можно было найти верующего человека, думающего иначе. Поэтому евангелия, особенно от Матфея, выстроены так, что почти все о Христе – пророчества Священного Писания.

Однако же речь о другом. Исходя из суммы текстов, даже с поправкой на подателей и переписчиков, вырисовывается образ Христа как кладезя народной мудрости (предостережем: не в славянском понимании этого слова), именно народной, а не книжной. В народе случаются такие типажи, всегда имеющие про запас поговорку, присловье или ту же притчу или напористо отвечающие вопросом на вопрос. Такие люди легко ориентируются в настроениях окружающих, с толку их сбить невозможно, о них говорят: прошел огонь, воду и медные трубы. По всем данным, Иисус принадлежал к этому типу людей (здесь опять же приходит на ум многотрудная школа жизни, которую он должен был пройти для такого статуса, не мог он стать таким, сидя в Назарете). Он был достаточно расчетливым, находчивым риториком, знал себе цену и четко распределял в речах и приветливость, и резкость, и надменность, соответственно ситуациям. Это легко просматривается по текстам даже сквозь более поздние наслоения и субъективную передачу. Возьмем, к примеру, одну его фразу в адрес матери: «Что Мне и тебе, жено?» [Ин, 2: 4]. В контексте очень ясно звучит надменная холодность, которая совершенно не вяжется с кротостью, усиленно приписываемой ему Ренаном и др. Не был он обаятельно кроток – это уже чересчур. Или еще в одной, наиболее часто цитируемой сцене мать и братья пришли переговорить с ним, но Иисус даже не впустил их в дом: «Кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои» [Мк, 3: 31–34]. Сурово, по тексту Евангелия от Фомы еще суровее. Даже в заключительной сцене с Понтием Пилатом, вспомним, Пилат подивился холодной и молчаливой надменности Иисуса, уже имеющего представление о конце судилища и приговоре. И если он никогда не смеялся с детства, то легко представить его вгоняющую в дрожь улыбку в некоторых ситуациях.

И был он, ко всей своей многогранности, еще и практичным – наверняка он увивал от податей, налогов в пользу Империи, а дидрахму на строительство храма у него испрашивали мытари почти без надежды: «Учитель ваш не даст ли дидрахмы?» [Мф, 17: 24], и выдал он ее не из казны, которой заведовал скаредный Иуда Искариот, а послал Петра к морю, чтобы тот вынул деньги (именно нужную сумму) из рыбьей пасти, совершив по ходу дела очередное чудо [Мф, 17: 27].

Конечно, солидный информационный багаж Иисуса, знание людей – дело приобретенное, но раскрепощенность, инициативность и повелительная самоуверенность имеют врожденные поведенческие истоки, генетически обусловленные; остается только определить источник этой наследственности. Могли бы хорошо помочь в этом отношении сведения о чертах лица, особенностях строения фигуры Христа, однако о чертах лица и облике его достоверно ничего не известно. Есть две исходные версии, которые пошли в ход, в догматическую раскрутку или, наоборот, в догматическую же опалу. Первая – это упоминание о Христе, в частности о его внешности, в отчете римскому сенату проконсула Палестины Лентулла – в «Послании Лентулла»: «Человек он среднего роста, с хорошей осанкой и великолепным благородным лицом. Его вид внушает и любовь, и страх одновременно. Волосы цвета спелого ореха ниспадают гладко до ушей, а дальше до самых плеч вьются колечками, чуть более светлыми и блестящими; посредине головы они разделены пробором, как это принято у назореев; лоб ясен и чист, лицо без морщин и пятен дышит силой и спокойствием; линии носа и рта безукоризненны. Борода густая, того же цвета, что и волосы, не очень длинная, разделенная посредине, взгляд прямой, пронизательный, глаза сине-зеленые, яркие и живые. В гневе он страшен, а поучает дружески и нежно, с радостной серьезностью. Иной раз плачет, но не смеется никогда (здесь поставим акцент. – В. Е.). Держится гордо и прямо, руки и плечи его полны изящества, в разговоре он серьезен, скромен, сдержан, и к нему по праву можно отнести слова пророка: Вот самый прекрасный обликом из всех сынов человеческих». Послание Лентулла, и это уже научно доказанный факт, является подделкой, созданной в XIII веке и впервые опубликованной в 1474 году. Что подделка, это понятно, но поддельщики, помимо умысла, наверное имели перед собой какой-то исторический материал (вспомним «источник Q» евангелистов), поскольку реалистичные слова «в гневе он страшен» не вяжутся с уже сложившимся к тому веку имиджем Иисуса как князя покаяния, благостного предержителя милосердия и прощения.

И вторая версия, все того же антихриста Цельса, приведем ее также полностью: «Если бы дух божий действительно поселился в нем [Иисусе], то он должен был бы отличаться от других красотой облика, великолепием тела, а

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org также красноречив. Ибо невозможно поверить, что тот, в чьем теле было нечто божественное, ничем не отличался от других. Между тем, люди рассказывают, будто Иисус был мизерного роста и с таким некрасивым лицом, что оно вызывало отвращение». Цельс, как известно, собирал сведения по крохам из апокрифов того времени, легенд и слухов, достоверность его свидетельства тоже не из стопроцентных. Но в его пользу повествует христианский писатель Тертуллиан в диалогах с теологом Маркионом: «Облик его был лишен какой-либо красоты и обаяния. Поистине, неужели нашелся бы смельчак, который бы нанес малейший вред телу, если б оно отличалось необычайной красотой и было озарено небесным сиянием? Кто бы покрыл плевками лицо, если бы уродство, которое наложил на себя Иисус и которое сделало его презренным в глазах людей, не представляло это лицо заслуживающим одних лишь плевков?» Что важно для достоверности, непритязательная внешность Иисуса не смущала Тертуллиана, он спокойно ссылался на отрывок из пророка Исаяи: «Ибо он взошел перед ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в нем ни вида, ни величия; и мы видели его, и не было в нем вида, который привлекал бы нас к нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от него лице свое; он был презираем, и мы ни во что ставили его. Но он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что он был поражен, наказуем и унижен богом» (гл. 53). Все поименованные авторы жили во второй половине II века и отражали взгляды поколения, отделенного от последних дней Христа не более чем сотней лет. И здесь вспомним Туринскую плащаницу. Рост Христа по отпечатку на святом покрове определен в 181 см. Это много. Со скидкой на складки ткани рост уточнен до 176 см. Все равно это выше среднего роста даже для современного европейца. Не ввязываясь в споры о подлинности плащаницы, склонимся к росту ниже среднего, основываясь на невзрачности Христа по документам. Даже интуитивно Иисус причисляется к плеяде вершителей судеб планетарного масштаба (не наследных!), отличавшихся невысоким ростом: Наполеон, Ленин, Сталин, Гитлер (прости, Иисусе).

Также по тексту Марка примечательна мелкая, но наглядная деталь в общей ночной картине событий на усадьбе первосвященника. После ареста Иисуса, по окончании первых допросов, коротая время до утра в общей компании, «слуги били Его по ланитам» (14: 65). Таким образом осмелеть, охаметь забитая челядь могла только с человеком действительно не имеющим никакой презентабельности. Заставляет задуматься эта текстовая мелочь, мелочь не зацепившая внимание череды редакторов, цензоров, переводчиков. Как же выглядел Иисус? Наверное, челядь поостереглась бы сумрачного чародея, или величавого пророка, или смутьяна-главаря. Но мы видим уничижительное пренебрежение – это явный и сильный компромат по отношению к культивируемому образу Христа.

В итоге вывод о чертах лица и облике Иисуса может быть скорее в пользу характеристик Цельса и христианского реалиста Тертуллиана. И от кого же такая некрасивость?

Вряд ли красива была Мария, мать Иисуса (с сожалением отступимся от поэтического образа Марии по Мережковскому), первая и последняя дочь престарелых родителей, с ходу отданная в монастырь с обетом девственности, без надежды на хорошую партию в браке (и действительно сплавленная пожилому Иосифу, простому плотнику). И уж не было ли в ее психике или в складе ума родовых генетических нарушений? Практика и статистика поздних родов (ее родители, как мы указывали выше, были крайне престарелыми) отмечают высокую вероятность отклонений в умственных способностях плода в худшую или, наоборот, в лучшую сторону. Такая мутация, в какой-то степени перейдя в генный набор Иисуса, могла сложиться в комбинацию, обеспечившую ему и акселератность, и талант «вождизма». Те же сдвиги мозговой деятельности могли запустить в храмовой девственности и совершенно противоположно направленный механизм чувственности, внимания к сильному полу. В таком случае версия Цельса о ее связи с римским наемником Пантерой, которую угладили простые люди, ставшие сплетниками, и не угладили сановные зрители, которым пришлось туго с объяснениями, становится высоковероятной. Свои-то молодцы наверняка побоялись и бога, и сановников, а грек – он и в Африке язычник. И Пантере было не до выбора, красива она или нет, и великое дело в отношении судьбы человечества состоялось. Тут уже, собственно, и не важно, до или после замужества.

Как известно, жизнь брала свое во всех монастырях мира. Так что на лице Иисуса, кроме наследия не шибко красивой Марии, лежала, наверное, греческая языческая печать, сделавшая его непривлекательным для арабов и иудеев. Свидетельства из VIII века – Иоанн Дамаскин: «тесно сближенные, как бы сросшиеся брови», «черная борода и сильно загнутый нос»; Каллист: «смуглый цвет лица». Поскольку борода черная и цвет лица смуглый, естественно предположить и черные волосы, и черные же брови, по-мужски широкие и

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org густые. Достаточно греческого в таком лице. Нос крючком – это уже от мамы.

По поводу прически, по поводу волос «цвета спелого ореха ниспадающих гладко до ушей, а дальше до самых плеч». В своем Первом послании к коринфянам Павел восклицает: Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Нам остается ответить: видел, тем более, что далее по тексту Павел утверждает, что ...Христос явился Кифе, потом двенадцати; ...а после всех явился и мне. Еще далее, Павел, видевший Христа говорит: ... если муж растит волосы, то это бесчестье для него. Понятно, что если бы Иисус имел длинные волосы, то лысый Павел не посмел бы произнести такое осуждение. Становится ясно, что Иисус был простоволос, а длинные, красиво ниспадающие на плечи каштановые волосы – плод любезного воображения богословов.

Перечисленные черты эти, как мы понимаем, слабо коррелируют со скандинавским ликом на Туринской плащанице, но не об этом речь. Мы знаем, что подозрительные гены Марии со вторым ее сыном Иаковом сыграли также экстремальную роль. Иаков впал в крайний до неестественности религиозный аскетизм: не прикасался к мясу, никогда не стриг волосы, колени его от непрерывных молитв были мозолисты, как колени верблюда, сообщает Иегосиф (180 год) в своем «Дневнике». Но вот черты лица у него были в порядке (от Иосифа), иначе наблюдательный Иегосиф наверняка поставил бы акцент. Иаков, естественно, как и Иисус, был троюродным братом Иоанна Крестителя. И не только, – очевидна принадлежность их к одной генетической наследственной линии (по матерям – двоюродным сестрам). Прямое свидетельство тому – фанатическая религиозность и аскетизм, присущие обоим.

Истина в отношении фигуры Иисуса, его комплекции также связана с истиной его происхождения. Таки он был по-гречески низкоросл (Ницше: «маленький жид»). Наверное, не мог бы Иоанн Креститель сказать, указывая на Иисуса, – вот агнец Божий [Ин, 1: 29], если бы перед ним стоял дюжий мордорот. Мощного физического развития Иисус, естественно, не получил, поскольку всю молодость, до самого описываемого тридцатилетнего возраста, занимался, скорее всего, проповеднической или связанной с ней деятельностью (бродяжная, полуголодная жизнь). На его хилость указывает тот факт, что он не смог сам донести крест и неожиданно скоро скончался на нем (что вызвало удивление Пилата и что скорее говорит о противном, поскольку Пилат комплекцию Иисуса видел и обстоятельство быстрой смерти его удивило). Но он, во-первых, был избит, далее – ночь не спал, плюс психологическая нагрузка допросов, осмеяний, разочарований и плюс страх смерти – для человека эмоционального это обстоятельство едва ли не определяющее. Все это для рядом распятых разбойников не имело места, к тому же они выпили напиток типа транквилизатора, который Иисус пить отказался. По всему по этому Иисус сник гораздо раньше, а разбойникам пришлось испытать *crurifragium* (раздробление костей голеней), ускоряющий кончину. Так что сделаем свой профильный вывод, что Иисус не был ни мордоротом, ни хилым, а, скорее всего, с параметрами телосложения несколько ниже среднего, росту низкого. И это отсутствие внешнего эффекта, наверное, разило паству контрастом с силой убеждения, красноречия. Опять вспомним внешне непримечательных вождей – Ленина, Сталина, Гитлера, Наполеона. Сталин, так тот и оратором не был. Но эти внешне обычные люди грандиозным способом повлияли на эволюцию и цивилизацию человечества, в масштабах соразмерных Христовым. Интересно, что Ленин и потомства не оставил, т. е. напрямую в генофонде не поучаствовал (как и Иисус), зато его деятельное участие в эволюции трудно переоценить: революция и «гражданка» струнули с мест огромные массы населения, произошла глобальная перетасовка генофонда (подавляющее большинство критиков ленинского «октябрьского переворота» благодаря ему, собственно, и на свет появились). А острое противостояние, адская военная гонка двух, по сути созданных Лениным систем, волей-неволей дали невероятнейшие технические плоды цивилизации. Заметим здесь, что участие в эволюции – понятие растяжимое: даже если простой человек скромно трудился (уже что-то сделал для цивилизации) и не оставил потомства, такое неучастие в генофонде, в эволюции все равно можно уравнять со своеобразным участием – участием в некоем перевернутом виде. А ну как он родил бы (пусть даже в более поздних коленах) какого-либо изверга, сокрушителя ценностей человечества! А не родил – и все хорошо. Все у нас завязано (кстати, наблюдаемое ныне исчезновение видов – тоже эволюция). Очень наглядно проиллюстрировал эволюционные пути писатель-фантаст Айзек Азимов. В одном из своих романов он вывел специальную службу наименьшего вмешательства в эволюцию. Эта служба в одном из эпизодов обратными расчетами выяснила, что, для того чтобы круто развернуть направление цивилизации (понятно, что цивилизация и эволюция – комплементарная пара), достаточно всего лишь в определенный в прошлом момент, в багажном отделении транспортного средства переложить с одной полки на другую чемоданчик с рукописями одного студента. Здесь не

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org обязательно фантазировать, примеров таких судьбоносных для мира мелочей тьма. Скромно будем надеяться на «баттерфляй-эффект» сего очерка.

Но возвратимся к подозрительным генам Марии. Существенный вопрос: не был ли Иисус слегка ненормальным, в стиле гениев? Исторических примеров гениальности как следствия генетических отклонений немало. Аристотель в этом отношении просто категоричен: не бывает великого ума без примеси безумия. Предположение усиливается тем обстоятельством, что оба потенциальных отца – хоть Иосиф, хоть Пантера – могли добавить таких отклонений. Иосиф в силу престарелости, а Пантера – в силу бесшабашного сумасбродства. Но, имея в виду то обстоятельство, что, как замечают наиболее ранние историки, во внешности Иисуса не было ничего еврейского, вернее прикинуть, что батшкой скорее был Пантера, который по ходу зачатия к тому же наверняка ввергнул Марию в стресс. Предположение о патологических истоках таланта Иисуса не ново. В некотором приближении эту же мысль высказал Ренан: «Итак, мы, не колеблясь, должны допустить, что деяния, которые в наше время (1860 год – В. Е.) рассматривались бы как признаки иллюзии или безумия, занимали в жизни Иисуса видное место. Те состояния, которые в наше время считаются патологическими, как, например, эпилепсия, видения, некогда считались признаком силы и величия. Нынешняя медицина может определить ту болезнь, которая решила судьбу Магомета». Допуская экстрасенсорные, чудотворные способности Иисуса, Ренан не уходит от основной своей линии: «Если бы в Иисусе чудотворец заслонил собой моралиста и религиозного реформатора, то от него произошла бы школа теургии, а не христианства». Конечно, согласимся, предположив, однако, что сам Иисус и то и другое считал равноценной работой, хорошо пополнявшей казну общины. И чудотворство, и проповеди, да еще в эффектной форме притч, иносказаний, а также приятных слуху бедноты обещаний хорошей жизни в грядущем Царстве Божьем, после которых забитый бедняк уходил домой с надеждой, помогающей ему существовать, обнадеживал своих таких же соседей и родственников и уже без зависти смотрел на богачей, – все это делало Иисусу имидж и славу да и хорошие сборы в казну, о которых исследователи почему-то стесняются говорить. А уж какие особенности или отклонения его ума и психики способствовали этому – дело третье. Реально мы видим, что огромная популярность Иисуса сложилась из удачного сочетания высокопрофессионального пророчества и мощного дара исцеления. Добавим, что народ тамошний имел не меньшие, если не большие способности исцеляться.

В Иерусалим

Со святой непосредственностью евангелисты сообщают, что Иисус Христос направился в Иерусалим, чтобы пострадать и умереть [Мф, 16: 21; 20: 18]. Очень детально разбирает предполагаемые правдоподобные причины «наезда» Христа на Иерусалим Штраус. Все просто, предельно ясно, и добавить нечего. Продумал, кстати, сам Христос. Прежде всего, приурочил свой приезд к празднику Пасхи, обоснованно рассчитывая на бесчисленную аудиторию паломников. Своим триумфальным въездом на осле в сопровождении ликующих толп почитателей из Галилеи, устилающих его путь ветвями деревьев и восклицаящих: «Осанну сыну Давидову!», он действительно поднял шум на весь город и, конечно, встревожил церковных иерархов на этот раз основательно. Но расчет был верен: безоружный, с толпой таких же безоружных он вступил в город, восседая на животном, олицетворяющем собою мир. Состав преступления в этом нет. Однако есть вызов. Своеобразный вызов, понятный каждому иудею. Иисус намеренно инсценировал своим въездом на осле знаменательное пророчество Писания: «Торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе... сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» [Зах, 9: 9]. Здесь уже надо видеть в Иисусе его способность остроумно обыграть ситуацию. И это, собственно, начало его демонстрации превосходства над храмовыми чиновниками и книжниками, далее хорошо проиллюстрированного евангелистами. Превосходства человека, namного опередившего свое время. На царство он, конечно, не претендовал, как, допустим, Соломон, въехавший в Гион на царском муле, но на свое мессианство властям хорошо намекнул. Далее, в гуще толпы галилеян, он отправился в храм и учинил там по-нашему погром, а по евангелистскому мнению – очищение. Евангелист Иоанн упоминает бич в его руке. Видится при этом он не с иконным ликом, а, пожалуй, с лихим и насмешливым. Как мы помним, изгонял он из храма менял и торговцев, чем

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org затронул уже официальные порядки. Малоуправляемая галилейская толпа при этом, естественно, слегка переусердствовала. Наши менты, к примеру, уже после этого действия, не глядя на популярность, немедленно повязали бы Христа и отдубасили его сапогами в отделении до выяснения.

В последующие дни Иисус при толпах паломников и в храме излагал свою религиозную платформу: идеи непосредственного богослужения, принципы прямого попадания в Царство небесное и другие нормы, которые должны были стать по его имени христианскими, часть из которых уже давно толковалась в народе. Если абстрагироваться от евангельской впечатляющей поэтики, надо вспомнить, что это всего лишь поздний пересказ и евангелия местами представляют собой уже отражение идейной борьбы, перепалки между книжниками иудейскими и книжниками же, догматиками раннехристианскими, евангелия написаны спустя десятилетия (а правилось еще позже), когда укрепившееся христианство уже начало позволять себе полемику с иудаизмом и обличения иудеев, затравивших Христа.

Вернемся к событиям. Пасха – праздник и простых верующих, и проповедников, и, естественно, собралось их в Иерусалиме немало со всей Иудеи и сопределов. Наверное, прежде всего в этот приезд Иисус рассчитывал достичь аккордной популяризации и себя, и идей, над которыми он хорошо поработал в течение трех лет (а то и всю жизнь). Штраус об этих днях его пишет: «Нельзя предполагать, чтобы он надеялся в течение одной недели праздников достичь своей конечной цели, т. е. преобразования всей национально-религиозной системы, но, вероятно, он рассчитывал своей проповедью за это время подготовить себе почву в столице хотя бы настолько, чтобы можно было оставаться там и продолжать добиваться своих целей, или, быть может, он предполагал... продолжить работу при следующих посещениях».

Пасха приближалась, все шло хорошо и гладко. Скорее всего, его понесло, и он решил: пан или пропал! И повел себя как любой другой импульсивный лидер, наращивая успех, плохо представляя будущее, уповая на Бога, может быть даже не столько влекущий массы, сколько ими вдохновляемый. Проповеди его стали резки, гневны и обличительны. Ему ясно было: налицо успех, и он бесследно не пройдет, закрепятся в народе и идеи его, и имя, и власти вынуждены будут как-то с ним считаться. Может быть, он видел какой-то компромисс на его условиях. В общем, он почувствовал себя величиной, равновеликой с церковной властью. И не только с церковной. По популярности и влиятельности в Галилее он вышел уже на высший уровень. Его приветствовали города, и городские власти не препятствовали его проповедям. Он ощущал в себе высокий потенциал, и ему доносили о беспокойстве Антипы Ирода, тетрарха Галилеи, по поводу его растущей популярности. Противостояние с ним, с Антипой, было налицо, но до открытой вражды и гонений дело пока не доходило. Однако незадолго до похода на Иерусалим фарисеи сообщили Иисусу, что Антипа все же намерился схватить его. «И сказал им [Иисус]: пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра и в третий день кончу» [Лк, 13: 31–32]. Здесь явственно чувствуется: диалог хоть и заочный, но на равных. Иисус не спешит подчиниться или испугаться и скрыться. И даже считает, что ему важнее встреча с высшей иерусалимской властью: «А впрочем Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» [Лк, 13: 33]. Высшая церковная власть должна его видеть, должна понять, с кем имеет дело, – не есть он рядовой пророк, но пророк равновластный с ними над народом и может объять не только Галилею, но и весь Израиль. В этой кульминации успеха повторим все-таки справедливое мнение Ренана: «Поэтому, когда в один прекрасный день молодой плотник из Назарета начал излагать перед толпой эти поучения, которые для большинства уже были известны, но которые, благодаря ему, должны были впоследствии переродить весь мир, то это само по себе не было событием. Христиан в это время еще не было, но истинное христианство уже было основано, и, конечно, оно никогда не было до такой степени совершенно, как именно в этот момент, Иисусу уже нечего было к нему прибавить».

А церковные власти не дремали: первосвященники, книжники и старейшины народа, собравшись в доме первосвященника Каиафы на совещание, решили взять Иисуса хитростью и убить [Мф, 26: 1–5; Мк, 14: 1; Лк, 22: 1–2]. Долго ли, коротко, но Иисус был схвачен. У Иоанна он сам сдался, у других евангелистов его выдал Иуда Искариот – казначей общины, единственный иудей среди его учеников. Как знают все, даже не читавшие Библии, – за тридцать сребренников. Нет смысла пересказывать детали, но после чтения документов складывается впечатление, что Иисус был готов к непосредственному диалогу с властями и даже сознательно или подсознательно шел на это. Во всяком случае, у него была масса возможностей скрыться, уйти в Галилею. Явно ему хотелось поговорить на равных с иерархами в плане идеологическом. Истории известны суды, на которых подсудимые прославились. И он решился. Однако

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org разговора не получилось, дело приняло не религиозный, а простой и скоротечный уголовно-политический порядок. Наверное, это ошеломило Иисуса. Он переоценил первосвященников, которые оказались просто ограниченными трусами, суестьями поскорее с ним покончить. Возможно также, что он надеялся на течение процесса по типу недавнего суда над Иоанном Крестителем. Иоанн довольно долго содержался Антипой Иродом в крепости Махерон, напористо с ним разговаривал, позиций своих не уступал и, если бы не злокозненная Иродиада, может быть, и остался бы цел. Сам Антипа уважал умного и влиятельного узника. Кстати, Антипа Иисуса так же не считал опасным преступником, как и Понтий Пилат. Но окосневшие умом в своей беспредельной власти первосвященники гнули свою линию. Иисус смешался. На допросах он большей частью молчал. И совсем уничтожили его, конечно, бесчинства простых евреев, противников предхристианских идей, а также завистников, недоброжелателей и прочего базарного иерусалимского сброда (иерархи специально согнали хулителей). Вся эта хула вскоре вылилась на него, стоящего перед толпой. А он предполагал словопрения в синедрионе или хотя бы, как было с Иоанном, – в крепости. Заключение дало бы долгое время для таких разговоров. Неплохие идеи, которые он присовокупил к блоку предхристианских установок, – все это и в самом деле заслуживало внимания, хотя бы как дополнение к уже слишком древнему Моисееву Закону (Штраус отмечает существенный радикализм идей Иисуса в отношении культа Моисея, впоследствии заметно выхолощенный учениками). Хорошо видны реформаторские намерения Иисуса и в фразе: «Не нарушить пришел Я закон, а восполнить», – по тексту Талмуда на арамейском языке (в евангелиях «восполнить» позднее заменено на лояльное «исполнить»). В этой связи вспомним сцену в храме, когда законники привели на суд к Христу женщину-прелюбодейку. По Моисею она должна была бы быть побита камнями безоговорочно, но ее в конце концов отпустили. Иисус просто пожурил ее и наказал больше не грешить. Налицо послабление Закона. Но первосвященников устраивало и то, что есть, и что позволяло им процветать. Закоснелая, сытая тупость (типичная поведенческая норма почитания на лаврах) подавляющего большинства из них не оставляла шансов для реформаторства в аппарате синедриона. Отмечены среди них лишь единицы сочувствующих Христу – члены Совета старейшин Никодим и Иосиф Аримафейский и «некоторые из начальствующих». Однако надежда умирает последней. Он – личность, его признали Мессией, не убивают таких, – возможно, пытался успокоить он себя. К тому же хотя Ренан и представлял его человеком не от мира сего, но он был скорее наоборот – в миру и вполне представлял процедуру осуждения: сносную доказательность, вторую, апелляционную инстанцию в лице римской власти. Не посмеют, надеялся он, не пройдет.

Возможно, Иисус лихорадочно пытался выработать какой-то план действий, но не прекращающиеся грубость и побои выбили его из колеи, появился страх. Возможно также, что он надеялся на какое-то содействие со стороны Понтия Пилата, с которым он имел продолжительную беседу с глазу на глаз и который, по всем текстам, явно не хотел кровавой расправы («Ибо знал, что предали Его из зависти» [Мф, 27: 18]), а может, он ожидал каких-то действий от Никодима или Иосифа Аримафейского.

Существует также версия об Иисусе-мятежнике, попытавшемся поднять восстание в Иерусалиме, которую обосновали многие видные исследователи-библеисты. Идея хоть и привлекательна, все же выглядит слишком экстравагантной, искусственной: судьба главарей восстаний складывается совсем по-другому, и весь евангельский эпос был бы героическим, а не царствонепесным, превозносящим терпение и надежду. И мы знаем, чем заканчиваются мятежи: римляне массово (цифры поражают) казнят всех попавших под руку мятежников, и виноватых и правых, без суда и следствия. Иисус же попал на крест лишь в обществе двух простых разбойников, третьего отпустили (по сведениям, как раз зелота).

Косидовский развивает свою версию, несколько отличную от вышеприведенной. После скрупулезного анализа текстов (похожего на реставрацию иконы) Косидовский делает вывод, что Иисус был казнен как политический, прямым распоряжением Понтия Пилата без каких-либо колебаний, сомнений и умывания рук. Евреи же, патриархи сделали все, чтобы представить Иисуса как политического преступника, но не религиозного, ибо в таком случае они должны были сами, своей властью и законом побить его камнями, получив лишь разрешение. В числе прочих доказательств-крупниц Косидовский приводит малозамечаемые высказывания первосвященников: «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, – и придут Римляне, и овладеют и местом нашим и народом; лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» [Ин, 11: 48, 50]. Суда синедриона как такового, обосновывает Косидовский, не было вообще (да так оно и есть). Получается, что Иисуса на всякий случай, чтобы избежать осложнений и репрессий, схватили свои и

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org выдал Пилату как подстрекателя, а Пилат, особо не разбираясь, на всякий случай, во избежание лишних хлопот, его казнил, – велико ли дело, один из миллионов рабов. И на этих «всяких случаях» возникла мировая религия, а Империя этой казни даже и не заметила. Спустя три века, став христианской, Империя кое-что подчистила в текстах евангелий. Константин даже издал около полусотни экземпляров дорогих в то время евангельских манускриптов на телячьей коже для рассылки в провинции. В этих евангелиях Понтий Пилат начисто реабилитирован, и благодарные Константину ранние христиане, забыв обиды, посвятили Пилату хвалебные апокрифы и затем, в том же припадке, канонизировали прокуратора, как и Константина.

Упомянем также версию К. Еськова. Он тоже считает Иисуса полностью аполитичным, но в своем «Евангелии от Аффания» раскручивает, как он считает, «внутренне не противоречивую» (а внешне?) детективную версию, где Иисус разыгрывается как христианская карта в политической борьбе-игре между агентурой Рима, Пилатом, Иродом и синедрионом (да еще и Иуда зарисован как римский суперагент). Рим как бы прикидывал расколоть крайне религиозную Палестину (но она и так была не едина в религиозном плане) для облегчения управления, а разыгранный Иисус между тем смотрел еще дальше, видя Рим христианским (подскажем Ескову). Все это внутренне, может, и непротиворечиво, но, конечно, беллетристично. Начнем с того, знал ли Пилат (не говоря уже о Риме) до суда вообще о существовании опасного или полезного пророка – Иисуса? При том при всем, что одновременно с Иисусом по стране бродило несть числа пророков, от мелочи до именитых, включая Иоанна Крестителя. Было ли время Пилату разбираться еще и в этой каше? Римские бесконечные властные интриги занимали его куда больше. Как всякому власти имущему, ему, безусловно, кто-то «дышал в затылок» из Рима. Голова болела от отчетности, гарнизонных забот, добавим тягучее стремление к наживе да и желание хоть немного пожить спокойно. В этой провинции имелись социальные слои и потревожнее. Ничего он не слышал и об Иоанне Крестителе, если только не пьянствовал на злополучном пиру у Антипы Ирода.

Вряд ли можно со всей серьезностью говорить о наличии спецслужб как таковых в Иудее времен Христа. Не согласимся с Есковым и В. П. Илларионовым в этом определении. Похоже, авторов путает детективный образ мышления. При сильном желании эти специальные структуры можно разглядеть и во времена доисторические, полудикие. Складывались те же самые социальные отношения: племенные и групповые контакты, союзы, постоянно распадающиеся и возникающие в других сочетаниях, третирование и проч., при какой-никакой информационной поддержке. В современных политических отношениях (особенно на постсоветском пространстве) также можно видеть всех уровней спецслужбы, а можно видеть и мышиную возню (прекрасен пример Ескова с шестиконечными снежинками, автокомпромат). Именно отсутствием рьяных спецслужб и можно объяснить служебные просчеты в ходе «разработки», ареста и дознания, которые перечисляет в своем исследовании «Синедрион и кесарь против Иисуса Христа» Илларионов. То же можно объяснить и малым (не в пример нашему) вниманием властей к Иисусу и его компании. Кто ж знал!

С некоторой уверенностью можно предположить, что в Иудее испокон веков существовала саморегулирующаяся по численности прослойка населения, пробалявшаяся доносами. Такая прослойка, занимавшая эту скудную и неблагоприятную нишу выживания, существовала в любой достаточно развитой стране. В основном, это вездесущее отребье, лжесвидетели, соглядатаи. Но, наверное, чаще доносы осуществлялись спонтанно из зависти или мести, или просто передача пикантной информации в конце цепи обращалась в донос. Нельзя исключить и платные информационные услуги во всех слоях общества. Необходимость тайных и явных взаимоотношений в ереси появится лишь через века. Эволюция всего этого промысла, конечно, к настоящему времени имеет плодом мощные государственные и интернациональные структуры с научной организацией труда (таковы применения инстинкта передачи и накопления информации). Кстати, доносчик – это вторая древнейшая профессия (вряд ли правы журналисты, метящие на это второе после проституции место; впрочем, общего много).

Вернемся в те времена. Иисус, естественно, сознавал, что не столько донос, сколько простая молва доставит сведения о нем в синедрион, встречи с которым он и боялся, и, как мы предположили, желал (на миг, 25-м кадром представим Марию-мать, явившуюся в синедрион или к Пилату с доверительным сообщением: «Я зачала его от Духа, оставьте его в покое. Да и сама я непорочно зачатая»). Эффект мог бы живописать лишь Цельс.).

Так на что же он все-таки надеялся?

На грани смерти

Похоже, что запасной вариант у Иисуса все же был. Не могло не быть запасного, крайнего варианта у Иисуса, который смотрел на людей, как гончар на глину – искусный, многоопытный гончар, уставший от повседневной рутинной ремесленной работы, начавший уже помышлять о создании предмета искусства. Сначала напомним о его умении обходиться с людьми как с детьми малыми, как зрячий со слепыми. Иисус – человек, который положил на работу с людьми, с человеческой массой всю жизнь. Даже человек бесталанный чего-то добьется, устремив всю свою жизнь в какое-то одно дело, а уж человек одаренный, каковым, несомненно, был и считал себя Иисус, достигнет вершин. Так и было. Обратим внимание на почти не обсуждаемые факты. Неброские, проходные факты, которые даже переписчики записывали, видимо, автоматически, один к одному, без усердства в приукрашивании. Вот Иисус в иерусалимском храме, не сдерживаясь в выражениях, клеймит фарисеев, погрязших в лицемерии и обмане. И далее происходит следующее: «Тогда (обозленные фарисеи. – В. Е.) взяли камень, чтобы бросить на Него (побить камнями, как водилось. – В. Е.); но Иисус скрылся и вышел из храма, прошед посреди них, и пошел далее» [Ин, 8: 59]. И еще, в другом эпизоде: «И, вставши, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; Но Он, прошед посреди них, удалился» [Лк, 4: 29–30]. Далее в массовой сцене с народом, наговорившись, он просто исчезает: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света (сектантский, кстати, непрофильный призыв, отмечают исследователи. – В. Е.). Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них (от толпы! – В. Е.)» [Ин, 12: 35–36]. Уверенно, без суеты он покидает сцену, оставляя участников друг перед другом ни с чем, в состоянии удивления и раздумья. Приходилось, поскольку толпы нищих и больных буквально преследовали его.

Что, если, хитроумный как Одиссей, Иисус намеревался инсценировать смерть на кресте? Провести десяток тупых римских наемников для него ничего не стоило, ведь проходил же он через строи подобных врагов и гонителей раньше.

Но давайте представим: о чем думал Иисус, оставшись один? Времени для таких раздумий было предостаточно, это в изложении евангелистов его жизнь – сплошной парад и триумф – занимает несколько страниц, а в реальности эти страницы надо растянуть на три года. Даже в описаниях он уходил от учеников, уединялся для раздумий, молитвы. Чего-то он ведь ждал от жизни. Равного он не видел, отчую семью оставил – она его не поняла, своей семье не завел, ученики его также не понимали, народ он считал паствой неразумной. О том, чтобы основать мировую религию, он, конечно, и не помышлял и, как говорят, в дурном сне не мог представить, что станет с некоторых пор центром мироздания для половины населения планеты. Естественно предположить, что мысли его занимала воображаемая непримиримая дискуссия с первосвященниками. Может быть даже изматывающая. Тысячекратно он представлял себе эти сцены, слова, которые он сказал бы в полемике, уничтожающие доводы, обличения и т. д. Постепенно рождалась мысль выйти на самого первосвященника Каиафу и на Анана, его тестя – бывшего первосвященника, но фактического главу синедриона, которые были наслышаны о нем и жаждали расправы. Так нередко неуловимый хитроумный преступник (но эмоциональный) в конце концов подсознательно движется навстречу преследователям, движимый чувством превосходства, желанием негативной, но все-таки публичной, не тайной, перевариваемой внутри себя, славы. Известны даже многочисленные самосдачи, самооговоры и ложные признания людей, не причастных к громким преступлениям, но решивших прославиться ценой жизни даже в этих позорных ситуациях. Очень интересная поведенческая линия. Эволюционные корни, скорее всего, упираются в инстинкт размножения. Желание показаться значительнее, чем ты есть, хлестаковщина – это, очевидно, рудимент того же распускания хвоста павлином для демонстрации превосходства и получения преимущества при размножении (см. также заключения Дарвина о сексуальном отборе). В ситуации с самооговором или необоснованным бахвальством это фальшивое, пустое срабатывание инстинкта – фальшстарт, но и на него клюют женщины. Каждый может вспомнить ситуацию в своей жизни, когда непроизвольно сболтнул что-то лишнее в свою пользу, особенно в подпитии, чтобы произвести сиюминутное впечатление, с последующим раскаянием (а то и без). Не исключено, что Иисуса уже «подпирала» заслуженная слава, он наблюдал возбужденные им толпы, массы народа (по евангельским данным – многотысячные) и прикидывал: а почему бы и нет? Почему бы не очная полемика? Позитивные свои он считал крепкими, хотя своих власть предержащих

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org тоже хорошо знал.

Возможно также комплексное воздействие побудительных мотивов на уже достаточно возмущенную психику Иисуса. Допустим еще один, описание которого начнем издали, базируясь также на конкретике жизни. Известны разнообразные случаи избежания верной смерти (к примеру, человек опоздал на самолет, который разбился), и они нередки. Множество их прослеживается и описано в судьбах великих людей, не счесть таких рассказов и в народе. Часть из них подпадает под категорию «вещих» снов, опять же основная часть которых явно фантазируется постфактум. Но, как правило, человек, испытавший такое, сразу начинает подумывать о вмешательстве в его жизнь неких высших сил, «режиме благоприятствования» с их стороны и о предначертаниях в своей судьбе, о своей исключительности. Такое, к примеру, произошло с Гитлером, который во время Первой мировой войны, будучи молодым солдатом, в процедуре получения очередной награды, временно, на пять минут вышел из тесной командирской палатки. Палатку разнесло прямым попаданием снаряда (удивительным образом он оставался цел и после многочисленных покушений!). Гитлер воспринял свое спасение как знамение, воздумал о своей исключительности вплоть до мессианства и начал действовать в этом катастрофическом направлении. Это же следствие – начал действовать, воспрял духом, воспарил над собой – вероятно, и приводит к тому, что великие становятся великими. Сознание исключительности (иногда и ложное, на базе каких-либо мелких удач) побуждает человека к активности, самоуверенности, и это неспроста. Эта поведенческая черта – движитель прогресса – явно инстинктивна, а следовательно, заложена эволюцией homo sapiens для нее – эволюции. Природа как бы настраивает, подталкивает: давай, человек, держай! Но сколько отклонений от нормы произошло на этом направлении! Вспомним историю: фараоны и авгуры, одержимые властью и гипертрофированным сознанием своей исключительности, без обвиняемых объявляли себя богоподобными и начинали «чудесить». А современные главы тоталитарных режимов! Не зря сопоставительная антитеза к этому вынесена в эпиграф: отбери у богоподобного кесаря, диктатора или генсека беспредельную власть, и он становится червем, сменяемым червями (и наоборот), – примеров немало. Но человек, в череде удач урвавший или просто унаследовавший имперскую власть, меняет многое в глобальных масштабах цивилизации-эволюции, иногда катастрофически много. Не худо предположить, что Иисус после полосы удач тоже начал помышлять о своей исключительности, богоспешествовании и пошел на синагог. С вышеобозначенной мыслью по ходу дела, в случае неудачи «выкрутиться» и уйти от расправы, смерти. А может, просто считал: не посмеют (чего там, может даже используют как умного и способного консультанта в подправке Моисеева устава).

С момента принятия решения в речах Иисуса стали звучать фатальные нотки. То есть тексты евангелий наделяют его пророчеством, ясновидением конфликта с иерусалимскими церковными властями, собственной гибели и воскресения на третий день. Реально предположить, что он достаточно долго вынашивал проект похода на Иерусалим. Иисус, сознавая, что его появление в Иерусалиме связано с большим риском, долго работал над этим проектом, намечая сроки, предугадывая карательные движения властей, степень, силу поддержки масс, возможность содействия старых знакомых из числа членов синагоги, пути отхода и запасные варианты своих действий. И когда план в общих чертах созрел, он начал подготавливать, приобщать к этой мысли учеников: «И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» [Мк, 8: 31]. Ученики, естественно, тоже сознавали опасность этой акции, и приближенный Петр сразу запротестовал: «но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему» [Мк, 8: 32]. Произошла перебранка с Петром, и затем последовало мощное обращение к ученикам и к народу галилейскому, готовившемуся к пасхальному паломничеству в Иерусалим: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» [Мк, 8: 33–38]. Агитация возымела успех, как мы знаем, и началась конкретная подготовка.

Иисус разрабатывал план отхода, спасения в самой критической ситуации. По серьезности этой подготовки можно понять, что Иисус умирать не собирался. Речь идет о Преображении Иисуса. Событие преобразования безусловно имело место, такое не уходит из памяти современников даже спустя многие десятилетия. Естественно, оно фактически выглядело не так, как написано, раскрашено в евангелиях. Иисус собрал своих приближенных, наиболее одаренных учеников Петра, Иакова и Иоанна, увел их в пустынное место (по текстам – на гору высокую) и там испробовал на них свои суперспособности – задуманный им способ влияния на сознание, ощущения окружающих. Судя по евангельским описаниям, это был некий метод погружения испытуемых в состояние оцепенения с галлюцинациями, каковым намеревался он уйти из рук

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org убийца непосредственно в ситуации расправы (выше мы уже делали предположение об этом) или же из заточения. Реальная канва действий Иисуса в этом эпизоде легко вычлняется из евангельских описаний преобразования. Возьмем описание от Матфея: «И преобразился перед ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение; Его слушайте. И услышавши ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса» (17: 2–8). Главным в этом перечне явлений безусловно признано евангелистами преобразование Иисуса. Иначе все событие называлось бы: «Явление Иисусу Моисея и Илию на горе высокой», или «Благовест Отца небесного» («Глас вопиющего с неба»), или вовсе «Сон Петра и бывших с ним». Тем самым и наиболее достоверной надо признать исходную позицию – преобразование, а другие явления – развитием сеанса внушения, сработанным Иисусом или измышленным евангелистами (повероятнее). И много логического смысла, кроме как смысла подготовительного тренажа, в этом факте нет, не связывать же его с бахвальством («явлением силы») перед тремя учениками, которые и без того изумлялись не один раз. Самый современный богословский взгляд на преобразование высказан Менем, который считает, что Иисус в преддверии своих страстей решил духовно укрепить самых близких учеников. Какое же укрепление, если после всего ученики, по Меню же, не решаясь обратиться к Иисусу, шепотом спрашивали друг друга: «Что значит воскреснуть из мертвых?» И напугались, и ничего не поняли.

Еськов в ситуации преобразования подметил: о том, что с Иисусом были Моисей и Илия, говорит Лука прямой речью от себя (9: 30). Сам же Петр и бывшие с ним задремали и, пробудившись, увидели просто двух мужей, бывших с Иисусом, конкретизирует Лука (9: 32). И далее Еськов все-таки подгоняет эти факты под концепцию своего романа, засчитав их как одну из конспиративных встреч Иисуса (к чему тогда он брал с собой трех свидетелей?). Усиливает конспиративность Еськов уже добавкой из Марка: «Он велел (Петру и бывшим с ним. – В. Е.) никому не рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (9: 9). И здесь уже, поскольку текущее событие было перебито еще более непонятным намеком на будущее, ученики смешались и действительно, как ни хотелось рассказать, до поры смолчали: «И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых?» (9: 10). Перевел Иисус стрелки апостольского мышления с болтовни на раздумья, а Еськов продолжил свой блестящий и кощунственный религиозный детектив. Сила убежденности в правильности своей версии, концепции чудотворна, исследователи кромсают и сшивают евангельские стихи, как вивисекторы. Но в чистом виде мы действительно имеем, по крайней мере, внушенное устрашающее преобразование Иисуса и транс подопытных апостолов. Что задумал Христос? Заметим, что в ситуации преобразования тема воскресения прозвучала наиболее явственно. А неисключаемые-таки встреча и беседа с двумя мужами и последовавший намек на воскресение выпадают под интересную «Гипотезу Пасхального заговора» Шенфилда: Иисус, уверовав в свою богоизбранность, задумал инсценировать пророчество Писания о мессии. Для этого нужно было организовать (с помощью Иосифа Аримафейского) собственное распятие. Далее, по плану, он имитирует смерть на кресте, его переносят в гробницу, и из нее он выходит «воскресшим». Весь план разрушил римский наемник, ударивший Христа под ребра копьем и действительно его убивший. Воскресение с такой убежденностью ожидалось, что за Иисуса принимали первых встречных, схожих по облику или рассуждениям людей, и Иосиф никого не переубеждал. Очень это интересная версия, за исключением необходимости быть прибитым жуткими гвоздями к кресту и мучиться на нем хотя бы шесть часов с неплохой вероятностью действительно сыграть в ящик.

Ф. Шлейермахер в двух собеседниках Иисуса, принятых апостолами за Моисея и Илию, видел неких тайных последователей Иисуса, членов синедриона, явившихся предупредить его об «исходе», который предстоял ему в Иерусалиме и который был им известен, ибо они знали, как синедрион ненавидит Христа.

Если обратиться к текстам евангелий, то можно увидеть, что сам Иисус проекту своего воскресения дал название «Иона» (скорее всего здесь просматривается собственная мысль, вряд ли корректоры были столь догадливы). Ветхозаветный Иона, как известно, пробыл во чреве кита три дня и благополучно выбрался оттуда. Иисус, напоминая слушателям этот эпизод из Писания, также предрекал свое воскресение, выход из чрева земли на третий день и сильно обеспокоил синедрионистов этими намерениями. Еще более эффектно эта идея передается Иоанном. У него Иисус собирается разрушить

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org храм своего тела и в трехдневный срок восстановить его – воскреснуть. На суде эта метафора истолкуется буквально как главное обвинение.

Мы солидаризуемся с исследователями, считающими, что Иисус помирать-таки не собирался. Пророк его масштаба настраивался на многолетнюю и многомассовую работу и оставлял после себя Писание, чего не успел сделать Иисус. Ясно, что его прервали против его желания говорить и быть услышанным, в те времена в этом заключалась жизнь и слава пророка. К тому же Иисус намерился победить синедрион и отметить в Моисеевом Законе, на что нужно время. Даже Иуда, по мнению Муретова, прикидывал, что Иисус «волей-неволей должен был бы употребить свою чудотворную силу, чтобы избежать казни».

Конечно, постфактум, задним числом легко и удобно (и целесообразно) наделять Иисуса провидческими заявлениями и о его предстоящем осуждении, и о казни, и о воскресении, и о вознесении. Евангелисты в нетерпении уже с первых глав деяний Христовых вкладывают в его уста высказывания по этому списку. Хорошая мысль о втором пришествии приписана Иисусу несколько позднее. А сам Иисус лишь проповедовал, как упоминалось, к тому времени уже прописные идеи сектантского иудаизма, будущего христианства. Плюс исцеления, плюс нравовучения. Кстати, ни слова об оккупантах-римлянах. В политику Иисус не вмешивался и учеников не вмешивал. Бизнес отдельно, а политика отдельно.

Два слова о текущей политике. Римляне точно так же пропагандировали успокаивающие вассальное население и местные власти федеративные идеи и посулы, как любая центральная федеративная власть и ныне пытается уболтать, приглушить национальные (порой националистические) идеи обособления и самоуправления. Обещания приличной автономии, помимо угроз и пресечений, успокаивали, смиряли народ. А что подати, так это «на поддержание мира». Местные власти, естественно, поддерживали такой статус-кво, видя бессмысленность кровопролитных восстаний. И это помимо извечных личных и групповых интересов всевозможных правителей и магнатов, официальных и неофициальных, явных и тайных. Международного права в те поры не наблюдалось. Политика тоже стара как мир, особенно политика силы. Все было именно так, кроме терминологии. Иисус со своей трехлетней (однолетней) деятельностью попал в относительно спокойный период между восстанием Иуды Гавлонита и восстанием 66 года, в начале которого был замечен Иосиф Бен-Маттафий (Флавий). Империя круто навела «конституционный порядок», орду в Иудее.

В связи с обрисованным статусом Иудеи, синедрионистов, конечно, больше беспокоила массовость и устойчивость школы Иисуса, схожесть со смутой, нежели его скандальные нападки на фарисеев и книжников. непоколебимость, незыблемость веры и власти их была несомненна. По тем временам в Иерусалиме на благодатной ниве сплотилось более 20 тысяч священников, помимо храмовых левитов, и это на 120–150 тысяч городского населения. никто Моисеев Закон менять не собирался, а вот за смуту крепко досталось бы и им, и всему народу, как это случилось через 35 лет и чего они не хотели на своем веку. Поэтому иерархи заискивающе представили и предали Иисуса римлянам как политического, в обеспечение, подтверждение своей лояльности. Пилату перипетии иудейской веры были безразличны, а вот очередного потенциального смутьяна под боком он иметь не пожелал. И все произошло.

Но к какой же казни готовился Иисус? Вернее, какую смерть он собирался обмануть?

О подельниках

Но сначала еще раз вернемся к едва ли не главной тайне: где же пребывал Иисус 18 лет, с 12- до 30-летнего возраста? В Галилее? Плотничал в Назарете, как считают, пишут? Это предположение не подтверждается даже тем обстоятельством, что евангелисты довольно дружно описывают набор учеников как процесс случайный. Иисус, явившись в Галилею после Иоаннова крещения, набирал учеников походя. Например, у Марка: «Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставивши свои сети, последовали за ним» [1: 16–18]. Или: «Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за мною. И он, встав, последовал за ним» [Мк, Страница 30

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org 2: 14]. По разумной логике, если бы он 18 лет в этих краях жил, работал и пробовал себя в проповеди, в исцелениях, наверняка он имел бы друзей или знал людей надежных, способных его поддержать или просто людей образованных, сочувствующих идеям зарождавшегося христианства, которых можно было бы увлечь. Да и к крещению он пришел бы не один, а с единомышленниками, и апостольское ядро было бы уже им сформировано в каком-то приближении. Но по евангельским письменам получается, что он был 18 лет немым в Назарете, а потом вдруг «заговорил стихами» и стал суперцелителем в Капернауме. Так выходит, поскольку впоследствии выяснилось: в Назарете никто не был знаком с его религиозными идеологическими амбициями, проповедям его подивились и не приняли, целительство провалилось. Полная неестественность, до невероятности (конечно, догматично объяснить эту ситуацию проще пареной репы: снизошел дар, да и все, – послан свыше).

Приведем в этом контексте примечательное высказывание А. Меня: «Находясь в самом центре церковной жизни, Он [Иисус] видел ее болезни, замаскированные показным благолепием». Далее перечисляются болезни церкви. Тем самым, вольно или, скорее, интуитивно, Мень допускает, что Иисус некоторое время находился «в центре церковной жизни», – т. е. в Иерусалиме, в храме. Конечно же, это не одновременное наблюдение, не однодневное. Но когда? Когда в жизни у Иисуса был такой период, в течение которого он хорошо изучил церковную изнанку? В известные три года он был занят лишь пророчеством, скитанием по Галилее и сопределам, и лишь по Иоанну считанное количество раз побывал в Иерусалиме. Кстати, Штраус, доверяя больше синоптикам, считает, что роковое путешествие Иисуса в Иерусалим было первым и последним, и здесь Штраус задумывается: когда это Иисус познакомился и даже сдружился с Иосифом Аримафейским? Естественно предположить, что знакомство с Иосифом произошло при каких-то обстоятельствах в Иерусалиме, еще до начала самостоятельного служения Иисуса. И это хорошо согласуется с предположением о наличии иерусалимского «дотридцатилетнего» периода в становлении Иисуса как личности.

Ко всему не мог он, сидя в Назарете, столь сильно проникнуться нелюбовью по отношению к фарисеям, чтобы произнести гневную, обличительную речь [Мф, 23: 13–36; Лк, 11: 42–52]. Сам Мень хорошо иллюстрирует церковные наблюдения Иисуса в тексте, который мы приведем полностью: «Мимо Него, снисходительно отвечая на поклоны, шествовали надменные законники. Их „тефиллин“, повязки на лбу с текстами Торы, и другие атрибуты набожности каждому бросались в глаза, но как мало соответствовали они духовному состоянию этих людей! Иисус видел и ученых, которые часами обсуждали ничтожные оттенки устава; видел и фарисеев, спотыкавшихся на пути о камни, чтобы продемонстрировать свою полную отрешенность от мира. Иисус знал, как легко проникать в эту среду честолюбцы, которые потом упиваются властью над душами» (курсив автора). Не вяжутся такие сведения с мечтательной назаретской юностью по Ренану и лишь кратковременными посещениями Иерусалима по Меню. Повторим, синоптики вообще считают, что в Иерусалим Иисус прибыл, чтобы в первое же посещение пострадать и умереть, а не наблюдать.

Если придерживаться логики событий, то разумно предположить, что успехи в проповеднической работе в Иерусалиме или в других местах, где он был в молодости на вторых или третьих ролях, натолкнули его на мысль о самостоятельной работе, организации своего дела. А может, иерусалимская пророческая среда вытолкнула его как опасного конкурента или в результате разногласий, конфликта. И ему ничего не оставалось, как вернуться домой, в Назарет. Скорее в Иерусалиме он законфликтовал с какими-то группировками, поскольку дома, в Назарете, некоторое время пребывал в депрессии. По тексту Евангелия евреев: «Мать и братья Господа говорили Ему: Иоанн Креститель крестит во оставление грехов; пойдем к нему и крестимся». Иисус же меланхолично отвечал: «В чем же я согрешил, чтобы Мне идти креститься?» – принимая между тем их слова к сведению. И, поразмыслив, отправился он к Иоанну из Назарета, как пишут евангелисты. А вот вернулся не в Назарет, а в Капернаум. Галилейские края, полуязыческие, не так плотно охваченные пророчеством, как Иудея, были невыгодными для проповедников. Захолустье, короче. Только достаточно опытный пророк мог здесь рассчитывать на успех, на сколько-нибудь значительный доход. Естественно, по ходу дела он организовывал общину, набирал учеников – этот процесс и стандарт общины были ему, значит, знакомы.

И набирал учеников в жесткой форме. Будучи психологом от природы и по опыту сложной молодости, он хорошо различал людей и наперед угадывал их преданность и послушание. Естественно, это были люди его возрастной категории, и, как далее выяснилось, в основном он не ошибся – некоторые из них погибли, так или иначе продолжая его дело. Причастность к пророчеству в

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org те времена была делом престижным, народ был наслышан о феноменальных способностях пророков, славе и неплохом достатке этих специалистов. Так что Иисус уверенно находил отклик и желание попытаться счастья в этой деятельности. Заметим, что некоторые из двенадцати учеников неплохо освоили это дело и впоследствии, пользуясь именем Христа, успешно исцеляли немощных, тем самым прославляя и подвигая христианство по всей Палестине (и не только), работая на свою иерусалимскую общину. Хотя, повторимся, гонений не избежали.

В принципе Палестина Христовых и постхристовых времен была наводнена разношерстными пророками, соревнующимися в этом предпринимательстве. Вскользь, в другой связи, но хорошо это описано в Деяниях апостолов: «Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» (19: 13–15). Сквозит здесь некая наивность, как в детской игре или сказке; так бы это и надлежало понимать, если бы не канон, не бороды действующих лиц и сказителей.

Дух времени явствует и в следующей картине: «А из занимавшихся чародейством довольно многие, собравши книги свои, сожгли перед всеми; и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм» [Деян., 19: 19]. Это большие деньги, которые характеризуют и большую сферу чародейских, шарлатанских и пророческих интересов, несомненно очень доходную. И в эту сферу стремились. Неплохо заклеил их Иисус: «Все, сколько их ни приходило предо мною, суть воров и разбойники» [Ин, 10: 8].

Действиями Иисуса при наборе учеников залюбуешься: «И прошед оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починяющих сети, и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним» [Мк, 1: 19–20]. И далее не церемонится Иисус: «А другому сказал: следуй за мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царство Божие» [Лк, 9: 59–60]. Конечно, привлекательна была проповедническая жизнь возможностью прославиться, но в решениях кандидатов, которым было что терять, сквозила и брала верх осторожность: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» [Мф, 19: 21–22]. Не преминем для полноты картины упомянуть Цельса, который в своем «Правдивом слове» охарактеризовал поделщиков Иисуса как неотесанных простолюдинов, нравственно испорченных и грубых. Возможно, кто-то из стариков, помнящих отцовские или дедовские сказы о легендарной компании Иисуса, донес до Цельса такие субъективные и вполне реалистичные сведения.

Как он работал? Упоминаются в евангелиях толпы в пять тысяч человек и около того. Пять тысяч, наверное, не перекричишь. Проповедовал он большей частью в синагогах. Молельные дома небольших галилейских городков, отмечает Ренан, были невелики. Наверное, вмещала они сотни полторы–две человек, это и была наиболее частая аудитория. Беседа начиналась чтением Писания, затем чтец комментировал прочитанное и излагал присутствующим свою позицию. Собрание внимательно следило за доводами, задавая свои вопросы, требуя разъяснений, судача между собой, – в синагогах существовал установленный порядок проповедей, которого Иисусу приходилось придерживаться. Но если синагога не вмещала всех желающих услышать, проповеди велись на природе: евангелия описывают многие случаи собраний на окраинах городов – возможно, существовал и такой порядок для многочисленных гастролирующих пророков (Иисус проповедовал что называется и на суше и на море). Управление толпой, ее вниманием – работа тяжелая, и по текстам евангелий заметно, что Иисус уставал, хотя ему говорить с людьми было все равно, что дышать. В принципе за три с половиной года он наговорил немало, и те 40 притч, даже если они просто приписаны Иисусу молвой и евангелистами, все равно капля в море. Талантливый, энергичный молодой человек, в расцвете сил, много видевший, много слышавший, за притчей в карман не лез. В тупик его поставить было невозможно, притчи или иносказания у него были готовы на все случаи диспутов, на любые вопросы. Ренан и другие исследователи, в основном теисты, замкнулись на отношении к Иисусу как к человеку изначально святому, великому подвижнику христианства. Отсюда нагромождение идей, наделение его помыслами сразу вселенского масштаба и полный отрыв от реальности, насущности его бытия. Задумки проповедника, пророка, конечно, значительнее мыслей плотника, но едва ли они приближались даже к масштабам деятельности лиц синедриона, хотя и были похожи. Тем паче, что сам Ренан не видит в них

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org новизны: «Как видно, во всех этих теориях не было абсолютно ничего нового. Ни Евангелия, ни сочинения апостолов в отношении апокалипсических доктрин не заключают ничего такого, чего нет у Даниила, Еноха, в Сивилльских пророчествах, в Успении Моисея, – книгах еврейского происхождения. Иисус разделял эти идеи, общераспространенные среди его современников». Эта доминирующая мысль Ренана цитировалась нами не однажды. Здесь проиллюстрируем правоту теолога. Обратимся к главному. Крещение – отправной момент христианства, христианизации – не обладало новизной как обряд. Уже Иезекииль упоминает крещение водой как ритуал очистительный: «И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам...» (36: 24–26). Весь архив Ветхого завета был рабочим материалом любого пророка, и подача зависела от способностей. Иисус брал талантом, в отличие от других пророков, работавших на голом энтузиазме и нахальстве.

Проповедуя, Иисус призывал покаяться, но как совершалось покаяние и в чем оно формально заключалось – нет сведений. У Иоанна Крестителя все было конкретно: покаяние, исповедь завершались обрядом крещения во оставление грехов – очистительным омовением в водах Иордана. Иисус не крестил никак (лишь упомянул о своем втором, особом крещении [Лк, 12: 50]), хотя и предполагалось, что он будет крестить огнем и Святым Духом [Мф, 3: 11]. Без конкретизации, очень общим тоном о крещении сказано только в Евангелии от Иоанна. В ряде случаев он попросту отпускал грехи своей волей и к негодованию фарисеев. Можно заключить, что это и была обрядовая часть его проповедей. Другая форма общественного служения Иисуса – целительство – выглядело более демонстративно и результативно. Народ, возбужденный слухами, устремлялся огромными (по тем временам) толпами в основном на исцеления. Эта диспропорция, как справедливо полагает Ренан, раздражала Иисуса [Лк, 9: 4]. О невеликом проповедническом эффекте отрывочно обронено в текстах (приведем в современном, более понятном переводе о. Леонида (Лутковского): «И вот один (из идущих с Ним) спросил его: Господи, не мало ли спасающихся?» [Лк, 13: 23]; «...нежели чтобы он ввел в соблазн одного из тех немногих, (кто верует в Меня)» [Лк, 17: 2]; «...И если кто напоит одного из тех немногих (кто верует в Меня) хотя бы чашей прохладной воды...» [Мф, 10: 42]; «Смотрите же не пренебрегайте ни одним из тех немногих, кто верует в Меня;» [Мф, 18: 10]; «Однако Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» [Лк, 18: 8] и др. (курсивное выделение в цитатах мое. – В. Е.). Кстати, последняя цитата напрямую говорит о том, что Иисус не чаял быть основателем новой мировой религии. Как бы там ни было, но была еще и третья сторона служения – насущная, материальная, о которой теологи почему-то стесняются говорить (и которая едва ли не первая у нынешней церкви). В стране пророков безусловно бытовала религиозная норма, нравственный законопорядок: пророку отдай пророково. Относительно Иисуса в ряде случаев это было стандартное приглашение отобедать после проповеди у достаточно зажиточного человека [Мф, 9: 10; Лк, 9: 36; 10: 38; 11: 37; 14: 1; 19: 5 и т. д.]. То же рекомендовано им и ученикам по отправлении их в города и села галилейские: «В этом же доме и оставайтесь; ешьте и пейте то, что получите от них, ибо работник достоин платы за труд свой. Из дома же в дом не переходите» [Лк, 10: 7], то же – Мф, 10: 11. И тут надо вспомнить Иуду-казначея, жребий его был достаточно многотрудным. Был в бригаде, правда, и профессиональный мытарь – Матфей, но, похоже, экономическую сторону служения решал все-таки Иуда. По незаметности в текстах, решал в основном, наверное, кулуарно или на третьих планах, но с пристрастием. Вспомним его горячность в сцене миропомазания Христа: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» [Ин, 12: 5]. Эта же сцена говорит о том, что излишки казны неукоснительно направлялись на подаяния нищим.

Просто и понятно, что также и Иоанн Креститель на гребне популярности не акридами питался, да и в Махероне был все же при тетрарховой милости (Антипа любил беседовать с умным родовитым пророком).

Иисус делал хорошие сборы. После эффектной сцены отповеди фарисеям и саддукеям в Иерусалимском храме евангелисты отмечают: «Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты» [Лк, 21: 1–2], и еще: «И сел Иисус против сокровищницы, и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много» [Мк, 12: 41]. Наверное, это был народ, только что «с ослаждением» его прослушавший, и воздаяния были скорее в его адрес, в его сокровищницу (Марк ее не идентифицирует) – общинный ящик для пожертвований. Чего это он будет сидеть рядом с казенной сокровищницей и глазеть на чужие деньги? Деньги, подать на храм собиралась в определенные дни, в определенном количестве, также натуральными продуктами земледелия. К тому же была Пасха и законной храмовой жертвой полагался агнец. Чего ради бедная вдова без напоминания понесет подать в храм или помимо подати еще

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org пожертвует последнюю копейку? Такое она могла содеять только воодушевленная, как и все, Иисусовой личностью и проповедью.

К слову. Иисус с учениками жил в соответствии со своей проповедью «Бог даст день, Бог даст пищу», имущества не накапливал и не имел, как говорят, ни кола ни двора. Тем не менее в последующие века папство, самооправдывая свои баснословные богатства, доказало его статус собственника, невесть чего владельца.

А Галилея жила своей жизнью. Светлые шарлатанские головы видели славу Иисуса и видели способы извлечь из этого пользу для себя, примазаться к чужой славе. Поведенческая линия всех времен и народов, добавим – многих видовых форм. Этот реальный штрих времени зафиксирован у Луки: «При сем Иоанн сказал: Наставник! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами» [Лк, 9: 49]. Настоящий «нарушитель конвенции», «проклятый конкурент».

Как и всякий пророк, Иисус заботился о своей популярности. На подъеме известности Иисус провел две хорошо продуманные и спланированные оповестительные операции или, по-нашему, – рекламные акции. В качестве первой Иисус отправил по городам и весям Галилеи двенадцать основных своих учеников-апостолов, которые уже достаточно долго следовали за ним, помогая ему и перенимая опыт [Лк, 9: 1–6]. В напутственном слове Иисус наказал им делать то же, что делал сам, и чему они были постоянными свидетелями. Естественно, они должны были работать от его имени. Трудно оценить продолжительность этой операции, но она возымела успех, – молва об Иисусе докатилась даже до Антипы Ирода, хозяина Галилеи [Лк, 9: 7–9]. Сам же Иисус времени не терял и набрал еще семьдесят учеников, наверное, из числа галилеян, заинтересовавшихся проповедями отосланных апостолов и стекавшихся отовсюду к нему в Капернаум. Чудо накормления пяти тысяч в Тивериаде Иисус содеял, похоже, уже с их помощью, двенадцать не управились бы. Далее Иисус, наращивая успех, осуществляет вторую рекламную операцию, отсылая с проповедями, а точнее – с провозвещениями его имени партию из семидесяти новых учеников (скорее, просто сочувствующих): «И послал их по два перед лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти» [Лк, 10: 1]. Напутствия практически те же самые [Лк, 10: 2–12]. И, наверное, подавляющее большинство их задачу выполнили и вернулись: «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» [Лк, 10: 17]. На этот раз слухи дошли до Иерусалима. Синедрион пока просто принял их к сведению, а заинтересовавшиеся столичные фарисеи отправили-таки делегацию для выяснения и оценки явления [Мк, 7: 1; Мф, 15: 1]. Ну а народ иудейский отреагировал сразу: толпы его, не дожидаясь визита, направились сами к Иисусу, другие на месте с нетерпением ожидали посещения своего городка, подогреваемые рассказами очевидцев. Все мы одинаки. Но главная цель, как мы знаем, была достигнута: Иисус имя свое раскрутил, осталось грамотно позинать плоды. Добавим, что новатором в этих действиях он, конечно, не был, угадывается накатанная для тех времен методика.

Увлекаясь образной речью, пересыпая ее сравнениями, Иисус однажды «перегнул». Ситуация возникла в Капернауме, где он впервые обнародовал мысль о своем святом эквиваленте – о своей плоти и крови. Суть моля, плоть и кровь – это мои проповеди, идеи и вера. В этом я весь, и даже больше, и нет во мне ничего иного, силился объяснить он это тождество собравшимися: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь (то бишь: внимающий, верящий мне. – В. Е.) пребывает во Мне и я в нем» [Ин, 6: 56]. Народ с лету не понял иносказания: «Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать?» [Ин, 6: 60]. Как ни пытался он тут же выправить ситуацию, не смог, не нашел доступной людям транскрипции для осенившей его мысли, слишком эффектного образа. Последовал провал: «Многие из учеников Его отошли от него и уже не ходили с ним» [Ин, 6: 66]. Похоже, это как раз те самые семьдесят учеников-последователей. Посчитали люди такое дело бесперспективным, не открылась им «мышца Господня». «Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?» [Ин, 6: 67]. Петр за всех ответил отрицательно, но разговор получился тяжелый.

Не всегда стопроцентно принимались на веру и исцеления Иисуса: «Тогда иудеи не поверили, что он [слепец] был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего» [Ин, 9: 18–34]. Отметим, что Иисус в каких-то конкретных случаях исцеления страдалца, медицина стара как мир: исцелив очередного страдалца, Иисус говорит: «Вот ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» [Ин, 5: 14]. Как и ныне, многоопытный врач, приняв гонорар, назначает курс лечения, отягощенный массой заведомо невыполнимых в комплексе условий, и при скоропалительных претензиях укажет на невыполнение хотя бы одного из них.

Народ, измученный многовековым непрекращающимся инбридингом, бесновался

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org в самых разных формах. Нива действительно была обширная, а пахарей мало. Однако ученики, стажирясь, хоть и оперировали его именем, но не всегда бывали успешны. Пал как-то осмелившийся человек перед Иисусом на колени и сказал: «Господи! помилуй сына моего: Я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его» [Мф, 17: 15–16]. Иисус поправил дело, а ученикам указал на маловерие в работе.

Малоправдоподобно выглядит описание Ренаном этих лет Иисуса: «Верное стадо его весело бродило за ним, подбирая вдохновения своего учителя во всей свежести их начального расцвета. Иногда возникало какое-нибудь наивное сомнение, ставился слегка скептический вопрос. Иисус одной улыбкой, одним взглядом рассеивал возражения». Бригада хиппи. Можно добавить еще и пирушки в конце удачного дня (не в нашем понимании, конечно) – достаточно обильный стол, сдобренный вином. Такие настроения прослеживаются в текстах евангелий: Мф, 11: 19; Лк, 7: 34; Мк, 2: 15–16. Но за всем этим чувствуется многотрудная бригадная работа, будничные заботы, дисциплина и сложноподчиненность отношений. Были у Иисуса и любимые, и перспективные ученики, и просто функционеры. Он хорошо видел, кто на что горазд, предсказал и то, что они разбегутся при первой серьезной опасности, и кто от него отретется, и кто его предаст. И отношения в общине были непростыми. Заметны по текстам и конфронтация, и соперничество в распределении благ: например, у Марка ученики Иаков и Иоанн приступили к Иисусу с претензиями: «Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, во славе Твоей». Естественно, это не понравилось остальным: «И, услышавши, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна» [Мк, 10: 37, 41]. А Иуду Искариота ученики небезосновательно подозревали в воровстве из общей казны.

Естественно, у основных его двенадцати учеников-апостолов время от времени возникали сомнения, упадочные настроения, наверное, в периоды неудач: «И начал Петр говорить Ему: вот мы оставили все и последовали за Тобой». Приходилось успокаивать, налегать на обещания: «Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом: или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов: и земель, а в веке грядущем жизни вечной» [Мк, 10: 28–30]. Как видим, не только небесные блага обещал Иисус. Тут и возникает впечатление, что Косидовский прав, полагая Иисуса мятежником, помышлявшим о захвате власти и передаче имущества в реальном времени.

В принципе Царство небесное – религиозная категория, которой оперировал Иисус в своих пророчествах-обещаниях, – теологически сложна, и даже современными богословами разработана весьма концептуально. Что говорить в таком случае о пророках новозаветного времени! До конца слабо представлял себе его характеристики и сам Иисус. А поскольку вопрос был все-таки насущный, народ изрядно донимал его многочисленными: как, какое, где, кем, кому, когда? Особенно – когда? Иисус отбивался как мог, не особенно следя за логикой, по ходу корректируя понятие. Божие царство обращалось в небесное и наоборот, терпя трактовки. Главное – призвать к покаянию и жертвованиям. Что подвигало и подвигнуло его заявить ученикам в напутствии (когда он отправлял их по городам галилейским): «Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын человеческий» [Мф, 10: 23], – не ясно. Или в другой связи: «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет» [Мк, 13: 30]. Какими признаками и соображениями Иисус руководствовался, провозвещая скорый конец света, не уразуметь теперь. Ошибочными, конечно (не станем подозревать его в стандартном пророческом обмане), поскольку спустя время последовало трезвое: «Где обетование пришествия Его?» [II Петр, 3: 4]. Или: «Это (о кончине мира) слышали мы давно; но вот состарились, ждавши день за днем, и ничего не дождались» [Clement., I, Epist., 23.3, цит. по Мережковскому]. Однако выход был найден сравнительно легко: «День один у Господа, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» [Пс, 89: 5]. Для догмата нет безвыходных ситуаций. «Молим вас, братия, не спешить» [II Фесс., 2: 1–2]. Заминка вышла (а уверовавший народ продавал имения и сдавал деньги в общину, обрекаясь агитировать и других). А то и вообще: «Не ваше дело, знать времена и сроки» [Деян., 1: 7].

Имел ли Иисус взаимопонимание в среде учеников, работая с ними три года? Отмечается, что нет. Очень обоснованно сказал об этом Штраус: «Мы должны признать в них людей преданных и стойких, если только достоверны известия об их дальнейшей деятельности и судьбе. Но мы не можем видеть в них людей, способных понимать Учителя и глубоко вникать в его идеи и планы, тем более что мы имеем много оснований высоко ставить самого Иисуса».

Все правильно понял только Стефан – ученик без апостольского звания, греческий иудей из числа сочувствующих. Стефан, «муж, исполненный веры и Духа Святого», принципами не поступился. В своей апологии в защиту пророков и Христа называл все и вся своими именами, грозил вторым, карающим

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org пришествием убиенного Иисуса, за что и был побит камнями, погиб, как сам Иисус. Причем в расправе усердствовал Павел, который, правда, впоследствии одумался, уверовал и был причислен к апостолам. Кстати, по его собственному мнению (да так оно и есть), потрудился он поболее других апостолов в продвижении веры [I коринф., 15: 10]. В святом и богоприятном промысле крещения он был все же не в полной мере осмотрителен: «Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю» [I коринф., 1: 13].

Ночь перед арестом в Гефсиманском саду была гнетущей. Беллетристично описывает ее Лука. Уже во время тайной вечера пошел разговор о предательстве, отречении. Впрочем, тон был не обличительный, но всепонимающе-снисходительный, Иисус все прощал наперед. Он знал, что петля затягивается: «Ибо то, что о Мне, приходит к концу» [Лк, 22: 37]. Во власти дум своих сделал завещание (Новый завет). Его настроение передалось ученикам. По пути в сад они чувствовали, что он был уже как бы не с ними. В ночном саду Иисус «отошел на вержение камня» и продолжительно молился – вся судьба, вся жизнь были поставлены на карту. После молитвы, едва разбудил он учеников, «спящих от печали», как нагрянула толпа с Иудой во главе. Как ни были напуганы разбегающиеся ученики-подельники, все же Петр оказал некоторое сопротивление – выхватил меч и отсек правое ухо первосвященному рабу Малху. Не специально, конечно. Надо думать, Петр покушался на всю его рабскую голову. Сведение вполне можно считать достоверным: имя раба и отсеченная часть тела, видимо, долго муссировались в пересудах домовой челяди первосвященника и храмовой прислуги. Событие разнеслось и закрепилося в памяти молвы, как это часто бывает с эффектными мелочами. Петр далее повел себя не совсем благовидно – по преданию (и по предсказанию Иисуса) трижды отрекся от Христа, своя рубаха ближе к телу. Последовавшее раскаяние со слезами так же можно считать достоверным и подтверждающим некий начальный уровень морали на местности. На миг представим, что, напротив, арестован Петр. Как повел бы себя Иисус? Напомним, что он не сделал попытки вызволения арестованного брата – Иоанна Крестителя и не сказал слов гнева в адрес тетрарха Антипы Ирода в связи с казнью брательника. Не пришло в голову и евангелистам того времени добавить что-то по данному поводу. Вопрос оставим открытым.

Очень интересен этот ключевой момент в жизни бригады. Многие исследователи, пытаясь оправдать поведение Иуды, полагают, что он был золотом и ожидал от Иисуса решительных мессианских действий по освобождению Израиля, а разочаровавшись, предал. Однако целеустремленный золот, присоединившись к ученикам, быстро выяснил бы намерения Иисуса. Для этого достаточно недели, в конце концов, достаточно одного крутого разговора. Позорно и невероятно было для золота туго соображать три года (пусть даже один год), чтобы лишь в конце все уразуметь, разочароваться и нанести удар. Лучшее, что можно предположить в пользу «Иуды-патриота», так это трехлетнее вымогательство на нужды восстания. Бесконечно замышляемого восстания: к чести сказать, народ иудейский в своей националистической части никогда не мирился с подчиненным положением. Предположение о шантаже, однако, перечеркивается тем обстоятельством, что у Иисуса по текстам евангелий прослеживается защита («крыша») – Петр (зелот по ряду исследований) и Воанергес – «сыновья гнева» – дерзкие сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн. Зелотом обозначен также Симон Кананит. Надежный Петр – «скала» – был постоянно вооружен: как упомянуто, в ситуации захвата в руке у него ожидаемо оказался меч. Мечи упоминаются во множественном числе: «Они сказали: Господи! Вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно» [Лк, 22: 38, 49]. Наверняка были вооружены и Воанергес. Кстати, крутые Воанергес были готовы хладнокровно сжечь самаритянский городишко, отказавший Иисусу в постое на пути в Иерусалим: «Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их?..» [Лк, 9: 54]. Иисус их остановил. Так что Иуда был бы быстро нейтрализован, если бы представлял опасность или заявлял патриотические, пусть даже религиозно-консервативные требования. Но он был всего лишь простой вор. Не исключено, что действительно он по простоте души раскаялся, узнав о приговоре, и в стрессовом отчаянии повесился (далее Иуде посвящен раздел).

После ареста Иисуса ученики были подавлены, скрывались. Надежды рухнули: «А мы надеялись-было, что Он есть Тот, который избавит Израиля» [Лк, 24: 21]. То ли это говорено и приписано по привычке, как любому претенденту на мессианство, то ли прав-таки Косидовский, подозревавший в Иисусе более проповедника идей патриотизма и освобождения, чем лекаря и проповедника смирения и упования.

Собственно, в данном разделе мы пытались различить в новозаветных текстах элементы «жизни живой», указывающие на историчность Христа и «бывших с ним», не приземляющие, а «оземляющие» его личность и дела и тем самым подтверждающие его реальность. неплохим ориентиром тому является для

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org нас свободная от патетики картина В. Д. Поленова «У Марии и Марфы» (групповой портрет всей бригады наиболее удался английскому художнику Стэнли Спенсеру в его «Тайной вечери»). К примеру, очень жизненная ситуация в подаче Иоанна – перепалка Иисуса в храме с фарисеями на праздник обновления: «Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты Христос, скажи нам прямо» [Ин, 10: 24]. Иисус же многословно и раздраженно доказывал им свои отношения с Отцом и праведность дел своих. При этом галдящие фарисеи то и дело хватались за камни, чтобы побить не менее шумно полемизирующего Христа. Вполне угадываемая сцена. Или еще, неизвестно зачем переписывающийся из варианта в вариант, из столетия в столетие нейтрального, но чрезвычайно реалистичного содержания стих текста Деяний апостолов: «Во время продолжительной беседы Павловой, один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон, и пошатнувшись сонный упал вниз с третьего жилья» (20: 9). Проповедь испокон веков являла однообразие в воздействии на внимание молодых людей.

Конкретно о реальности. Представьте себе, что вам нужно отснять фильм об Иисусе и его учениках продолжительностью три года. Текста – монологов и диалогов – два десятка евангельских поэтических страниц – хватит в лучшем случае на месяц. Крещение, набор учеников, преображение, десятков эффективных исцелений, около десятка чудес динамично заполнят в общей сложности три месяца. А еще около тысячи дней чем заполнять? На экран пойдет серая обыденность отношений, ссоры, нудные ежедневные заботы о пище, сезонной одежде, крове над головой. Примелькается Иисус в бытовых ситуациях, надоедят друг другу физиономии и не шибко хорошо костюмированные фигуры учеников. В лицах все выглядит, как правило, иначе, прозаичнее, нежели в текстах, т. е. в нашем воображении. Потянутся длинные ночи сомнений, раздумий о покинутых семьях. Где-то надо думать и о сексе. Периодами бригаду обслуживали женщины, тоже неизвестно на что уповающие, – уж конечно не на процветание христианства и христианских сановников в двадцатом столетии. Праздники редки. Население занято, замордовано нелегкой жизнью, на проповеди, особенно в плохую погоду, не спешит. Иисус без дела. Скучные разговоры в пустых синагогах в межпраздничное время. Не везде рады местные власти, с которыми надо объясниться. Кое-где просто гонят, чтобы самим не быть побитыми, особенно в третий год. Хорошего сбора в хороший праздник хватает ненадолго. Богатых покровителей долго обременять нехорошо. Ученикам надо трудиться, пробовать себя в заработке – в исцелении, в проповеди: сана нет, имя Христа в первый год не везде помогает. Дороги местами опасны, переходы длинны и утомительны. Шумная, воодушевляющая удача бригады в одном городе сменяется бледным номинальным успехом в другом. Иисус, «надежда» то весел, то зол. Вечерние трапезы на постоянных дворах с вином и обильной пищей хороши, веселы, но редки. Иисус дистанцируется, порой раздражается на непонятливых. И будни, великое множество будней со скучным бытовым текстом. Текучка, работа почти монашеская. Ничем великим в воздухе и не пахнет. Брезжит лишь надежда на благосостояние, временами подкрепляемая обещаниями Иисуса. Ведущие ученики всерьез помышляют перенять у Иисуса искусство излечения и пророчества, поддерживают его. Остальные, как говорят, в колее. Какая-то напряженность, ощущение противостояния с официальной церковью, случаи церковного контроля, слежки заполняют только вторую половину третьего года. Заставят каждого задуматься. То ли делает Иисус? И вообще, что дальше? Будни станут непростыми. До динамичных и насыщенных похода на Иерусалим, вечери, ареста в Гефсиманском саду, казни и воскресения еще почти двести дней поденщины. Попробуйте мысленно растянуть этот сценарий на три года. Просто удивительно, что бригада не рассорилась, не развалилась раньше, не поменялся состав (может, все же не три года, а один, как у синоптиков?). Но, как веревочке ни виться, бригаду все-таки разогнали.

Надо здесь сказать, что лучше, если бы такой фильм был снят режиссером-евреем, с типичным этническим евреем в главной роли (чем хуже он будет играть, тем лучше, желательнее и выпороть его натурально) и в еврейских поселках, не тронутых временем, при сем артисты-евреи должны быть не в новеньких, ярких декоративных одеждах, не говоря уже о массовке. Помпезно декорированный голливудский садизм «Страстей Христовых» Мэла Гибсона, по нашему скромному мнению, далековат от историзма. Выпадают из Нового завета и еврейского древнего быта вполне цивилизованные артисты-европейцы, снятые в хорошую погоду. Натуральность торжествует только во время порки, здесь – блеск режиссуры. Хотя нетрудно догадаться, что в действительности все было без кинематографической любви к садизму. Римские наемники не держали на Иисуса злобы или личной неприязни, которые обычно привносят пристрастие и садизм в экзекуцию. Он им был безразличен, и работу они выполнили номинально.

Но конкретнее об учениках-подельниках. «Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот» [Мф, 10: 2–4]. Есть незначительные разночтения в источниках, но не будем сильно углубляться.

Первая реакция после ареста и казни Иисуса у учеников была, конечно, естественная: они разбежались, наверное, группами. К третьему дню основная часть их конспиративно соединилась в каком-то надежном доме в Иерусалиме, куда, по евангельским данным, и прибежали взволнованные воскресением женщины. А по тексту евангелия Петра утром Господня дня женщины действовали сами по себе. И финал трагедии описан здесь очень натуралистично: «Был же последний день опресноков, и многие расходились, возвращаясь по домам своим, так как праздник кончался. Мы же, двенадцать учеников Господа, плакали и горевали, и каждый, опечаленный совершившимся, пошел в дом свой. Я же, Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев». И все. Конец. Кристально ясно, что Иисуса уничтожили лично, как неугодного пророка, «пришив» ему дело. Поскольку на учеников и внимания никто не обратил. Синедрионистов ученики не интересовали в силу их (последних) ничтожности. (Кстати, ученики Иоанна Крестителя тоже остались без карательного внимания и свободно общались с затворником, выполняя его поручения.) Никто их не преследовал как поделщиков, поскольку и дела не было. Это пренебрежение и обернулось новой религией. То есть одним из факторов ее становления. Спустя время, вероятно усилиями Иакова, «брата Господня», к этому моменту пересмотревшего свое отношение к Иисусу (возможно, вследствие массовых обращений к нему немалочисленных почитателей Христа), зародился некий закономерный импульс к созданию иерусалимской общины. Естественно, по стандартному типу сект. Активизировались и были востребованы апостолы, жизнь обрела возможности. И дальше уже можно согласиться с апокрифом «Мученичество святого Апостола Андрея»: «Что же мы медлим и пребываем в покое вместо того, чтобы идти и совершать деяния, на которые Он направил нас? И, встав, бросила апостолы жребий, куда кому идти и какому народу нести спасение. И выпала Петру земля обрезанных, Иакову и Иоанну – восточные земли, Филиппу города Самарии и Азия, Варфоломею – Албанополис, Матфею – Парфия и город Мирмнида, Фоме – Великая Армения и Индийская страна, Левий и Фаддей получили Бероникиду, Симон Кананит – Варварию. Вместе со всеми бросил жребий и Андрей, выпала ему Вифиния, Лакедемон и Ахайя». То есть так или иначе состоялась «иерусалимская конвенция» (находчиво ее аналогию использовали И. Ильф и Е. Петров). Последовавшие затем деяния апостолов в самой заметной их части попали в Новый завет. В то время эта деятельность была лишь средством к общинному существованию – занятием ниши. И действительно, этот процесс происходил почти биологически. Очень наглядно его описывает Ренан в книге «Апостолы»: «Корабли апостолов плыли всегда по одному и тому же пути. Христианская проповедь распространялась в одном только направлении и именно в том, по которому шла эмиграция евреев. Подобно заразе, которая, начавшись в каком-нибудь отдаленном пункте Средиземного моря, путем последовательных передач распространялась по всему побережью, христианство появлялось именно в тех портовых городах, где можно было заранее предсказать, что оно появится. Почти во всех таких портах были еврейские колонии». Слово «зараза» Ренан употребил в чисто биологическом смысле, без нынешнего его оттенка. Наверное, можно было перевести иначе.

Далее непричастный к марксизму Ренан делает заключение: «Церковь была своего рода маленьким демократическим государством. ...Нетрудно было предвидеть, что не пройдет и двух-трех столетий, как вся эта демократия превратится в олигархию». Исторически это и была высшая цель – стадийно возрастающая олигархическая власть.

Но пока апостолы трудились бескорыстно на благо общака. Павел, тринадцатый апостол, учитель язычников, скромно говаривал: «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии». Или: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем». Сам даже, случалось, «избыточествовал». Павел поделником не был, с Иисусом воочию не общался. Очень жаль. Но тем не менее он сыграл едва ли не решающую роль в становлении христианства (на свой лад, конечно, субъективизм здесь неизбежен). Мелкий, кривоногий, кипучий Павел-Савл апостольское звание снискал самоотверженным трудом на благо общины. Короче – рабочая лошадка (Иоанн Дамаскин: «Павел, золотой кузнечик Церкви...»), к тому же непрестанно шпыняемая хозяином Иаковом, братом Господним и главой иерусалимской общины. Впоследствии творениями итальянских мастеров Ренессанса ему будет придан вид величественного мужа (как и Петру) в соответствии с заслугами. Невольно приходит на ум мысль: а что если бы Павел на пути в Дамаск в жаркий полдень не упал бы, обливаясь потом, и не ударился головой о каменную дорогу? Экстремальным образом он обратился в христианство, но бывают такие церебрально-травматические переключения

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org мировоззрения.

Второе апостольское лицо христианства – Петр, кличка – Кифа, в переводе «камень». Наверное, основная надежда Иисуса при отсутствии наличия Павла. И краеугольным камнем, основой веры его назовет, и символические ключи от Царства небесного ему пообещает – что свяжешь на земле, то и будет на небе, и паству свою ему препоручит. Остальные апостолы, составляя основу иерусалимской общины, выполняли кратковременные миссионерские путешествия и широкой известности не получили. Кроме Андрея, брата Петра – Андрея Первозванного (его Иисус призвал в апостолы первым), хорошо походившего по Руси, как полагают наши летописцы.

Большая жизнь после смерти получилась у Марии Магдалины. Магдалина – единственная женщина в бригаде, подходящая на роль подружки Иисуса. Идея напрашивалась и очень скоро развесисто реализовалась средневековыми романистами и поэтами. В действительности Мария Магдалина – провинциальная простушка о семи бесах, которые наверняка отрицательно отразились на всем ее облике, – безусловно не имела никаких шансов на замужество и была общедоступной для всего района Тивериады. Бесов, по принятии ее в общину, Иисус изгнал (или периодически изгонял), но возможность зачатия болезни наверняка исключили (в силу древнейшего промысла Марии пришлось, наверное, не раз обратиться и к услугам умелиц по прерыванию беременности, как известно, большей частью губительным). Без ошибки можно предположить и пониженные умственные способности у девицы. Трагедия распятия и лишение средств к существованию с распадом общины могли снова обострить все болезни Марии. Во всяком случае доверия к ее словам о воскресении Иисуса у апостолов в тот момент не было никакого. Леонардо да Винчи по понятной ему одному прихоти усадил ее по правую руку от Христа на своей «Тайной вечере». Но заметим, что таким же женоподобным мог быть изображен им и любимый ученик Иисуса – как известно, Леонардо был склонен к гомосексуализму (можно увидеть и еще более диковинные варианты вечери, особенно в современности). И из этой суперпозиции (и пары стихов Евангелия от Марии и Евангелия от Филиппа, в контексте имеющих совсем иную смысловую ориентацию) возник каббалистический детектив Дэна Брауна «Код да Винчи». Уж какие формы и воплощения ни принимал Святой Грааль (о нем чуть ниже) в воображении философов и романистов всех веков, но Браун переступил все посильное воображение, объявив Граалем Магдалину. Магдалину и ранее приспособляли под продолжательницу рода Иисуса, но без идентификации с Граалем. Однако вряд ли Мария была способна к деторождению и к какому-то притягательному влиянию на Иисуса, как мы уже обосновали выше. Сон разума порождает чудищ, во всяком случае – диковинные образы, абсурдные утверждения. Здесь кратко упомянем Грааль. Обычная чаша для вина в руках Иисуса на Тайной вечере. Может быть праздничная, подороже, из того, что было в доме. После вечери ее постигла та же участь, что и крест, на котором Иисус был распят: спохватившись, его откопали через триста лет (понятно, что это был уже не он). О чаше вспомнили, естественно, также в пору расцвета христианства, поскольку ранее, козырнув таким сувениром, можно было лишиться головы. И стала чаша легендой – Святым Граалем. Расплывчатое эпическое понятие о Граале существовало и до Христа у разных народов, но тут оно конкретизировалось. Естественно, на эту тему развернулись романисты и сектанты средневековые. Было измышлено, что в эту чашу Иосиф Аримафейский собирал кровь распятого Иисуса. Думается, не придет в голову нормальному человеку такое безобразие, тем более солидному синедрионисту. И прав был бы римский стражник, отогнавший плетью подобного предпринимателя, случись он в момент прободения (возможный, кстати, лишь по Иоанну). Этот ритуал собирания крови появится у христиан много позже: первое историческое упоминание – 258 год – собирание крови епископа карфагенского Киприана (отсекли голову епископу римские власти). Бред все же оказался живучим. В детективе Брауна Грааль возымел переносный смысл как сосуд кровей Христовых – Мария Магдалина. Хранителем традиционного (скажем так) Святого Грааля в Англии считается Иосиф Аримафейский, отбывший туда с проповедническими целями, якобы имея при себе сию чашу; во Франции существовал орден хранителей Грааля – тамплиеры. В норме культовых правил чаша могла быть и изготовлена как символ, естественно, из драгоценных материалов, искуснейшими мастерами. Церковь в начале XIV века разгромила тамплиеров, и Грааль исчез, если и был. Где обретается сейчас Грааль – дело легендарное и, в новом свете, детективное. Скорее всего, за всем этим – пустота. Разоблачительная идея увлекательного романа Брауна эффектна лишь внешне. Ничто не может переубедить человека убежденного или разуверить верующего (об этом «иммунитете веры» в конце очерка). Тем более аргументы с несмываемым клеймом «фальшь», если не «чушь». Многомудрая церковь лишь номинально реагирует на все эти, уже тысячелетние, разговоры о потомках Христа, в случае с «Кодом да Винчи» лишь осуждая балаганные религиозные

Казнь, воскресение

К какой же возможной расправе с ним готовился Иисус? Перечень публичных смертных казней религиозных преступников в древней Иудее невелик, начинается и заканчивается побитием камнями. Причем это наказание следует как за достаточно серьезное религиозное преступление, так и за легкомысленное женское прелюбодеяние. Побитие камнями в нужных случаях сочеталось с последующим повешением (так погиб Иаков, брат Иисуса). Естественно, Иисус был в курсе. И на это побитие, как уже упоминалось, он не раз нарывался и легко уклонялся от него, проходя меж «камнеметателями». Как он на них воздействовал, не сообщается. И это воздействие он лишний раз оттренировал, как мы предполагаем, в эпизоде с преображением. Побитие камнями – это высшая мера наказания, которой он опасался и на которую он «закладывался» в своем религиозном конфликте с синедрионом. Заключение в крепость, как Иоанна Крестителя, он вряд ли считал крайне опасным, непреодолимым для себя, для своей свободы препятствием. От надзирателей он ушел бы, как колобок.

И побитие камнями, и распятие, наверное, успел пронаблюдать почти каждый взрослый иерусалимец, явно довелось и Иисусу. И каждый был наслышан и о печальных концах, и о счастливых случайных избавлениях от смерти после таких расправ. Некоторые казненные висели на крестах много дней, оставаясь в живых. Есть даже конкретные сведения. Иосиф Флавий сообщает в своей «Автобиографии», что однажды, возвращаясь с военной разведки, он увидел множество давно распятых еврейских пленников, и в том числе троих знакомых. Он упросил Тита Веспасиана освободить их, и, когда их сняли с крестов и стали приводить в чувство, один из них действительно ожил.

Если считать, что Иисус как-то приготовился, изготовился к побитию камнями, то можно не сомневаться, что мараковали на эту тему и синедрионисты. Поразмыслив, они, конечно, поняли, что публичное побитие камнями Иисуса, как религиозного преступника, дело проблематичное. Мало того, что состав преступления едва скраивался, набрать толпу камнеметателей среди здравомыслящих паломников, наслышанных о просветительстве и благодеяниях Иисуса, представлялось маловероятным. К тому же Иисус неизбежно воззвал бы к толпе, а управлять толпой он горазд, размышляли патриархи, плюс его сверхъестественные способности. Чем дело кончится, проглядывалось плохо. Можно и самим попасть под камни. А может возникнуть и междуусобица, смута по их вине, за что Пилат указал бы им конкретно. Взвесив таким образом все «за» и «против», синедрионисты в последний момент порешили оговорить и предать Иисуса римлянам как политического преступника. Все сразу stanovилось хорошо. Церковная власть лишний раз подтверждала свою лояльность императорской, устранялся тревожноносильный проповедник-конкурент, и устранялся чужими могущественными руками – властью, не терпящей разногласий, сопротивления и не знающей сомнений. Таковым характеризуют прокуратора Пилата достоверные документы. При этом из действия исключалась толпа – здоровое большинство паломников, горожан, которые становились просто зрителями. Короче, этим финтом иерархи расстроили все планы Иисуса, заморочив попутно и Пилата, настроившегося на праздничный отдых. Не исключено, что Пилат действительно поначалу отослал их назад (а то и послал), к Ироду, с их актом доброй воли. И лишь потом, прокляв про себя въедливых евреев, отдал приказ на казнь, раздосадованный по пустякам. И попал в христианские анналы.

Но сбит был с толку и Иисус. Дело приняло смертельно крутой оборот. Возможно, он и запаниковал на короткое время. Но потом выправился, сосредоточился, изменил план и отказался перед казнью пить дешевый суррогат-наркотик, чтобы управлять собой и с умом распорядиться своими оставшимися силами.

Естественно, Иисус вполне представлял, что такое распятие, – так и хочется сказать: знал в распятиях толк. Толк не толк, но, сам целитель, он знал, как экономить жизненные силы в этом положении. И как психолог прогнозировал настроение и поведение стражи при ее 5–6-часовом дежурстве у крестов. Собственно, продержаться ему надо было до вечера: Иисус знал, что его должны снять с креста и захоронить до захода солнца. Штраус детально проанализировал сведения евангелистов о продолжительности пребывания Иисуса

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org на кресте. Из его анализа следует, что по данным Матфея и Луки Иисус провисел живым на кресте немногим более трех часов, по данным Марка – шесть часов и по данным Иоанна – два-три часа до наступления смерти и, вероятно, еще меньше после кончины. Так что, если Иисусу удалось быть в силах, он мог какими-то телодвижениями, конвульсиями, стонами, якобы беспамятными словами подводить уставшую от ожидания стражу к пониманию его приближающейся кончины. Психологу это не трудно – справиться с мозгами четверых дебильных наемников (число стражников указано только у Иоанна). Конечно же, Иисус понимал, что если не инсценировать смерть, то его точно прикончат к заходу солнца. И когда он с заключительным возгласом судорожно испустил дух [Мк, 15: 37, 39], обмяк и затаился, они решили, что он умер (прикинем, мы бы сделали то же самое, будь мы на кресте и будь мы в силах). День казни близился к вечеру. Удара копьем он не ожидал, но с честью перенес, не дрогнул, да и чувствительность, естественно, притупилась: силы были на исходе. Этот контрольный удар копьем был нанесен стражником только в изложении процесса распятия Иоанном (19: 35). Резюмируя, заметим, что никакой распятый конечно же не умер бы за это короткое время своей смертью (дикий каламбур), т. е. без дополнительного травмирования, каковым чаще всего являлся *scurifragium*. Его претерпели и не перенесли распятые рядом с Христом злодеи, которых также должно было захоронить до захода солнца. А по поводу Христовой ранней кончины высказал подозрение и сам Пилат, знавший, что распятые держатся в сознании до трех и более дней.

Теперь мультипликативная вставка. Чем хорош электронный вариант книги, так это легкой возможностью вставить в повествование «подсвещающие» (подтверждающие) факты современности. С ходу заявление о том, что Иисус не дрогнул при тычке копьем под ребро, может показаться неправдоподобным, но вот конкретное подтверждение. Во время дикой бойни летом 2011 года на норвежском острове Утойя (террорист Брейвик расстрелял около девяноста девушек и юношей, собравшихся на праздник) один молодой человек спасся чудом. Он лежал неподвижно на камне у берега, проходя мимо, Брейвик принял его за мертвого, но сделал контрольный выстрел в плечо. Юноша стерпел боль и не пошевелился. Таковы возможности человека в критической ситуации.

Иисус, конечно, знал, что по обычаю иудеев трупы казненных зарывали в землю (надо думать – небрежно, едва прикрыв) на необихаживаемом кладбище для преступников. Мог ли, имел ли он при таком финале что-либо предпринять для своего спасения? Это еще одна тайна. Тела также беспрепятственно выдавались римлянами родственникам для погребения. Скорее всего, этот наиболее благоприятный вариант и прогнозировал Иисус. Но кстати подоспели Иосиф Аримафейский и Никодим, на что Иисус, может, и не рассчитывал. Из апокрифического Евангелия Петра следует, что Иосиф еще до начала казни договорился с Пилатом о выдаче ему тела Иисуса на захоронение (вот это и наводит на разные мысли исследователей). Все складывалось относительно хорошо, по плану, кроме удара копьем под ребра. Иисус висел высоко, поскольку губку с уксусом к его губам подносили на конце копья (по древнейшим текстам). Мережковский обосновывает, что Иисус был распят на так называемом «высоком» кресте с оголовьем, которые предназначались для опасных, точнее, масштабных преступников. Для прочего разбойного люда кресты составлялись в форме буквы «Т» и были невысоки, лишь бы распятый не доставал землю. Так что, возможно, удар также был нанесен самым концом копья или дротика (наемник дотягивался) и был не смертельным, но опасным для жизни. Может быть, была прободена брюшная полость и далее всего лишь затронута диафрагма (долгое наклонно-висячее положение тела, внутренности опустились в низ брюшной полости: в подреберной области, особенно слева, так ничего существенного и не осталось), и Иисус от всех этих мучений на некоторое время потерял сознание и сделался совсем как мертвый. Иосиф и Никодим, сняв с креста, отнесли его в гробницу и, как сообщают евангелисты, совершили ритуал захоронения по-еврейски [Мф, 27: 59–61; Лк, 23: 53]. Тут опять же неясно, каким образом могла возникнуть в его истории именно Туринская плащаница – покрывало, четырехметровый кусок полотна, принявший на себя отпечаток тела Христова с лица и со спины. Таковая плащаница должна была не меньше месяца впитывать его испарения. Иисус же высвободился из-под нее не далее как на вторую ночь, даже если воскрес по-евангельски. Правда, в последнее время специалисты поговаривают, что Иисус был как бы распален, энергетически сверхактивен в момент воскресения (био-, квази- и проч. энергетика сейчас в ходу, подмывает добавит крези-). Такой коричнево-желтоватый отпечаток оставляет на ткани перегретый утюг, т. е. ткань окисляется при высокотемпературном воздействии. Но правомочно предположить, что то же может произойти и при низкотемпературном, но многолетнем (вековом) воздействии на ткань испарений и не причастного к воскресению человека. На ткань, явившуюся, к тому же, неким катализатором при определенных условиях и свойствах. Но это к слову.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Христиане-гностики во главе с александрийским философом Василидом утверждали, что Иисус не был распят вовсе, вместо него распяли Симона. Подвернувшегося по дороге на Голгофу Симона Кириянина римские солдаты заставили нести крест Иисуса, который был измотан и совершенно обессилел к тому времени (а может, уже входил в роль). Так не исчез ли Иисус по дороге, «прошед меж них» – меж римлян и зевак, как это он умел и делал не раз, с блеском уходя от гонителей? Римлянам для выполнения задачи и сохранения своего лица и благополучия своего сотника ничего не оставалось бы в этом случае, как пригвоздить к кресту несчастного Симона. В гневе, карательно, как заложника. Разница количественная для команды была страшнее качественной. Но такой расклад совсем уж разрушает весь христианский храм, и поэтому голос Василида померк в веках. А вместе с тем версия реальная, «внутренне не противоречивая»: Симона принудили нести крест одни, а распинать приступили, возможно, уже другие солдаты, которые были не в курсе. Могла случиться смена, перестрой, отзыв или еще какая непредвиденная мелочь в составе команды. И если к тому же Иисус исчез, так все случилось катастрофично не в пользу Симона. А то, что он принялся кричать, возмущаться и вырываться, так это было привычно понято легионерами как естественная реакция преступника. Вопли редкой толпы по той же причине не шли в счет, может, кому и в зубы было выдано (заинтересованные молчали, конечно). Короче, когда судили Иисуса, издевались и повели на распятие, это видел весь город, а когда пострадал Симон – небольшая толпа. Тем паче спустя десятилетия какой-то шумок насчет подмены мало кого впечатлял. Есть еще одно исследовательское сомнение в смерти Иисуса, основанное на совпадении имен. Варавва – отпущенный Пилатом разбойник – это арамейская кличка, настоящее имя Вараввы – Иешуа, то есть Иисус (это имя было очень распространенным). И полагают, что по требованию толпы отпустить Иешуа Пилат распорядился освободить Иисуса. Тем более что кличка Варавва, в переводе – сын отца, добавляла неразберихи, унисонируя с Сыном Отца.

Но вернемся к основной версии, к событиям более вероятным. Иисус из гробницы мог исчезнуть дважды. В первую же ночь, когда охрану еще не приставили, с пятницы на субботу, очнувшись и отлежавшись, он мог под утро слегка отодвинуть закрывающую вход плиту (плечами – руки-то травмированы), выбраться и даже вернуть плиту на место в целях предосторожности (вес и величина плиты варьируются исследователями в широких пределах). Если ему не удалось набраться сил за первую ночь, то же самое он мог проделать и во вторую. То есть, как обещал, – воскреснуть на третий день. Солдаты, в субботнее утро испрошенные синедрионом у Пилата для охраны гробницы, дежурили сутки. Естественно, по несерьезности и даже, по-ихнему, комичности объекта, все сутки пьянствовали, а что делать? Да и Пилат попросту отмахнулся от надоевших евреев: «Имеете стражу, пойдите, охраняйте, как знаете» [Мф, 27: 65]. Так что солдаты, отойдя от ночного угара, уже хорошо пригретые солнцем, увидели, что входная плита гробницы отодвинута или даже отвалена, по текстам. Объект, по Матфею, проверили приспевшие две Марии – Магдалина и другая. Иисус исчез. Здесь описан наиболее сложный для Иисуса случай, когда к гробнице была приставлена охрана, по тексту Евангелия от Матфея. Другие же евангелисты охрану не упоминают, не осуществляют – тем проще все было для Иисуса. Можно также предположить, что Иосиф с Никодимом, совершая ритуал, почувствовали в Иисусе теплящуюся жизнь. В таком раскладе друзья легко могли явиться попозже, ночью, оставить под плащаницей муляж, закрыть на всякий случай гробницу, Иисуса же препроводить в безопасное подворье и за следующие сутки выходить его, поставить на ноги. Заметим, что хлопотливые синедрионисты, явившиеся в субботу утром с охраной, уже проделали организационную работу и впали в солидный субботний грех, так что заходить в гробницу и производить раскрытие и тщательный контроль захоронения – это сделать себе еще хуже. Контроль явно был в виде некоего беглого визирования снаружи, и плиту задвинули на место и опечатали (печати уже наверняка придумали евангелисты для усиления эффекта).

Далее, оправившись от стресса и кое-как приодевшись, Иисус явился ученикам, как и обещал. И здесь вырисовывается второе крупное догматическое противоречие. Чуть ли не с первых глав евангелисты повествуют о многократных Иисусовых внушениях ученикам и бывшим с ними о своем предстоящем воскресении в третий день после смерти. Это просто песня в их изложении. Подозрение возымели даже синедрионисты, принявшие меры против этого воскресения. А вот любимые ученики не ждали и не поверили. Слова первых свидетельниц, женщин, о воскресении Христовом они признали пустыми. Мол, бред. И что в этом случае думать здравому человеку? Что вся песня про воскресение придумана позднее, постфактум, и Иисус не обещал и не говорил даже об этом, а уцелел случайно, счастливо, своими стараниями, чем и поразил учеников, ничего такого не предполагавших (добавим, никакой искупительной жертвы не улавливавших в его мнимой смерти). Или же ученики

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org были совсем тупыми и никогда Христу не верили, пропускали мимо ушей весь его сказ про воскресение. А Иоанн так прямо и написал о пришедших ко гробу и изумившихся отсутствием Христа учениках: «Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых» [Ин, 29: 9]. Здесь же, справедливости ради, сошлемся на Луку, который снисходительно отнесся к непонятливости учеников. После предупреждения Иисуса о том, что «будут бить и убьют Его; и в третий день воскреснет», – ученики должным образом не вникли в слова Иисуса: «Но они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного» [Лк, 18: 33–34].

Но как бы там ни было, Иисус явно уцелел после казни: слишком большой, внушительный информативный напор, информационное давление по этому факту идет из текстов евангелий и апокрифов, из глубины веков. Не будем описывать тягостные сцены опознания, признания Христа учениками; скорее это верительные, подтвердительные грамоты евангелистов по факту «воскресения». Не может быть, чтобы ученики за один день и две ночи начисто забыли голос и облик Иисуса, как бы он ни маскировался. Но сам факт воскресения не полностью удовлетворил зарождающееся христианство. Для усиления эффекта Иисусу приписали еще и предварительное обещание, предречение своего воскресения. Молва сразу или постепенно «вспомнила», что Иисус таки намекал о воскресении. Затем из устного варианта евангелий эти сведения уже в хорошо оформленном утвердительном виде были занесены в письменный. Никакой мифологии, обычное для Homo sapiens дело. Известны яркие примеры мотивировок, вольно или невольно «притянутых» к событию задним числом. Пример простейший: во множестве случаев поражения человека молнией его соплеменники и знакомые, особенно дамы, немедленно «вспоминают», что он не так давно хулил Бога или даже грубо заявлял о его отсутствии.

Собственно, ничего сногшибательного в мнимом или фактическом воскресении Иисуса для тех времен не было. Рядовое воскресение. Примеров такому воскресению множество, их мы можем проследить в мифологиях и эпосе разных народов. В отношении Христа и воскресения, и обещания воскресения все равно было мало для мощи христианства. Понадобилось еще и вознесение, а попозже и обещание второго пришествия.

Отметим здесь генеральное аутопротиворечие постевангельского христианства. А именно догматиками Иисус одновременно позиционируется и как человек, и как Бог («вочеловеченный» Бог). Не просто обожествленный людьми человек, а Бог предвечный и бессмертный, Сын Бога, ипостась Троицизма и собственно Троицизм. Но тогда вся казнь, жертва, искупление и проч. выходит несолидным театром. Немедленно будет богословское возражение: он умер как человек. Контрвозражение: но как Бог он не мог ни страдать, ни умереть и воскресение тоже выглядит фарсом. Или-или.

Вознесение

Сначала еще немного о воскресении. Несколько подробнее опишем интересные текстовые факты в их связи, никем не отмеченной. Реалист Марк, автор наиболее раннего, как сейчас установлено, евангелия, почти без прикрас и фантазий излагая события, в заключительных главах упоминает некоего таинственного юношу. Наиболее зримо его фигура появляется в сцене ночного ареста в Гефсиманском саду: «Тогда оставивши Его, все бежали. Один юноша (не ученик, курсив мой. – В. Е.), завернувшись по нагому телу (спал человек. – В. Е.) в покрывало, следовал за ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них» [Мк, 14: 50–52]. Таинственный юноша, скрывшийся от преследователей в Гефсиманском саду, снова вдруг появляется в белых одеждах в пустой гробнице Иисуса: «И вошедши во гроб, увидели юношу (курсив мой. – В. Е.), сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите скажите ученикам Его и Петру, что Он предварает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» [Мк, 16: 5–7]. Конкретный разговор, никакого ангельского вещания. Реальные действия реального юноши, не из числа учеников, помогшего Иисусу выбраться из гробницы и затем задержавшегося, чтобы еще раз напомнить пришедшим для помазания (ожидались, естественно, женщины, бывшие вне подозрений) о встрече в Галилее. Очень вероятно, что это был кто-то из ессеев, устроивших Тайную вечерю (далее – чуть подробнее об этом). И очень вероятно, что Иисус

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org поделился с этим юношей (возможно давно знакомым Иисусу) своими вариантами спасения. Марком он также упоминается как посторонний на Тайной вечере: «И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня. Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли? (курсив мой. – В. Е.)» [Мк, 14:18–19]. Все эти детали совершенно естественно укладываются в логическую последовательность. Внутренне не противоречивую. Юноша, тайный сообщник, иерусалимец, подстраховал Иисуса, начиная с Тайной вечери, и в итоге вытащил из могилы (версия). В следующих по хронологии евангелиях юноша исчезнет, но появятся «подробности».

Далее вознесение. Первым о вознесении упоминает также Марк (16: 19), у него Иисус вознесся непосредственно с будничной, уже прощальной вечери, на которой он тоже сделал наказы ученикам. Никаких описательных деталей. Очень обстоятельно повествует об этом Лука. В течение символических сорока дней Иисус несколько раз являлся ученикам и в Иерусалиме, и в Галилее. Перемещения его были неисповедимыми, говоря по-современному – конспиративными, а появления столь неожиданными, что евангелисты даже приукрасили их закрытыми дверями, сквозь которые он заходил в помещения к собравшимся ученикам. После нескольких разрозненных контактов с учениками Иисус, чтобы воскресение не осталось келейным событием, явился однажды толпе верующих в 500 человек на горе Галилейской [I Коринф., 15: 6]. Примерно в середине мая Иисус окончательно поправился и встретился с учениками в последний раз, в Иерусалиме. Поел с ними печеной рыбы и сотового меда, напомнил Писание, пообещал милость свыше. Трижды наказал Петру: «Паси овец моих» и предсказал, что это дело будет нелегким и конец Петра трагическим, но свидетельство веры непреходящим. Иоанну же предрек долгую просветительскую жизнь (не исключено, что это евангельские излишества). Вместе пошли в Вифанию, поближе к транзитным караванным путям. Собственно, путь у него, как и у всех евреев в опасные времена, был один – в горы: «Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы» [Лк, 21: 21]. Шли, с грустью вспоминая былое. За Вифанией Иисус их остановил и далее пошел один. Уходя, он поднимался в горы: удаляясь, постепенно уменьшался, исчезая вдали из виду. Вот и все вознесение. «И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» [Лк, 24: 50–51]. Он поднимался в облака и уходил по перевалу, – чуть перефразируем Высоцкого. А дело было 1 июня, применительно к нашему декретному времени, прекрасный летний день, и «Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» [Деян., 1: 9].

Если прикинуть душевное состояние Христа в первые недели или месяцы после развязки, то можно с определенностью установить разочарование, опасения преследования, некую тревожную неустойчивость в поведении. Как из событий явствует, рабочей полемики, дискуссии с синедрионом у него не получилось, и он понял, что она невозможна. То есть официальное, легитимное реформаторство как таковое не удалось, а все другое его не интересовало. Он с легкостью передал свое дело ученикам, естественно, не подозревая, что судьба и история вынесут и имя его, и дело в горние выси (бывает).

Куда он ушел? Да хоть в ту же Индию или во Францию. Обе республики обнаруживают следы предположительного пребывания Иисуса (оговоримся, весьма предположительного). Напомним также, что за Вифанией, за небольшой горной грядой (на которую и поднимался Иисус), находится Кумран – своеобразно изолированный от Иудеи город, общество. Кумранские ессеи имели своих наставников, о Христе были, конечно, наслышаны, но он им был ни к чему. Однако какие-то отношения приязни, приятия между Иисусом и ессеями по евангельским текстам ощущаются. Это еще раз наводит на мысль о продолжительном иерусалимском периоде Христа, в течение которого он не раз, наверное, встречался и с ессеями проповедниками, и с наставниками, и с простыми ессеями (Иоанн Креститель, так тот – верный выходец из Кумранской пустыни, что уже почти доказано). Легко вычленяется связь Иисуса с ессеями, к примеру, из эпизода подготовки Тайной вечери: «И посылает двух учеников Своих, и говорит им: пойдите в город [Иерусалим]: и встретитесь вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним, и куда он войдет, скажите хозяину дома того: „Учитель говорит: где комната, в которой бы мне есть пасху с учениками Моими?“ И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую; там приготовьте нам. И пошли ученики Его и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху» [Мк, 14: 13–16]. Здесь, во-первых, мужчина с кувшином воды для Палестины нонсенс, – лишь ессеи, которые не принимали в свою общину женщин (Целибат), могли отрядить на это дело мужика с кувшином. Во-вторых, дом указанный не мог быть фарисейским или саддукейским по понятным причинам противостояния. Вряд ли он был также домом какого-либо мытаря: к тому моменту Иисус бы уже в розыске, и любые хозяева с многочисленным, как правило, семейством поостереглись бы принять его с

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org компанией. Значит, это был некий ессеистский приходский дом, неафишируемый сектантский офис, как сказали бы мы. И определенность, и надежность, и, может даже, привычность места, избранного для тайной вечери, что называется «сквозят» в текстах всех трех синоптических евангелий [Мф, 25: 18; Мк, 14: 13–15; Лк, 22: 10–12]. Чувствуется также мало-мальский предварительный договор.

Былая или теплящаяся связь Иисуса с ессеями изредка прослеживается и в проповедях. Некоторые проповеди изрядно сдобрены ессеистской терминологией, символикой (как рудиментами былых отношений): вы – свет мира; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света; так да светит свет ваш перед людьми и т. п. Как мы знаем, ессеи называли себя сынами света, и свет для них был в числе культовых субстанций. Вот Иисус и скрылся у них. Помимо прочего секта имела статус прибежища всех потерпевших крушение в жизни. Христос – человек умный – попал к ним (версия), не стал щеголять там своей знаменитостью в галилейских и иудейских пределах. Наверное, подчинился весьма строгим организационным законам секты, крутым сектантским авторитетам, правителям. Некоторое время нужно было для того, чтобы вжиться в структуру секты (уставный испытательный срок ему, как своему, конечно, не назначали), затем проявить себя и далее начать служебное продвижение к верховным позициям. Нужно ли это ему было? Как знать, может, в течение этого, достаточно продолжительного времени, Иисус приболел, – дали себя знать раны, мог и не излечиться. Могли достать его там и приспешники синедриона. Добить пересмешника – чем не задача государственной важности? Как бы там ни было, реальный след его исчез, в отличие от славы, подваченной учениками.

Успехи христианства в первые десятилетия, покрывающие предположительно оставшуюся земную жизнь Иисуса, были невелики. Может быть, какие-то сведения и достигали ушей Иисуса, но на связь с ним, как мы знаем, никто выйти не пытался. Не исключено также, что в идеологии секты он и нашел признаки того дела, которому посвятил себя. Возможно, жил он с ними лишь время, необходимое для того, чтобы немного улегся официальный интерес к его личности, а далее (еще версия), Иисус, натура характерная, мог согласиться на предложение Иосифа Аримафейского и отправиться с ним по свету. След Иосифа теряется где-то в Англии. По преданию, он там проповедовал Евангелие. Вполне вероятно, что не он, а Иисус, бывший с ним. У многих исследователей возникает интуитивное ощущение, что Иосиф поучаствовал в судьбе Иисуса куда больше, чем следует из евангелий (выше упоминалось об этом). Иосиф, человек богатый, добрый и правдивый, по преданию же – один из семидесяти учеников, друг Иисуса. Человек деятельный, друг и Пилата, Иосиф легко договорился с ним о выдаче тела Иисуса, предоставил свою гробницу в своем имении, лично занимался погребением живого ли, мертвого ли Иисуса (о «воскресении» мы рассказали выше). Должна была быть очень веская причина тому, чтобы Иосиф бросил родовое имение, высокое положение в иерусалимском обществе и ударился в дальние края. Может быть, Иосиф сделал ошибочную ставку на Христа на чужбине и прогорел. И соблазнился Иосиф, и пытался организовать что-то вроде гастролей Иисуса, шоу с участием суперпророка. Однако в чужих народах, не имевших соответствующей предыстории, Христовы проповеди, в лучшем случае, выслушивали с интересом, но на третий день забывали (вспомним проповедь Павла в Афинах перед высшими идеологическими чинами: накатанная, возвышенная проповедь о Царствии небесном, Страшном суде и проч. была встречена язвительным языческим хохотом). И этот преждевременный прорыв в далекое зарубежье закончился провалом – безвестностью для Иисуса. При этом заметим, что Иосиф Аримафейский, влиятельный член иудейского синедриона, был величиною, а Иисус – лишь молодым, талантливым пророком да еще опальным. Поэтому некий географический след в памяти, в преданиях остался лишь от Иосифа. Повернув назад из сумрачной Англии, Иосиф и Иисус, естественно, упирались курсом прямо во Францию. Приятносолнечную Францию, особенно на ее юге (есть тому свидетельства). Там, наверное, и кончились Иосифовы деньги. Впрочем, есть другая версия путешествия Иосифа в Англию. Существует легенда, что он был хранителем чаши, из которой испили вина апостолы на Тайной вечере («Святой Грааль»). Ее-то он и отвез в Англию (зачем?), и там она исчезла. В общем, Иисуса живого история не уберегла, напротив, фантазия человеческая лелеет.

В Иудее же и сопределах события происходили по типу высказывания Хораса Манна: «Гений может положить начало; доверить дело должен терпеливый труд». Собственно, дело вступило в другую фазу, и в долгом процессе пропаганды Христа и христианства участвовали наиболее способные ученики, брат и даже мать Мария, потрудившаяся (по апокрифам) в церковной общине. Продвигалось дело многотрудно: в распрях и взаимных обвинениях, в искажении учения Христа, с элементами махрового субъективизма. И лжехристов в те поры объявилось немало, о чем и предупредил Иисус.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Для полноты портрета Христа приведем дополнительный реалистичный штрих от С. Марешаля. Марешаль, непримиримый антихрист, реалистичен до предвзятости в характеристиках Иисуса. Он критически подчеркнул панические страхи Иисуса в ночь ареста, мольбы к Богу о спасении: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» [Мф, 26: 39]. Далее Марешаль считает, что Иисус на первых допросах повел себя заносчиво, вызывая (и так действительно выглядят его ответы), а в сцене ареста даже припугнул (и это заметно) гонителей, заявив во всеуслышание Петру: «Или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» [Мф, 26: 53, также Мф, 26: 64]. По дороге на казнь Иисус, по мнению Марешаля, пытался разжалобить народ, женщин: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» [Лк, 23: 28], и до последнего момента надеялся, что народ его поддержит и казнь отменят. Короче, Марешалем обрисован рядовой проповедник, зарвавшийся, а затем испуганный слишком сильным карательным интересом к нему синедриона, слишком сильной мерой пресечения его критики. Что ж, версия также «внутренне не противоречивая», но слишком прост подход к оценке событий и Христа. Первое возражение: Иисус был предупрежден об опасностях, знал за собой слежку и вполне мог скрыться, уйти в Галилею даже ночью перед арестом. И второе возражение, основное: Иисус был проповедником неординарным, он был яркой исторической личностью, вспыхнувшей на короткий момент (вспомним «суперстар»); в противном случае он не инициировал бы такого информационного взрыва, который гремит через века.

И наконец, в процессе работы, вольно или невольно подгоняя новозаветные сведения под свою фабулу, с интересом замечаешь, что то же самое неплохо проделали евангелисты с фактическими событиями или, по крайней мере, с устными вариантами евангелий. Очень заметна, к примеру, национальная ориентация евангелий: от Матфея несомненно адресовано обращенным евреям, а от Луки – язычникам. Конечно же, все воспоминания достоверные и «достоверные» были постепенно выстроены, подчинены основной идее, догме христианства: Иисус пострадал, воскрес и вознесся. В Первом послании к Коринфянам Павел исчерпывающе и кратко говорит: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (15: 14). Добавить нечего, гибель и «воскресение» Иисуса явились и были использованы как мощный импульс к жизни, как «путевка в жизнь» уже почти сформированного в то время христианства. Правда, повлиять на его облик Иисус уже не мог, и новая мировая религия, постепенно порвав с иудаизмом, ушла в такие дебри, что Иисус, будь он жив, в каждом последующем столетии открещивался бы от нее с облегчением. Вполне имел право Иисус высказаться по-маяковски: «Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь, грязные, в калосах и без калос».

Иисус – контра Иуды

Оба с темным прошлым, в отличие от апостолов-рыбаков, сборщика пошлин и других простолюдинов-учеников, членов общины. Петр, правда, был замешан в движении zelотов, по некоторым данным. Специальность Иуды в евангелиях не проясняется, помимо пожалованной Иисусом, – казначей. В графе «происхождение» – Искарот, Иудея; национальность – иудей, и, по евангелиям, больше ничего. По апокрифам же прошлое Иуды не менее фантастичное, чем у Иисуса. Иисус, естественно, видел (а может, и знал), с кем имеет дело, но взял его в ученики; каким образом, к сожалению, установить невозможно. Ясно лишь, что он не галилеянин и в Галилее в период набора учеников не обитал. Не исключено, что Иуда в начале галилейского периода был призван Иисусом, как старый знакомый по буйной иерусалимской молодости, с обещаниями хорошей жизни, хороших заработков, хорошего положения в общине. Предположить можно и обратное: либо оказавшийся на мели, либо не у дел, Иуда, бог весть чем промышлявший, вероятно прослышав об успехах своего давнего приятеля Иисуса, покинул родную Иудею и, явившись в Галилею ко Христу, запросил участия, помощи. Может быть, подвернулся он Иисусу в одно из праздничных посещений Иерусалима. Иисус, конечно, принял его в общину на равных правах с остальными и с чуть большими полномочиями казначея (может, роковыми). Иуда, безусловно, обещал беззаветную службу, но обещания такого типа людей клятвенны и пусты, Иисус это знал. Взаимоотношения их должны были быть, естественно, сложными. Это была «темная лошадка» в коллективе. Хорошо обозначил это обстоятельство Муретов

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org в своем очерке «Иуда предатель». Иуда – чужак, да еще и пригретый Иисусом на хорошей должности, снискал лишь официально-настороженное обращение – Искарриот, в отличие от тезки, апостола Иуды Иаковлева, прозванного Леввеем, в переводе – приятный человек. Если еще присовокупить традиционную неприязнь иудеев к галилеянам и наоборот, то напряженность, наверное, постоянно нарастала. Можно приплюсовать и естественную подозрительность к нему как к казначею со стороны бесхитростных простолюдинов-учеников. Интуитивно понятно, что Иуду спасало лишь то, что он был иерусалимским ставленником Иисуса, в ином случае его, наверное, вытеснили бы из бригады.

Вполне вероятно, что со временем возникло подспудное противостояние Иуды и с Христом. Может, это была давняя зависть, может, Иуда считал себя умнее, может, было просто недовольство и неудовлетворенное желание играть более значимую роль при Христе. Греческий писатель Никос Казандзакис, в числе многих, в своем романе «Последнее искушение» приписывает Иуде принадлежность к зелотам – непримиримым борцам за независимость Израиля. По его версии, на этой почве между ним и Иисусом-миротворцем возник антагонизм, приведший к предательству. Айзек Азимов допускает прочтение полного имени Иуды не Искарриот, а Сикариот (кинжальщик, – было такое движение в Иудее) и также предполагает его агрессивный патриотизм и претензии к Иисусу. Можно повторить здесь и соображения Муретова о крайней религиозности Иуды, разочарованиях в связи с застопорившимся приходом Царства Божия, обещанного Христом, и прочую высокопарность, которая мало вяжется с простой хитростью и незлым коварством Иуды-вора. Не надо ломать голову, наверняка практичный прохиндей Иуда за три года прикопил хорошую сумму привычным мелким воровством из казны. Привлекал, притягивал его ящик для пожертвований и в целом: Муретов анализирует, что Иуда тяготел к «золотому кумиру». Куда делся после всех катастрофических событий «денежный ящик для подаяний», «ковчежец», никто не знает, и нет предположений. А наиболее естественное развитие событий следующее. Иуда, прикопив деньги, ощутил также, что и ковчежец за страстную неделю заметно потяжелел, пополнился (неутомимые дилетанты даже уже и подсчитали – 200 динариев было в ящике). И соблазнился Иуда, и замыслил просто разделаться и с Иисусом, и с общиной одним махом, путем предательства, а ящик умыкнуть. Что может быть проще? Чуть ли не «конгениально». Похоже, что этот план зрел у него давно, по мере усиления разочарований в Христе и по мере угасания надежд на перспективы, «пакибытие» общины. Возможно, вор, измученный постоянным ношением беспризорного ящика с деньгами, наконец не выдержал. Была у него также возможность за время пасхальной недели наладить связи со старыми знакомыми, иерусалимскими уголовниками. Иисус, во власти собственного решения схватиться с синедрионом, снисходительно смотрел на его поползновения: «что делаешь, делай скорее» [Ин, 13: 27], что в переводе означает: суетись, презренный; каким я тебя знал в молодости, увы, таким ты и остался, прохиндей bestолкковый. Синедрион, конечно, навел справки об иерусалимском прошлом Иисуса: синедрионисты в разговоре с Пилатом называют Христа обманщиком [Мф, 27: 63]. Короче, во взаимодействиях персоналий очевидна не тайно-служебная политическая подоплека по детективу Еськова, а древняя как мир уголовщина, стяжательство и коварство, которые проглядываются четче и вероятнее. Иуда к тому же смекнул, что дело уже пахнет кровью и пора спасаться, раствориться в родной иерусалимской стихии. Зная, что синедрион поощрял осведомителей-доносчиков, Иуда просто сбежать с деньгами опасался, не так он был глуп или силен духом. Тут и возник план сдачи Иисуса со товарищи в обеспечение лояльности синедриону, и восфигурировали тридцать сребреников, которые Иуде были не нужны. А убили его свои. Отобрав ящик, привязали к дереву и выпустили кишки, веревки были приняты очевидцами за петлю. Здесь уже можно интерполировать поведение двух-трех членов старой шайки иерусалимских обманщиков-шарлатанов или ошалевших от денег земляков, радостно встретивших Иуду с деревянным ящиком. Йо-хо-хо и бутылка рому на сундук мертвеца! Красивый жест возврата, метания тридцати сребреников синедриону, раскаяние Иуды за невинную кровь придумали евангелисты (не все), синедрион им эту сцену доверительно не сообщал. Скорее всего, бросает эти сребреники он из Ветхого завета: «И они отвесят в уплату Мне тридцать серебрянников. И сказал Мне Господь: брось их в церковное хранилище, – высокая цена в какую они оценили Меня! И взял я тридцать серебрянников и бросил их в дом Господень для горшечника» [Зах, 11: 12–13].

Кстати, смерти Иуды обрисовано достаточное количество. Версии самые разные. Например, св. Ефрем Сирийский пишет: «...и он пошел и повесился на веревке. А что „расселось чрево его“ (Деян. 1, 18), то это указывает на того, кто поддерживал Иуду, когда он надевал веревку. И как разорвалась веревка, так и он упал и переломился пополам. Иные говорят, что Иуда закрыл двери дома и запер их изнутри, и пока он подвергался гниению, и чрево его

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org расселось, никто не мог открыть двери дома, чтобы видеть находящееся внутри». Здесь наша версия находит отклик – предполагаются лица или лицо, споспешествующие повешению, могло оно споспешествовать и рассечению чрева; предполагается также некий дом, жилище Иудино в Иерусалиме, обнаруживающее иерусалимское происхождение Иуды или иерусалимский след. Однако из стихов 1: 16–19 деяний все же четче явствует, что Иуда денег в храм не кидал под ноги синедрионистам, а добавил, наверное, из ковчежца и купил на них землю и на этой земле «низринулся», может, даже и случайно, а «...когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его». Есть также историческая версия, что Иуда помер от болезни, схожей с брюшной водянкой. Папий со слов древнейшего христианского предания отмечает, что чрево Иуды страшно раздобрело, раздулось, предатель не мог пройти там, где проезжал воз. В таком разе он мог и упасть, и лопнуть. Ну и по-евангельски Иуда просто пошел и удавился.

Крепко работала фантазия человеческая над Иудиними мотивами. Лучшие умы в полете ума же, естественно, создали из мухи слона, нашли параллели и прототипов и на земле, и на небе, перевернули всю историю доступную и воображаемую, перебрали причины великие и низкие, нашли эпитеты мыслимые и немислимые. Таким «стихосложением» можно сопроводить двухтысячелетний научный и беллетристический промысел, богословское и атеистическое противостояние по данному вопросу.

Немало реалистичных исследователей все-таки приписывают преступление Иуды его алчности. А наиболее высоко оценил предательство Иуды Нильс Рунберг: «Аскет ради вящей славы Божией оскверняет и умерщвляет плоть; Иуда сделал то же со своим духом. Он отрекся от чести, от добра, от покоя, от царства небесного, как другие, менее героические, отрекаются от наслаждения[2]. С потрясающей ясностью он заранее продумал свои грехи. ...Иуда же избрал грехи, не просветленные ни единой добродетелью: злоупотребление доверием и донос. В его поступках было грандиозное смирение, он считал себя недостойным быть добрым». Слышал бы все это смиренный вор Иуда, для дела «заложивший» Иисуса!

Неисчислимы примеры нелепых, вымученных умозаключений по поводу величия двух простых рабов (оговорим талантливость и одаренность Иисуса), влипших в историю. Избранников Его Величества Случая (не забудем про стохастический напор). Еще пример высокого полета человеческой мысли: Эрфьорд в третьем приложении к «Христианской догматике» говорит, что мучения Бога на кресте не прекратились, ибо происшедшее однажды во времени непрерывно повторяется в вечности. Иуда и ныне продолжает получать сребреники; продолжает целовать Иисуса Христа; продолжает бросать сребреники в храме; продолжает завязывать веревочную петлю на залитом кровью поле.

Добавим из учения каинистов: «Иуда предал Его на смерть для освобождения и очищения Его Божественного Духа, а через него и всех крупиц этого Духа, разрозненных в материи и жаждущих возвращения к своему Божественному Первоисточнику». Чем не книжники евангельские?

Иисус – контра Иуды, заголовок этого раздела. Напишем иначе: Иуда – контра Христа. Обозначим тем самым силовое противостояние иудаизма против христианства, Иуды против Христа. «Все еще жив для Иудейства и разумен нелепый вопрос: „Кто кого предал, Иуда – Христа или Христос – Иуду?“» – сказал Мережковский. Оба знаковых представителя двух мировых религий были банально сведены убогой и насущной жизнью, но противопоставлены как антиподы. Возымела место некая сиюминутная победа иудаизма, успех Иуды. Но Иисус восстал – христианство возродилось. На долю Иуды выпал позор. Вся евангелистика и последовавшая затем многовековая человеческая комедия представляются каким-то фантастическим театром – христианство на марше. Но главные герои, человеки, погибли, один во имя старого, другой во имя нового, в одно время и в одном месте. Проглядывается, озаряется иногда дикий ернический смысл, усмешка случая, как некоего верховного кукловода, сведшего эту пару, чтобы здесь и сейчас провести наконец четкую границу между старым и новым. Красоте, значению и простоте соединения этой пары можно противопоставить разве что эффект теоретического объединения физиками-атомщиками сильного и слабого ядерных взаимодействий.

Обратим-таки внимание на еще одно, третье по нашему счету (несть им числа), фундаментальное догматическое противоречие. От Луки: «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати. И он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им» (22:3–4). Заметим, Иуда, чтобы предать, направлен Сатаной; церковь на этом настаивает. От Иоанна: «Пилат говорит Ему: ...я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя. Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (19:10–11). Пилату, чтобы казнить, указано свыше; церковь это не отрицает – не имеет права. И что же? Предательством, Сатаной поставлены, и казнь закреплены самые, что ни на

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org есть начала христианские. А поскольку предательство – дело рук Сатаны, то и христианство (о, Иисусе!) – сатанинское дело; много позади и всё еще, очень похоже, впереди. Такова закономерная, неумолимая логика. Однако решить эту невязку (мы догадываемся) нет ничего проще: Иуда направлен Богом через Сатану. Но тогда, выходит, Иуда не причем и его надо реабилитировать. Но оставим, здравомыслие – дело богопротивное.

В напряженном противостоянии держит Иисуса и Иуду Казандзакис по ходу своего романа. Но в последних главах Казандзакис как-то смешал непримиримую борьбу за свободу народа Израиля с борьбой за правила поклонения Богу Израиля же на фоне раздумий о смысле жизни там же, в Израиле. Не грех было бы вспомнить и боль Христову по поводу плачевного положения нищих евреев, и даже в каком-то смысле его ратования за их лучшую долю. Прикинем сюда же, что философия борьбы и бессмертия, а также смысла жизни у разных этносов, естественно, различна. Наверное, эти вопросы евреи и, допустим, эскимосы или самураи ставят и решают по-разному. Греку, похоже, сложнее разобраться в их существовании для евреев, чем этническому еврею на своей земле (хотя мы и допустили греческую кровь в жилы Иисуса). В общем, у Казандзакиса вышла страстная мешанина, правда, виртуальная. Иуда под конец чуть не зарезал Христа.

Мень считает, что личность Христа неисчерпаема. Скорее неисчерпаема фантазия человека – задай лишь тему, задень лишь воображение. Измышления на скудных текстах евангелий, обрисовавших исторический случай, рабочий момент истории, достигли феноменального, фантастического уровня и продолжают. Прослеживается принцип инициирования и развития информационного взрыва. Инициатор, детонатор по-армейски, все же должен был иметь и имел достаточную критическую массу, иначе взрыва не получилось бы.

Подытоживая, для размышления предлагаем фрагмент из нашумевшего апокрифического Евангелия Иуды. Евангелие признано подлинным коптским текстом и недавно расшифровано в Швейцарии. По утверждениям ряда исследователей, в нем содержатся сведения о сговоре Иисуса и Иуды, о велении Иисуса предать его для благой цели искупления (предположение, кстати, не новое). Приведем проблемный фрагмент полностью, в двух переводах: «Истинно Я говорю тебе, Иуда, что возносящие жертву Сакла, [своему (?)] богу [...] что [...] всякие злые дела. Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесешь в жертву» (перевод с коптского Д. Алексеева) и «Иисус сказал: Истинно говорю [тебе], это крещение [56] [...] имя мое [пропущено примерно девять строк] мне. Истинно говорю тебе, Иуда, приносящие жертву Сакласу [...] Бог [пропущены три строки] все, что есть зло. Но ты превзойдешь их всех. Ибо в жертву принесешь человека, в которого я облачен» (перев. с англ. В. Бойко). Очевидно, что в приведенном стихе Иисус не наставляет или уговаривает Иуду, а предсказывает его поведение, как предсказал он отречение Петра и поведение остальных учеников. Кроме того, Иисус слово «жертва» никогда не произносил в свой адрес. О жертве не было и намека в скоротечной ситуации казни. Это слово появилось по ходу развития культа, сотворения догматического его наполнения. Как раз Иреней, епископ Лионский, упомянувший Евангелие Иуды в 180 году, и трудился над догматикой в числе многих. Более прозрачен другой фрагмент Евангелия Иуды: «Роптали же их первосвященники, что Он (Иисус. – В. Е.) вошел в комнату Своей молитвы. Были же некие их книжников, наблюдавшие, чтобы схватить Его на молитве, ведь они боялись народа, ибо Он был для них всех как пророк. И они встретили Иуду, они сказали ему: что делаешь здесь ты?! Ты ученик Иисуса! Он же ответил согласно их желанию (курсив мой. – В. Е.). И Иуда взял деньги, он предал им Его» (перев. Д. Алексеева). Здесь почти очевидно, что Иуде был учинен допрос, и с пристрастием, после чего напуганный Иуда «сдал» Христа. Но все это нюансы перевода, провоцирующие толкования. Ясно одно, что и слово «жертва», и слово «предательство» выглядят в евангелии уже закрепившимися, почти жаргонными и ставят Евангелие Иуды в один ряд с другими, в разряде древнего евангелического жанра.

И теперь более внимательно. Участь Иисуса была решена синедрионом (точнее, Ананом): брать! Далее: судить и уничтожить. Не поленимся повторить одно из евангельских свидетельств: «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, – и придут Римляне, и овладеют и местом нашим и народом; Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» [Ин, 11: 48, 50]. Синедрион – мощная властная структура, контролирующая всё и вся в Иудее, и расправа была лишь делом времени. Антипа был в курсе, помощь римлян была беспроblemной. Машина тронулась с места. И здесь ясно, что Иуда был использован между прочим, как мелкое и необязательное «техническое звено». По данным тех же евангелий операция пошла успешно. Практически, Иуда, с его пресловутым поцелуем, в общей суматохе захвата был лишним и, конечно, выглядел нелепо, но старался. Иисус к схватке с синедрионом был

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org готов (неизбежной ко всему) и не скрывался за спинами. А Иуда, надумай он отказаться от наводки, тоже не ушел бы от синедриона, он это знал. Мораль, присущая нам, в те кровавые времена, как мы уже упоминали, была далеко на заднем плане и Иуду не отягощала. Возможно, он осознавал свою ничтожную роль в развитии событий. В порядке самооправдания, если бы оно и пришло ему в голову. Из сказанного выше вытекает, что все многотрудные мудрствования по поводу «вины» и «предательства» Иуды мудрствованиями и являются, далеко оторвавшись от реальности. Жертвуя краткостью, упомянем еще один источник. Так называемую «славянскую версию» Иудейской войны Иосифа Флавия. По первым исследованиям было высказано предположение, что славянский перевод сделан с утраченного арамейского оригинала. Однако позднее это предположение было обоснованно опровергнуто (собственно, – оформлена очевидность, напр. Н. А. Мещерский). Здесь приведем интересный фрагмент, где славянский редактор по своему усмотрению полностью заменил предательство Иуды предательством Понтия Пилата: «Испытав Его и поняв, что [Он] делал добро, а не зло, и не был ни мятежником, ни желателем царской власти, Пилат отпустил Его. Ибо [Он и] жену его умирающую исцелил. и [Он] пошел на обычные места, и делал обычные дела. И еще больше людей собралось вокруг Него, и славился своими свершениями больше всех. Завистью уязвились от Него законники. И дали тридцать талантов Пилату, чтобы убил Его. И тот взял и дал им волю самим свое желание исполнить. И с того времени искали, как Его убить. И, как сказано прежде, дали Пилату тридцать талантов, чтобы выдал им Иисуса. Они же распяли Его вопреки отеческому закону и весьма глумились над Ним». Вину Пилата редактор заретушировал (мотив, идущий от Ин, 11: 48). Не смотря на явную нереальность передачи событий, появились сентенции, базирующиеся на этом эпизоде «славянской версии» (напр. Кирилл Коликов: «Кто убил Христа?»).

Крест

Прот. А. Мень проделал огромную работу, сгладив противоречия в евангелиях и связно выстроив по евангельским текстам весь жизненный путь Иисуса Христа. Структура текстов при этом принята менем без возражений и сомнений в их исторической достоверности, с христианской прямолинейностью. Авторитет Нового завета соблюден до буквы. Как и у Мережковского, но проще, доступнее. Стиль повествования мягко-нравоучительный, собственно и цель книги – разъяснить достаточно грамотному современнику, решившему обратиться к Христу, пример его жизни, суть его учения и жизненного подвига. Цель достигнута безусловно. Мень нанес, наверное, последний удар по атеистической эквилибристике в историографии Христа по поводу подлинности его существования (увы, не угодил Мень православным иерархам своими прогрессивными взглядами на общую картину мироздания). Дополнительно представлен высокопрофессиональный критический обзор претензий к текстам евангелий нехристианских исследователей для более подготовленных читателей. Здесь, конечно, возможны инакомнения, разноубежденность.

Парадоксальна тысячелетняя символика христианской церкви. Мень пишет о кресте: «Отныне это орудие казни станет символом Искупления, символом жертвенной любви Бога к падшему человечеству». Чего это оно, человечество, падшее, собственно? Человек прогрессировал тысячелетия и прогрессирует. Мы обоснованно называем нравы и народы времен Христа жестокими, Иисус же считал свое время благонравным, но жестокосердным более древний народ иудейский [Мф, 5: 31–32; 19: 3–8]. Уже здесь очевидна поступь прогресса человека, снижение жестокости и возрастание милосердия. Нет смысла перечислять пути и достижения прогресса, и не будем бряцать диалектическими терминами. Даже лик церкви спрессирировал, изменился в последнее столетие. Так что все христианские объяснения этого символа являют хорошую мину при плохой игре. Что ей ни пой, дыба – она и в Иудее дыба, и в России – страшный символ бесчеловечности, даже нечеловечности, уродливое достижение душегубов-садистов всех времен и народов. Хорош символ любви, даже сочетать эти слова страшно, морозит душу. И действительно, особенно во времена крестовых походов, этот символ сеял и наводил панику и ужас и на своих, и на чужих. Косидовский упоминает, что даже крестное знамение не сразу прижилось, с отвращением люди осеняли себя крестом, да оно и понятно: человеку тех времен поклоняться страшному орудию смерти было все равно, что человеку современному поклоняться гильотине или электрическому стулу (на

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org миг представим эти предметы на куполах церквей). Кстати, Писание никак не регламентирует эту культовую жестикоуляцию. И даже напротив, христиане этим жестом как бы имитируют сораспятие, подобаясь Христу, в то время как апостол Петр, именно во избежание кощунства подобия, повелел своим казнителям распять его вниз головой. Веками позже очень символичным стал крест на спине осужденного инквизицией. Несменная нашивка в виде холщевого шафранного цвета креста на верхнюю одежду провинившегося, но уцелевшего еретика (в таковые легко попадали и невинные люди) являлась его пожизненной укоризной. Носитель этого символа был вынужден смиренно терпеть постоянные издевки обывателей, наказание было достаточно изощренным.

Можно печально подытожить, что церковь на все сто процентов оправдала свой дикий символ в столетия крестовых походов и разгула инквизиции. Никакая другая религия так не отличилась. Сравнимо разве что с политическими режимами, которые и поныне запрещают в своих владениях мировую литературу, достижения мировой культуры. Объяснения неудачного символа представляют собой, как и вся догматика, набор высоких слов при полном несоответствии их с объектом. Показательный пример тысячелетней бессмыслицы («честный крест», «животворящий крест», «царей держава» и т. п.). Крест как символ, по материалам многочисленных исследований, отмечается в исторической религиозной практике многих живых и исчезнувших этносов, но вне связи с насилием. Похоже, привлекала лаконичность формы. В христианском же применении мы видим совсем противоположное – крест нелепо усложняется. Особенно в православии (православной ставрографией поименовано 36 форм креста). Каждому концу креста измышлено некое теологическое значение. Присвоен глубоко научный религиозный смысл каждой дополнительной перекладине его, излучине, а их бытует более трех десятков. Можно измыслить еще целую систему размеров, пропорций и символического их значения. Человек устремленный горазд. За всеми этими «архитектурными излишествами» уже и трудно уловить суть конструкции. Но на каждое мудрствование достаточно простоты: суть невзрачна и пугающе откровенна – дыба. Уж не лучше ли вернуться к изначальной древнейшей сути креста? Уловил же человек первозданный (даже язычником его не назовешь) его лаконическую красоту. Конечно, это было одним из озарений homo sapiens – момент положения одной линии поперек другой. Проблеск мысли. Несколько в иной задумчивости чертил линии на земле Иисус при суде прелюбодеицы. Много позже Ильф и Петров под этот мыслительный графический процесс приспособили Паниковского. Прямо эстафета. Однако всерьез очевиден воплощенный в этом символе некий момент истины, идеал. В этом идеале можно увидеть и гениальную мысль, и простоту совершенства, и созидательное человеческое начало.

Наверное, можно было подыскать иной символ к этическим нормам христианства тому же современнику Меню или хотя бы наполнить его иным, более подходящим смыслом: пытался же Иисус подправить тысячелетние нормы Моисеева Закона! К тому же объединение церквей не за горами: каких-нибудь два-три века (для религии – пустяк) – и понадобится символ объединенной веры. Иудаизм и христианство уже двинулись друг к другу. Сейчас только клички – великие дизайнеры предложат многие и многие варианты символа. А то и вообще пора учинить символ силы и возвышенности Человеческого Духа, как предел устремлений человека, веры в себя. Раз уж надо именно веровать. Вера в себя – наилучшая из религий, подтверждают продвинутые люди. И здесь мы не отрываемся от Писания: именно веру в себя настойчиво внушал Иисус своим ученикам-апостолам (выше об этом говорилось). А распятие пусть останется знаком древнего мракобесия официальной Иудеи, хоть и составившим счастье новой веры.

Пост-таки скриптом: велики, однако, опасения, что мы навеки останемся при этом красном словце.

Жертва

Значение вольной или невольной смерти Иисуса для судеб человечества прекрасно раскрыл Ренан. Без религиознообразного богословского камлания, светским возвышенным словом и слогом вольный или невольный подвиг Христа представлен читателю исчерпывающе. Заключительный раздел исследования Ренана – глава «Существенные черты дела Иисуса» – являет собой вдохновенный гимн Иисусу Христу. Раздел включает более 3000 слов, и слово «жертва» не используется ни разу. Тем не менее смысл дела всей жизни Иисуса

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org раскрывается полностью. «Беззаветно преданный своей идее, он сумел все подчинить ей до такой степени, что вселенная не существовала для него. Этими усилиями героической воли он и завоевал небо», – ясно и мощно пишет о Христе Ренан. Никакой схоластики. И еще более конкретно: «...для тех, кто работает для будущего, смерть является желанной». Вполне можно и это представить, хотя и трудно приступать с европейской логикой к палестинским событиям и к поведению палестинских исторических героев. Фанатизм в тех краях даже сегодня, спустя два тысячелетия, силен.

Заметим, что, останься Иисус жив, христианство все равно пробило бы в жизнь, но, наверное, в ином виде.

Очень реалистично, правдоподобно описал смертоубийство Иисуса о. Мень. Он без прикрас предположил обычные мучения живого человека на кресте, агонию конца без каких-либо чудес. Никто Христу не помог ни словом, ни делом. Ни ангелы, ни Бог-Отец, к которому он воззвал перед кончиной, ни люди. Тоскливо быть покинуту всеми в такие часы. Но в моральном плане тех времен ничего иного ожидать от ближних и не следовало, (с позиций светской современности ученики стали предателями, иудами). Далее, описывая душевное состояние разбежавшихся учеников, Мень также реалистичен: «Это было крушение окончательное, непоправимое. Рухнули надежды и ослепительные мечты. Никогда еще люди не испытывали более тяжкого разочарования». Обычная по тем временам смерть, совсем не выглядевшая как жертва или жертвоприношение. Точнее, обычный разгон смуты по-римски, устранение потенциального зачинщика. И естественное, подавленное состояние близких людей. Никто в тот момент, сияя лицом, вдохновенно не вскричал: «Иисус пожертвовал собой! Мы свободны от грехов!» никому это не пришло в голову: ни друзьям, ни врагам, ни равнодушной, даже злорадной городской толпе. А ведь жертва видна сразу. Именно по свежим впечатлениям. Тому немало исторических примеров. С годами эти впечатления могли лишь сглаживаться, бледнеть. А в нашем случае все произошло ровно наоборот. Грубое, унижительное убийство Иисуса усилиями заинтересованных людей со временем было осмыслено, представлено как спланированная жертва. И с годами, по ходу успеха, распались религиозные чувства и религиозные мотивировки, переиначивалась насильственная смерть, преображалась в искупительную жертву. Очень много придумано в этом плане. В послании Павла к галатам формула жертвы такова: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (3: 13). Многое можно вообразить, отыскивая смысл уже в этом изречении. Или в первом послании Петра: «Он грехи наши сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (2: 24). Очень поэтично написано. Проще и конкретнее у Иоанна в первом его послании: «...кровь Иисуса Христа, Сына Его [Бога-отца], очищает нас от всякого греха» (1: 7). Слишком легковесно такое очищение совести за чужой счет. Иисус представлен как некая дармовая индульгенция, квота на грех. Говоря проще – разрешение на преступления перед совестью и людьми. Обман, предательство – все возможно. Грех списан, дорога в Царство небесное обеспечена искуплением Христовым – таков прямой смысл вышеприведенных сентенций. Так же в послании Павла к римлянам: «...получая оправдание даром, по благодати Его [Бога], искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса» (3: 24). Путано, на манер шаманского бормотанья, но, главное, – это утверждение, что Бог-отец предложил в жертву своего сына. Кому? Себе? Людям? Людям-евреям или людям-римлянам? Во всех случаях несуразица. И это всего лишь истоки, новозаветные истоки тех причудливых словесных рек, которые потекли, пополняясь, через века.

Идея развита, раскручена демагогично и мощно в некотором отстранении от здравого смысла. Что есть жертва? И в религиях, и в светской, мирской логике состоялось очень четкое понятие жертвы, жертвоприношения. Это религиозный обряд умилостивительного, благодарственного, благотворительного или (и) искупительного характера. Понятие жертвы четкое, но обширное. Это и человеческая жизнь, и части человеческого тела, и заклание животных, и приношения продуктов земледелия, и девственность, и деньги, и т. д. Все, что мыслится, связывается с жертвой, можно разобрать по порядку.

Итак, первое. Жертва приносится всегда адресно. Непосредственно избранному богу, божеству, духу и т. д. Или во имя каких-то начинаний, идей, того же счастья человечества.

Второе. Жертва целенаправленна. Оговаривается, обозначается причина подношения, излагаются просьбы, мольбы, ожидания благ или искупления моральных просчетов – грехов. Отметим, что если божество надежд не оправдало, в частном случае его могли и отстегать те же просители.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Конкретно у иудеев существовали жертвы очистительные, искупительные, жертвы
всесожжения, сиропитательные и благодарственные.

Третье. Жертва приносится одним или несколькими лицами – жрецами или
коллективно, семьей, племенем, народом.

Четвертое. Жертва приносится преимущественно в специальный, определенный
день или время. Как правило, это праздник избранного божества; иногда
избирается для жертвы конкретная ситуация, состояние души.

Яркий пример жертвоприношения прописан в Ветхом завете, это легенда из
жизни патриарха Авраама. Во испытание веры Авраама бог Яхве требует от него
исключительной жертвы – всесожжения собственного сына Исаака (в принципе,
конечно, нонсенс, чтобы не сказать конфуз, поскольку человеческие жертвы
иудаизм не признает и горделиво в них не сознается). Авраам беспрекословно
подчиняется. В последнее мгновение, когда Авраам заносит нож над сыном,
ангел, посланный Яхве, останавливает жертвоприношение. Яхве вознаграждает
Авраама за веру благословениями. Здесь все четко взаимосвязано – и
жертвоприноситель, и жертвополучатель, и жертва, и мотивировка, и
вознаграждение.

Жертвенную ситуацию с Иисусом можно проанализировать по тем же
вышеприведенным пунктам. Если Христос – это жертвенный агнец, как любят
выражаться богословы-златоусты, то кто кому принес его в жертву? Допустим,
жертвующая сторона – люди, люди. Отловив Христа, люди принесли его в
жертву. Кому? Его же отцу – Богу? С наглыми просьбами отпустить им за это
все их грехи прямо с первородного? Бред (помимо того, что человеческие
жертвы запрещены иудейской верой, как уже сказано). А если не Богу, то
кому? Кто еще может отпустить грехи в таком количестве? А ведь считают и
пишут – отпустил. Теперь напротив. По мудреватым богословским утверждениям
(изначальные приведены выше), Бог-отец принес сына, предвечного Иисуса, в
жертву. Сразу нелепо, чтобы Бог сам что-то кому-то жертвовал, тем паче сына
своего, в силу предвечности вообще не подпадающего ни под какие определения
жертвы. И тем более грозный Саваоф, из-под юрисдикции которого Иисус не
выходил. И кому? Людям? И для чего? Отдал сына людям, а после того, как они
его растерзали, милостиво отпустил им все их грехи и даже впрок, это
Саваоф-то! Не удержимся здесь, напомним о его характере: во время оно
Саваоф, вознегодовав, потопил все человечество, кроме семьи Ноя; испепелил
два города людей – Содом и Гоморру; истребил 14 700 евреев, возроптавших
против Моисея в пустыне; убил 50 070 горожан Вефсамиса, неосторожно
заглянувших в его, Господа, ковчег. Более чем убедительные контрафакты. И
вообще, как это – не люди жертвуют Богу, а Бог людям, все навыворот,
съязвил бы нормальный атеист. Так может, Иисус сам пожертвовал себя? Кому
же? Богу-отцу? Нелепость, и тем не менее: «кровь Христа, который Духом
Святым принес Себя непорочного Богу, очистив совесть нашу от мертвых дел,
для служения Богу живому и истинному» [к евреям, 9: 15]. Здесь явствует,
что Сын принёс себя в жертву Отцу в противовес приведенному выше посланию к
римлянам (3: 24). Ныне в этом направлении следуют рассуждения, по сложности
ничуть не слабее анализов теоретической физики (человек думающий – он и в
религии на высоте). В частности: какую природу принял Христос? «Обожение
носило во Христе динамичный и синергийный характер. В момент зачатия
никакого содействия со стороны человеческой природы еще не было – Христу
требовалось возрасти по человечеству, пройти все искушения, чтобы тот дар
обожения, который был Ему изначально присущ по ипостаси, был внутренне
усвоен по человеческой природе» (из православной полемики) или: «Конечно,
естественные наши страсти были во Христе и сообразно естеству, и превыше
естества. Ибо сообразно с естеством они возбуждались в Нем, когда Он
попускал плоти терпеть свойственное ей, а превыше естества потому, что
естественное во Христе не предваряло Его хотения. В самом деле, в Нем
ничего не усматривается вынужденного, но все – добровольное. Ибо по
собственной воле Он алкал, по собственной воле жаждал, добровольно боялся,
добровольно умер» (Преп. Иоанн Дамаскин) и проч., и проч. Люди, сойдясь на
форуме, или собором, или келейно решают каким быть Иисусу, Богу (делимым
или неделимым, телесным или нетелесным, принявшим или не принявшим Адамов
грех и т. д.) но: «Делаемые руками человеческими, не суть боги» [Деян., 19:
26]. Это называется создавать себе кумира по своему хотению. Не лучше
дикаря, выстругивающего божка на свой вкус – одноглазым, двух или трех и
далее торжественно его демонстрирующего (ничуть не следует, что эта
реальная аналогия не может быть легко опровергнута человеком верующим в
изошренности его ума, настроенного на абсолют). Для полноты картины
людского самоуправства в определении божьих подобий и проявлений приведем
высказывание митрополита Макария: «Вся тайна нашего Искупления смертью
Иисуса Христа состоит в том, что Он взамен нас уплатил своею кровию долг
Правде Божией за наши грехи». Удержу в самовольстве нет, всяк мыслитель при
сане или узкий специалист-теолог считает себя вправе накинуть на смерть

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Иисуса собственное и всеобщее искупление и спасение.

Так может Иисус принес себя в жертву ожесточившимся людям? Умозаключение Григория Богослова (на грани фола): «что жертва была принесена не лукавому, ибо как это было бы оскорбительно, не Отцу у Которого мы не были в плену и Который любит нас не меньше, чем и Сын, а человеку нужно было освятиться, человечеством Бога». Значит все-таки людям (отбросим лукавого)? Однако жертвуя собой или себя, нормальный, праведный человек не вовлекает в это дело посторонних, иначе это уже не жертва, а убийство (да и самоубийство запрещено той же иудейской верой). Процессуально формула Иисусовой саможертвы выглядит так: «Вот я; убив меня, вы очиститесь перед моим Богом-отцом от грехов ваших. Давайте, действуйте, я-то все равно воскресну». Ни в какие ворота такая жертва не лезет, да и грех ждать очищения людям, сотворившим такое. Во всех рассмотренных случаях теряется понятие и жертвы, и искупления.

Здравый смысл брезжит лишь в одном случае. Вспомним, что сказали первосвященники, прослышав о делах Христовых, о его успехах: «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, – и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом». И далее продолжил Каиафа: «...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» [Ин, 11: 48; 50]. Уловив в действиях Иисуса потенциальную смуту, первосвященники попросту пожертвовали им во имя своей спокойной жизни и спокойной жизни иерусалимцев на некоторый период истории. Это жертва. Римлянам. И цель – не отпущение грехов всему человечеству, а конкретная, сравнительно оправданная. Поразмыслив, иерархи выдали Христа римлянам на уничтожение. Но сделали эти деды, как ни странно, дело, которое трудно переоценить. И, сделав это дело, все причастные люди не искупилась, а, наоборот, погрязли в грехе убийства, чем бы оно ни обернулось. Здесь напрашивается честное историческое отступление. Увы, существует аналогия этому действию и в истории православного государства Российского. В 1346 году государь литовский Ольгерд вторгся войском в Россию, свирепствовал в ее пределах и приступил к новгородцам: «Ваш посадник Евстафий осмелился всенародно назвать меня псом: обида столь наглая требует мести; иду на вас». А дело таки было, и далее русский историк Карамзин Н. М. в своей «Истории государства Российского», следуя летописи, сообщает, что Евстафий, как водится, «имел врагов между согражданами, утверждавших, что безрассудно лить кровь многих за нескромность одного чиновника; что лучше принести его в жертву отечеству и тем удовольствовать раздраженного Ольгерда. Другие, уже будучи в походе, согласились с ними и, возвратясь с пути, умертвили Евстафия на вече. Сие дело, противное народной чести, противное всем законам, есть одно из постыднейших в истории новгородской, буде летописцы не скрыли некоторых обстоятельств, уменьшающих его гнусность».

И это, пожалуй, все по жертвенной ситуации, прочее – догматический вымысел, монументальный и несуразный. Можно лишь еще предположить, что Иисус фанатично пожертвовал собой во имя нарождавшейся веры, не отрекся, не поступился принципами, прикидывая, что его смерть даст мощный импульс в жизнь вере, которую он проповедовал. Но, судя по евангельским текстам (точнее – по подтекстам), жертва была скорее невольная, Иисус ни сном ни духом не мыслил стать основателем мировой религии и помирать не собирался, точнее, надеялся уцелеть.

В догматике жертвоприношения Христова звучит некая несолидная двусмысленность. Жертва, «омыв кровью грехи человеческие», далее, благополучно воскреснув, ест печеную рыбу и беседует с учениками. И еще далее с триумфом возносится на небо, цела и невредима. Да еще грозит вторым пришествием и судом. Что-то одно надо было утверждать богословам – либо представлять Иисуса как жертву искупления всех грехов человеческих окончательно и бесповоротно (добавим все-таки: и самовольно), либо воскрешать невинно убиенного человека, отправлять его на небеса и представлять как судью грядущего Царства небесного, воздающего по грехам и по праведности (а заодно – и за то, что распяли). А то получилась мешанина, компрометирующая Христа по всем статьям. Похоже, поэтому Ренан, чрезвычайно уважительно относившийся к Иисусу, и избегал подобных догматических откровений в своем повествовании. Очень жесткую параллель проводит Мережковский: «Страшная за эту голову [Иоанна Крестителя] плата – конец Израиля; страшнейшая за ту [Иисуса], – конец света». Плата мира, а не дар ему отпущения грехов, кара миру, а не прощение, – таков более реалистичный вывод исследователя. Под концом света, мира, Мережковский имел в виду всеразрушительную войну, предугадывая и предугадав вторую мировую войну (напомним, что цитируемое исследование Мережковский издал в 1932 году).

Затрагивает тему жертвенности и наш современник диакон Андрей Кураев, профессор богословия. В сложном теологическом рассуждении есть мир Бог или мир не есть Бог, о. Андрей исходит из стиха Иоанна (3: 16): «...так возлюбил

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (курсив мой. – В. Е.), здесь сразу заметим, что точнее – единосущного, иначе слишком по-земному получается. Далее о. Андрей продолжает: «Мир дорог для Бога до такой степени, что Он Сам жертвует Собой ради спасения мира от распада» (курсив мой. – В. Е.). О. Андрей, цитируя Иоанна, инвертирует жертву: «Сам жертвует Собой». Надо понимать, что Бог-сын (или отец?) жертвует собой (у Иоанна Бог-отец жертвует Сыном). Естественно, диакон накоротке считает, что все едино, отец ли сын, в силу единосущности (догматическая Двоица). Экстраполируя эту логику дальше, поставим вопрос: а не жертвовал ли себя (читай – Иисуса) Бог-дух? в силу нерушимого триединства? А там еще и Сатана, подговоривший Иуду [Лк, 22: 3–4], проглядывается как организатор жертвоприношения, процессуальный жертвоприноситель. Вряд ли есть достойный выход из этого вдохновенного логического лабиринта. В довершение канонического абсурда искупительную жертву на кресте «обнулил» преподобный Иоанн Дамаскин утверждая, что Иисус сумел еще при своем крещении в реке Иордан «водами погребсти человеческий грех».

Сопоставим вышеприведенные (далеко не ходя) два очень солидных текста:

- «Мир дорог для Бога до такой степени, что Он Сам жертвует Собой ради спасения мира от распада» [д. Кураев];
- «кровь Христа, который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистив совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» [к евреям, 9: 15].

Здесь, как и во множестве аналогичных канонических и богословских текстов, совершенно очевидно, что сам Бог жертвует себя себе самому. В таком случае, символом христианства должна быть змея, поедающая самое себя, то есть кольцо, а не крест (см. раздел выше).

Не менее обескураживающее заявление сделал Ап. Павел в его Первом послании к коринфянам:

7. «...но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей,

8. которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы.

9. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

То ли Павел заговорился, то ли те, кто сделал текст под его именем, но жертва здесь никак не проглядывается. Более того, Павел пеняет властям, не внявшим Богу и казнившим Христа. И что было бы с христианством? с искуплением и проч.? «если бы познали»?

И еще о жертвоприношениях. Вполне исторической, упоминаемой является личность отчаянного проповедника Перегрин. Бродячий философ-одиночка, Перегрин примыкал к разным религиозным сектам и в конце концов сошелся с христианами. По описанию греческого писателя II века Лукиана, Перегрин стал влиятельной фигурой в христианстве, приложил также руку и к христианским текстам того времени. Деятельность его выглядит суматошной: сидел в тюрьме за христианские взгляды, выступал с нападками на самого императора, пытался затеять восстание в Греции и, наконец, впал в глубокий конфликт с христианами. Школы, общины своей он не создал, как Иисус, а может, прошло то время; сановничество, видимо, ему претило, вторых ролей он тем более не терпел. И, горячая голова, Перегрин, чтобы навечно (как он полагал) остаться на гребне популярности, публично подверг себя самосожжению. На миру и смерть красна. Очень это интересное поведение, но, главное, здесь все же просматривается самопожертвование, жертва жизни во славу человеческого духа. Угадывается также демонстрация превосходства над серостью толпы, его не понявшей и ему надоевшей. Мы, умные, сказали бы: ложный героизм. Но – героизм и жертва во имя героизма. И след в истории все же остался. Да и последователи последовали (правда, несколько иного толка) – столпники, схимники и прочие уничтожители плоти во торжество духа.

Отец, Сын, Дух

Возьмем в руки Библию. В Библии Бог (Адонай, Иегова, Яхве, Саваоф – как хотите) говорит через пророка: «Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов...» [Вт., 10: 17]; «Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой,

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Бог ревнитель...» [Исх., 20: 5]. Что мы видим? В первой цитате Бог фактически сообщает о многобожии на небесах, о множестве именно богов, а не двойников, лжебогов и т. п. Наш Бог лишь стремится выделиться, возвыситься над ними: «Я – Бог богов!». Далее Бог, признавая наличие других богов, ревниво требует поклонения себе, а не им: «не поклоняйтесь, Я ревную, накажу!». И как теперь, при аутентично объявленном многобожии, понимать сотворение мира, его библейский вариант? Похоже, оно проходило при множестве советчиков. К тому же другие боги тоже были потенциальными творцами, иначе они не были бы богами. Кто из них творец, а кто самозванец? Если все творцы, то существование параллельных миров следует считать доказанным? Нет, конечно, ирония здесь не уместна – далее следует жесткая инверсия: «Видите ныне, что это Я – и нет Бога, кроме Меня» [Вт., 32: 39]; «Я первый, и Я последний и кроме Меня нет Бога» [Ис. 44: 6]. Всё поставлено на свои места. Но всё ли? Где Сын, предвечный Иисус? Где трансцендентальный Святой Дух? Вряд ли возможна логическая развязка этих противоречий.

Вернемся к завету Новому. Слава Богу – Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Эта формула произносится верующими автоматически, без мыслей о конкретике и без связи с конкретикой. Три ипостаси единого Бога – Троица – были канонизированы в 381 году, на церковном соборе в Константинополе. Пояснений не последовало, догма пояснений не предполагает; лишь отмечено, что это объединение пониманию невозможно и не подлежит (основа познания в религии – вера). Во времена просвещенные конечно же последовала скептика, символ Троицы назывался и бессмысленным, и абсурдным. Лев Толстой, к примеру, писал, что он отвергает «непонятную Троицу». Другие монотеистические мировые религии с составным главным божеством, индуизм например, охотно называют имена богов, вошедших в святой триумvirат – тримурти: Брахма, Вишну и Шива – в общем равные между собой, самостоятельные божества. Распределены и сферы влияния между ними. Кстати, Вишну также имел земную (смертную) форму-аватару – Кришна. Есть и вполне серьезные попытки провести лингвистическую связь имен Иисус и Кришна (помимо довольно тесной аналогии их рождения, детства, вплоть до избияния младенцев). Еще проще монотеизм в исламе – Аллах и пророк его Магомет, и выше Аллаха нет никого. Здесь уже во власти Аллаха все и вся. Ремарка: молодая, перспективная религия обошлась без путаницы. Магомет так и остался человеком-пророком, а Бог стал единым Аллахом, непонятный Святой Дух упразднен. То есть ислам взял все самое ясное из двух религий. Но увы, только жесткую, безграничную веру, без любви, проповедовавшейся Иисусом (отсюда, видимо, сегодняшние неприятности).

Христианство не определилось до сих пор в конкретике Троицы, хотя в последнее время в богословии все больше внимания уделяется вопросам соотношения веры и познания. Если все же приступить с обычной логикой к этой многовековой догме, что видится в первую очередь? Был ли ранее, не был ли, но стал с некоторых пор Иисус Христос вторым небожителем. Первого – Отца небесного Иисусова – христиане с неба не низвергали. Так же очевидны и непререкаемы семейные отношения между Отцом и Сыном. Сын до конца дней своих земных носил в сердце имя Отца – Яхве, это общеизвестно. «Я открыл имя Твое человеку» [Ин, 17: 6], – говорил он, завещая ученикам, первым христианам, богоговорочное служение Яхве. По семейному же старшинству Яхве руководил сыном Иисусом, отсылая его к людям и забирая обратно до поры. То есть в Троице все же старшинство, старший Бог наличествует, это Яхве безусловно. Далее – Дух Святой, философское понятие (оно же богословское), означающее невещественное начало в Троице. И здесь уже можно предполагать что угодно, в силу богословской фантазии. И в силу фантазии простого верующего. Но напомним для начала, что в арамейских текстах дух – ruah – женского рода и воспринимается как мать, так что в Троице по первоначальному легко проглядывалось Святое семейство – Отец, Мать и Сын. «Мать моя – Дух Святой», – очень конкретно говорит Иисус в Евангелии евреев. Добавим из насквозь теоретического Евангелия от Филиппа: «Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда (бывало, чтобы) женщина зачала от женщины?» (17). При переводе на греческий язык, где слово «дух» среднего рода, уже потребовались богословские транскрипции, а уж в переводе на церковно-славянский тем паче. Известны в богословии усилия прп. Иоанна Дамаскина как-то объяснить суть Духа. Преподобный положился на свой разум и потому дал чисто антропоцентрическое понятие: «О Духе Святом; доказательство из разума. Для слова должно быть и дыхание; ибо и наше слово не без дыхания; было бы нечестием думать, что в Боге Дух есть нечто отвне привходящее... Дух Божий сопутствует Слову [его]... ни Отец никогда не был без Слова, ни Слово без Духа. ... Святой Дух, происходящий из Отца ... по образу исхождения».

Итак, изначально на небесах обозначились Отец, Мать и Сын. Скажем прямо

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org – первый шаг к многобожию. Языческому, мягко выражаясь, предосудительному многобожию. Но перейдем к современным толкованиям и остановимся на самом сложном: Дух – это первоначало мира. С естествознанием, конечно, никак не вяжется. Можно постичь как нечто равное по степени влияния самому Яхве, который Вселенную все-таки создал и мир тварный и произрастающий, в том числе «человеков» да и Иисуса произвел. Выходит, поскольку Дух нематериален, старшим является Яхве, Бог живой, который создал человека по подобию своему и, следовательно, вполне представляем нашим воображением. Микеланджело нам в этом представлении помог. Собственно, Божье изображение все же существенно просочилось в живопись средних веков, несмотря на запрет. Однако материален ли Святой Дух или нет, но это все-таки третье божество из разряда старших (Григорий Богослов прямо называет Святой Дух Богом). И что-то надо делать с обрисовавшимся многобожием. Поэтому догматики, трудясь отчаянно над проблемой, неисповедимым способом объединили их в одно божество – Троицу. Насколько этот способ неисповедим, настолько и бесцеремонен: по сути, белое объявлено черным, и пререкания по данному поводу были просто запрещены. Концепция ориентирована на экстаз, а не на логическое мышление. Иисус на каноническом соборе в одночасье обратился в некую невзрачную ипостась, хотя четкое разделение и заметная ранжировка понятий высказаны им самим: «Тот, кто высказал хулу на Отца, ему простится, и тот, кто высказал хулу на Сына, – ему простится. Но тот, кто высказал хулу на Духа святого, – ему не простится ни на земле, ни на небе» [Ев. фомы, 49]. Для полноты характеристики Святого Духа, запутавшегося между Отцом, Сыном и Матерью напомним, что именно он явился причиной разделения церквей на западную, принявшую т. н. филиокве (предположение, что Дух исходит и от Отца и от Сына) как догмат, и восточную, ныне согласную лишь на статус т. н. теологумена применительно к этому постулату.

Теперь приблизимся к реалиям. В настоящее время, к началу XXI века, на планете насчитывают около пяти миллиардов народонаселения. В течение XX века наши предки в полном количественном и качественном составе отошли в мир иной. За предыдущие 19 веков (затронем только нашу эру, Христову пору) народу (душ человеческих) там скопилось невообразимо больше. Весь этот многомиллиардный контингент частью бедствует в девяти кругах ада, частью процветает на семи ярусах неба. Хорошо представлял весь иной мир Данте Алигьери и донес до нашего сведения, описав в своей «Божественной комедии». Отлично поработал в этом библейском направлении и такой же великий Иероним Босх. Неповторимое впечатление производят его художественные панно на темы рая и ада. Так что и верующие, и атеисты, и иноверцы (тем паче проклятые язычники) могут легко просмотреть вперед свое будущее по этим пособиям. Но речь к тому, что этот огромный параллельный мир обслуживают, не иначе, миллионные сонмы ангелов в Царстве небесном и миллионный же штат прислужников Сатаны в аду. Ангелов, среди них и серафимы, и херувимы, и архангелы (эти имеют даже имена), придется представлять как полубогов или младших небожителей. Полное их штатное расписание составлено Дионисием Ареопагитом. Да и многотысячный строй канонизированных святых следует чтить как полубогов. Многие из них – угодники, чудотворцы и победоносцы (не будем перечислять имена) – прямо и непосредственно курируют те или иные сферы нашего временного прозябания. Кто бережет от болезни, кто помогает в полевых работах, кто подстраховывает в военно-оборонительной мороке (также и в наступательной). И теперь вопрос: как же и чем же христиане отличаются от противных язычников в этом политеическом плане? Равно как и иудеи, не будем затрагивать мусульман. К тому же, спустя несколько веков, церковь принесет на алтарь веры несчетное количество человеческих жертв.

Но вдумаемся попутно, – полный абсурд заключен в самой концепции Царства небесного и ада. По идее они должны в настоящее время пустовать, поскольку заселение намечено лишь на конец света после Страшного суда (которые, к счастью, пока откладываются). Так благовестил Иисус. Надо думать, и геенна вхолостую чадит, и ангелы скучают в ожидании. Наверное, лишь канонизированные святые без суда и следствия прибыли в рай. В аду же вопят лишь десятки тысяч отлученных. Из наших – вся советская власть там, скопом отправленная Патриархом Тихоном еще в 1918 году. Несметному числу отлученных католическая церковь самолично устроила и суд, и ад еще на земле, руками инквизиторов.

Так вот, может быть, кто-то и спасовал бы перед этой обозначенной выше хронологической невязкой, только не церковные догматики. Найдено простое до гениальности решение: души умерших после вознесения Христова, т. е. давно уже, двадцать веков подряд, проходят процедуру частного Страшного суда. И по личному приговору Иисуса направляются по делам ихним в соответствующие пределы того света. Если представить евангельского Христа за этой каждодневной, из века в век, сумасшедшей работой (народ-то мрет ежесекундно), то ему можно посочувствовать. В реальном плане

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org многомиллиардно-непомерный труд, и здесь догматикам след выдумать что-либо сверхъестественное, сверхскоростное, но это просто.

Вернемся к теории. В конце нашего света предусмотрен-таки всеобщий Страшный суд, для многомиллиардных масс душ повторный. Такую коррективу в новозаветную Христову эсхатологию внес русский монах Митрофан, непререкаемый церковный авторитет. Митрофан довольно детально прописал все процедурные вопросы частного и Страшного судов и расселения душ, оставим их в тексте оригинала – «книге мертвых». Кстати, что бы пришлось сочинять Митрофану по поводу мытарств двух сотен душ святых, которых скаредный папа Павел VI лишил святости росчерком пера, т. е. просто вычеркнул из ревизского списка святых? В том числе и авторитетного по всей Европе и любимого в России Николу-угодника. В раю они, положим, остались, но как им, опозоренным полубогам, смотреть в глаза простым праведникам?

Интересно и другое, даже печально: как-то в стороне остались братья наши меньшие – невинные животные. Не подумали об их спасении ни Иисус, ни Митрофан. Мыслимая ли это жестокость по отношению к многочисленному тварному миру, созданному Богом? Немыслимая. Какой-то континуум в ином мире им не предусмотрен вообще, после палящего огня конца света. А ведь Яхве в свое время вспомнил о них, наказав Нюю отвести в ковчеге два этажа под спасение всякой Божьей животины и зверя от потопа (увы, не без корысти: часть животных была «спасена» для «послепотопного» жертвоприношения). Нет у церкви последовательности в милосердии. Милость к животным, изначально не включенная в десять заповедей, и поныне отсутствует в морали человека. Этот воспитательный провал порождает чудищ. Но мы отвлеклись.

Продолжим обзор христианского пантеона. Речь о святой Марии. Святая дева Мария, мать Иисуса, – безусловное старшее божество. Настолько старшее, что в Италии ее культ будет посильнее, позначительнее культа самого Иисуса. В России снискала в веках великий авторитет икона Владимирской Богоматери, а также Казанской. Уже стало преданием, что зимой 1941 года икону Богоматери Владимирской вместе с Троицей Андрея Рублева, т. е. весь квадриум старших божеств христианских, советский истребитель пронес в небе над осажденной немцами Москвой. Штурм Москвы немцам не удался. Являлась Богоматерь и русскому воинству в 1914 году, в день ее Рождества. Святая Русь, по преданию же, – земной удел Матери Божьей. В общем, нечего доказывать, Мария безусловно соразмерна по величию Троице, мировых свидетельств тому тьма. И что теперь делать с единобожием? С декларированным монотеизмом христианства? Вопрос более чем открыт, зияет в сторону политеизма.

К тому же еще и Сатана, божество хоть и отрицательное, но всесильное, противостоящее, и временами успешно, всей Троице, а точнее, квадриуму. Сатана, князь тьмы, вседержитель ада, увеличивает собой число старших божеств христианских до цифры пять.

Заключая раздел, заметим, что проблема логичности триединого божества все же постоянно беспокоила и беспокоит богословов и теологов. Троица представлялась и в виде трех свечей, люющих свет, и в единстве древа с его корнем, стволом и плодом, и т. п. Бл. Августин, весьма озабоченный этим вопросом, предлагал: «...Представляй себе, что и Сын не отделен от Отца, и Дух Святый от Сына, как неотделима мысль от ума». Попытку усмотреть логику в триединстве делали и современники, например Е. Н. Трубецкой. Черту подвел человек со стороны – теоретический механик, академик Б. В. Раушенбах (Вопросы философии, 11/1990). Все свойства Троицы, в том числе и нераздельность, и неслиянность, обнаружил в себе обычный вектор в трехмерной системе координат. Как всегда, гениальность в простоте. Наверное, спустя пару веков прогресса церковь примет это толкование как основное. Но как быть с Сатаной, который прямо по условной оси Бога-отца имеет отрицательное значение? Придется подразумевать и возможную взаимозаменяемость Святого Духа и Богоматери на соответствующей координате. В этом контексте помянем-таки известного теолога середины IV века Аэция. Образованный человек, знаток математики, Аэций также пытался выразить суть триединого божества с помощью геометрических фигур. Хотел определиться теолог если не в логике, так в математике.

Безусловно, современному великовозрастному конфирманту можно извернуться и с помощью математики осознать триединство. Или, в конце концов, просто принять как есть. Но зачем? Во имя антиязыческого единобожия? Как-то антагонизм монотеизм/политеизм или христианство/язычество современнику уже не представляется злободневным или принципиальным. И почему бы не принимать Христа как он есть – Бог (хоть все это и беллетристично для материалиста), имеющий право на единсущность? Есть ли смысл в нашей всепонимающей современности во имя проформы лишать индивидуальности, смазывать величие Отца, Матери и Сына? Да и Духа. Духа человеческого ли или Духа святости, заполняющего душу в храмах. Пусть Троица, но не ипостасей, а полноценных, уважаемых божеств. Может быть, Дух – это и есть то, что их объединяет (и

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org соединяет с верующими).

Пост скриптум мы можем спокойно разобраться в сути дела. А суть удивительно проста. Праотцы церкви – Иустин (100–165), Татиан (ум. в 175), Пантен (ум. в 203) Климент Александрийский (150–215), Ориген (185–254), Александр Иерусалимский (конец II века–251) и др. были бы поражены оборотом дела, рационализацией Нового завета. При ближайшем рассмотрении рационализатором явился фактически один человек – Григорий Богослов. Григорий Назианзин (330–390 гг.) за свои речи и трактаты по догматике получил самое высокое звание – Богослов. Безусловно одаренным мыслителем был Григорий, но, по-видимому, и не совсем нормальным. Отмечается его повышенная склонность к рефлексии, углубленному самоанализу, поэтическая мечтательность. Склонный к мистике, одиночеству, он не был способен завести семью. Григорий буквально заикнулся на постижении мудрости «недоступной логическим доводам». Знаменитый «певец Пресвятой Троицы» сумел увлечь своей идеей Василия Великого, его брата Григория Нисского – основателей «Каппадокийского кружка», а также Афанасия Александрийского, далее повлиявших на других отцов церкви. Проследим аргументацию Богослова в цитатах: «Я еще не начал думать об Единиче, как Троица озаряет меня Своим сиянием. Едва я начал думать о Троице, как Единича снова охватывает меня. Когда Один из Трех представляется мне, я думаю, что Это целое, до того мой взор наполнен Им, а остальное ускользает от меня; ибо в моем уме, слишком ограниченном, чтобы понять Одного, не имеется больше места для остального. Когда я объединяю Трех в одной и той же мысли, я вижу единый светоч, но не могу разделить или рассмотреть соединенного света», – это прислушивание к себе для психологов. «Единича приходит в движение от Своего богатства, двоича преодолена, ибо Божество выше материи и формы; Троица замыкается в совершенстве, ибо она первая преодолевает состав двоичи. Таким образом, Божество не пребывает ограниченным, но и не распространяется до бесконечности. Первое было бы бесславленным, а второе – противоречащим порядку. Одно было бы совершенно в духе иудейства, а второе – эллинизма и многобожия». Собственно, аргументация «на пальцах»: вполне постижимая забота – как-нибудь уйти от «иудейства» и не примкнуть к политеизму и показать тождество Создателей Ветхого и Нового заветов (суетная гордыня). А чем аргументация Л. Толстого хуже? Но всему свое время. Церковный собор в Константинополе (не без яростных споров) утвердил высший догмат и избрал Григория Богослова епископом столичной кафедры. Далее «троичный» догмат превращался в канон, точнее – в «канон всех канонов». Мудрость «не доступная логическим доводам» по мере прогресса просвещения постепенно попадала в кавычки. Но назад пути не было, догмат, реализуя свою ущербность, развалил христианство, рикошетом расколол православие, не едино по этому поводу и современная паства.

Еще повторим: нет ни прямого, ни косвенного упоминания о Троице в Библии, ни в Ветхом завете, ни в Новом, не видела надобности в Троице апостольская мысль, обошлись без «нелогической мудрости» и праотцы церкви. Отклонение от вероучения – это явный исторический запрос, явное и безусловное самовольство.

Мимоходом заметим, что если бы понадобилось не триединство, а четырехединство, оно было бы не хуже обосновано христианскими богословами и с таким же жаром стало бы защищаемым и воспеваемым, и эквивалентно абсурдным.

Иисус – христианин

Что думал Иисус о христианстве? Точнее, о мессианстве, христианством оно назовется много позже. Да ничего. «Иисус не был христианином, он был иудеем» (Вельгаузен). Напротив, по словам непререкаемого бл. Августина, «то, что мы называем христианством, было всегда, от начала мира до явления Христа во плоти». Ну а как бы сказали сейчас, Иисус имел христианство своим бизнесом. Бизнесом насущным, сопряженным с выживанием, но все же романтическим и даже временами поэтическим, здесь можно согласиться с Ренаном. Впрочем, насчет выживания – это слишком: Иисус в крайнем случае имел про запас профессию плотника. Но никогда он не вернулся бы к этой профессии. Даже после описываемой неудачи, останься в живых, он не забыл бы, что он – пророк. Молодые мысли его занимали словоблудия оппонентов-фарисеев, Антипа Ирод – хозяин Галилеи, заботы об учениках,

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org чтобы они не разбежались, забота о своей форме, об аудитории, шлифовка своих умозаключений по поводу Писания – своего учения, обдумывание проповедей, совершенствование целительских приемов. Не станем говорить о мелочах. И он наслаждался жизнью, как и всякий успешный молодой человек. «Иди, наслаждайся жизнью», – говаривали сицилийские мафиози, отпуская человека живым. И наблюдал, копил свою растущую популярность, значимость, превосходство над фарисеями. До того момента, когда его осенило: да ведь я не рядовой пророк, я – личность, практически равная синедрионистам, да и мессианская сила влияния у меня есть, не в пример иерархам. И идеи, которые я взял на вооружение (всегда имел) – истинные. А Моисеев Закон поустарел и требует очевидной правки по ряду положений. За это можно рискнуть поспорить и с самими синедрионистами. И это было началом конца или, точнее, началом начал. Дело молодое, многие из нас в молодости были реформаторами (новаторами) в своих профессиях. Так повелела эволюция.

Поставим все-таки акцент. Столетиями Иудея пророчествовала, ожидала приход мессии, конечно же не затем, чтобы он подорвал основы ее официальной веры, религии и обосновал новую. Иисус, названный Христом, то есть мессией, и сам, по-видимому, собирался лишь подправить слишком жесткие нормы Моисеева закона. В лучшем случае. Иудея же ожидала мессию как справедливого царя-избавителя, воинствующего, уничтожающего и мстящего, обращающего врага в прах и меньше праха, кого – зависело от времени прихода, недостатка врагов у Израиля не было (включая царя-чужака). Но история повернула по-своему. И Иисус, хоть и Христос (в переводе с греческого – мессия), но все же не иудейский мессия в историческом понимании этого слова (кому до этого дело в вихре веры?). А уж племенам, допустим, Мексики, Центральной и Южной Америки, такой мессия с подачи конкисты и в страшном сне не снился.

Далее все пошло прямо по складам: зачатие, утробное развитие, признание-рождение, детство, юность с отпочкованием, зрелость, которую мы наблюдаем, и далее ветхость и конец христианства еще через пару тысяч лет, вкупе с прочими религиями (мы не против ошибиться). Есть, правда, мнение, что уже сегодня «христианство вступило в устойчивые сумерки своего существования» (Michael A. De Vudyon). Есть и неутешительные статистические данные солидных исследовательских учреждений Америки, Европы. Об неминуемом в итоге упадке христианства пишет о. Андрей Кураев в работе «Христианство на пределе истории»: «Христианство – едва ли не единственное мировоззрение на земле, которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения».

Но действительно, можно ли долго и всерьез воспринимать всю церковную рать после знакомства с «внутрианкой» конфессиональной, неизменной испокон веков? Со снисходительным пониманием приведем реальные штрихи, малую бытовую толику, а именно откровенное свидетельство одного благочестивого аббата XIII века (по И. Р. Григулевичу). Едва колокол, пишет аббат, призывает монастырскую братию к обедне, как демоны погружают ее в сон. Монахи бессильны сопротивляться, ибо ночью те же демоны мешали им спать. Как результат, братия проводит ночи без сна и храпит в церкви во время богослужения. Или берется аббат читать поучительное сочинение и, предвидя козни лукавого, высвобождает руку из-под рясы, держит ее на холоде, чтобы не заснуть. Но дьявол, подобно блохе, начинает кусать руку, вынуждая аббата спрятать ее обратно под рясу. Последствия губительные: аббат согревается и засыпает. Хуже всего было, когда монахам предстояло работать: нечистый хватал их за руки и за ноги, сковывал, парализовывал, поэтому они не могли двинуться с места и сидели праздные. Опять же, когда монахи садились за стол, дьявол побуждал их наедаться до тошноты, а по большим праздникам, когда подавали вино, они напивались под бесовским присмотром до бесчувствия. Короче, священнослужители были игрушкой в руках дьявола. Конец цитаты. И это обрисован лишь демократический, рядовой (низший) уровень церковной иерархии. Пришлось папству сочинить доктрину, согласно которой священные таинства сохраняют свою силу независимо от того, отпускают ли они грешными или праведными священниками. Блестящий, как всегда, выход из положения. Но – отход от основных положений истинного, раннего христианства. Отходы следовали чередой, и в итоге доотходились до того, что затем, чтобы скрыть церковный ревизионизм, пришлось на века запретить верующим чтение Библии. Папа Григорий IX в 1231 году издал соответствующую буллу, и запрет был отменен только Вторым ватиканским собором (1962–1965). Кошунственно запрещать слово Божие. Но и это догмату дозволительно. В то время как, к примеру, Галилей был засужен церковью за то, что его учение лишь затронуло полдесятка из многих тысяч пунктов Писания. Хотя он со всей ученостью доказал, что его открытия формально (что важно) не противоречат этим библейским речениям.

Иисус – ересиарх

Еще раз вспомним, приведем слова Эрфьорда о том, что мучения Бога на кресте не прекратились, ибо происшедшее однажды во времени непрестанно повторяется в вечности. Иуда и ныне продолжает получать сребреники; продолжает целовать Иисуса Христа; продолжает бросать сребреники в храм; продолжает завязывать веревочную петлю на залитом кровью поле. Добавим, и распинают Христа уже две тысячи лет. И усердствуют иуды. И понтии пилаты умывают руки.

У теологов, апологетов церковной «святой» инквизиции, хватало духу объявить первыми инквизиторами и Отца, и Сына. Если уж становиться в эту суперпозицию, то Иисус был скорее первым еретиком, чем инквизитором. Еретиком, в какой-то степени посягнувшим на благополучие ожиревшей и закосневшей в несправедности иудейской иерархии. Собственно, уже после слов: не человек для субботы, а суббота для человека, – Иисус становился клиентом инквизиции. Не надо Иуды. Или, допустим, после отождествления какого-то там бесноватого пророка Иоанна, «заслуженно» наказанного тетрархом Галилеи Иродом Антипой, – с самим Илией. За такого типа преступления ревнители Священного Писания, объявившиеся спустя несколько веков, отправили бы его на костер без колебаний. А за заявления о сыновней принадлежности Богу пламя костра было бы предусмотрено медленным. И уже не понадобились бы другие его ереси, как-то: позорящий верующего иудеянина разговор с самаритянкой, принципиальный отказ мыть руки перед едой, непонятные разговоры о своей плоти и крови или эзоповские заявления о способности самоличного разрушения храма и о его трехдневном восстановлении. Кто бы церемонился с затрапезного вида самозванцем, что с него взять! Поговорил бы он перед собором Петра, погонял бы соборных торговцев индульгенциями!

Описанному возможному развитию событий есть и историческое подтверждение. Францисканский монах Бернар Делисье (начало XIV века) публично заявил в присутствии французского короля Филиппа IV Красивого, что церковная инквизиция вполне могла обвинить в ереси и засудить самих святых Петра и Павла (наверное, монах побоялся назвать Иисуса). «Каким же образом, – спрашивал монах, – могли бы святые апостолы защищать себя, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?»

Иисусовы времена еще были золотыми. Ессеев и разношерстных сектантов христианского толка никто не трогал. Бродячих пророков в Палестине никто всерьез не принимал, что они там ни проповедовали. Свободно перемещавшегося по городам Средиземноморья Павла спокойно выслушивали и греки, и римляне на официальном уровне (свои, христиане, пару раз чуть не забили камнями). Петр тоже беспрепятственно проповедовал довольно долго. В Иерусалиме христианская секта под началом брата Господня Иакова существовала 18 лет (первосвященник Анан Младший, учинивший расправу над Иаковом, в наказание был лишен сана). Установлено, что организованные имперские гонения христианство переживет лишь на протяжении второй половины III века при Деции, Валериане и Диоклетиане.

Спустя десятилетия этого периода христиан уравнивали с другими верующими в правах (император Константин, 313 год). Но вот последующие не десятилетия, а многие столетия христиане в истреблении своего брата куда как превзошли римлян-язычников. Формально лишь за то, что, в целом будучи единоверцами, некоторые из них неправильно поклонялись Христу. А неформально причина в основном крылась в примитивной до извращенности страсти высших церковных чинов к богатству, к наживе добром состоятельных жертв. За исключением патологических (не единичных) случаев. К примеру, инквизитор Торквемада в Испании за восемнадцать лет беззаветной службы церкви, по данным Х. А. Льоренте (бывшего секретаря испанской инквизиции), «10 220 человек сжег живыми, 6860 сжег фигурально после их смерти или по случаю отсутствия и 97 321 человека подверг опозоренью и исключению из службы на общественных и почетных должностях». Нормальная психика такой страсти не выдержит. Нормальная психика плохо переносит чтение исторических свидетельств и инквизиционных документов. Когда читаешь исследования по истории инквизиции, мелькающие калейдоскопически титулы: папа, король, епископ, кардинал, инквизитор-мор – создают впечатление бандитских кличек. При тупой их жестокости, алчности и беспардонности вырисовывается картина мафиозных

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org группировок, вступающих в кровопролитные междуусобицы или живущих какими-то эфемерными, временными соглашениями, но при этом непрерывно убивающих и грабящих на подвластных территориях, живущих добром жертв. Спустя пару томов появляется впечатление уже не бандитских людских формирований, а стай диких зверей, контролирующих общий ареал, относительно мирно соседствующих или враждующих, иногда объединяющихся для совместного нападения на крупные стада травоядных или на достаточно мощных их представителей. Когда им тесно в одной нише, следует кровопролитная борьба за контроль ареала, за доминирование. В общем, как ни смешно или печально, между светской и церковной властями происходило примерно то, что происходит в стакане кефира с двумя-тремя разными затравками представителей бактериальной фауны. Зверей, допустим, сдерживает достаточность жизнеобеспечения. Этого никак не скажешь о власти предрержащих: на самом верхнем властном уровне, когда выше, над, уже никого нет, у царя зверей едет крыша, аппетиты становятся неконтролируемыми, патологическими, равно как и жестокость. Не советуем читать труды по истории церковной «святой» инквизиции. Да и крестовых походов. Миллионы нынешних христианских верующих, тем паче атеистов, могут быть счастливы тем, что церковь вынужденно эволюционировала вместе с просвещенным миром. Опять умолчим о мусульманах.

Ассоциации с дикой природой, с биологическим уровнем папства-королевства возникли в свое время у Энгельса: «это прямо по Дарвину, – борьба за идейное существование», добавим: и не только идейное, а роскошное мирское. Деятельность церковной инквизиции, направляемой папами римскими и авиньонскими, как образно отмечает ее историограф Г. Ч. Ли, протекала в «безумном вихре хищений». По его словам, все занимавшиеся преследованием всегда имели в виду материальную выгоду. Конфисковывалось все имущество подозреваемых до мелочей. Император Германии Людовик Баварский в свое время со знанием дела обвинил пап в том, что они погрязли в мирской скверне, предали апостольские традиции благочестия и бедности, ведут разнузданный образ жизни, и в прочих неблагоприятных реалиях. Отбиваясь, папа Иоанн XXII в 1322 году издал буллу, в которой, естественно, объявлялось еретическим утверждение, что Христос и апостолы не владели никаким имуществом. В ответ германский император обнародовал так называемый Саксенгаузенский протест, в котором, основываясь на утверждениях предшественников Иоанна XXII, признававших нищету Христа, в свою очередь обвинил папу в ереси. При этом он заручился поддержкой опытных теологов. Один из них, богослов У. Оккам, уличил Иоанна XXII в 70 еретических ошибках. Собственно для этого нужна была лишь смелость. Церковь жестоко преследовала сторонников этой имущественной ереси: и во Франции, и в Испании их бросали в костер, если они отказывались произнести церковное отречение: «Клянусь, что я верую в своей душе и совести и исповедую, что Иисус Христос и апостолы во время их земной жизни владели имуществом, которое приписывает им священное писание, и что они имели право это имущество отдавать, продавать и отчуждать» (цит. по Г. Ч. Ли). Догматический (до комизма) беспредел.

Светские правители все же большей частью видели в инквизиции, в союзе с папством способ укрепить собственную власть. Это понял Людовик IX, еще раньше император Фридрих II (1218–1250). Однако вольнодумный Фридрих достаточно досадил папству своим соперничеством в вопросах власти в христианском мире. Папа Григорий IX (1227–1241) дважды отлучал императора от церкви. Союз, тандем, как видим, был все же сложноподчиненный. Все зависело от соотношения сил, короля и папы как личностей (прямо по Дарвину). Насильственные смерти пап Бонифация VIII и Бенедикта IX относятся историками на совесть властного французского короля Филиппа IV Красивого, одержимого идеей единоличной власти над всем католическим Западом. Осилит пап король. Обманул он и папу Климента V в дележе богатств совместно разгромленного рыцарского ордена тамплиеров (ок. 1314 года).

Спустя несколько веков после собора 381 года неканоническая, но весьма символическая средневековая «троица» во всем христианском мире выглядела следующим образом: еретик (реформатор) – предатель (доносчик) – инквизитор (каратель).

Чтобы квалифицировать понятие «еретик», понадобилось бы исписать солидную брошюру. Проще сказать, еретик – это неугодный единоведец, или индеец, которого хорошо показательно сжечь для острастки других, или еврей – человек богатый, с привлекательным имуществом, или английский моряк – проклятый лютеранин, или это мог быть целый город «еретиков», или люди, подозрительно много знающие, просвещенные. В этом обобщенном ряду также трудно остановиться, ряд бесконечный. «Дайте мне две строчки любого автора, и я докажу, что он еретик, и сожгу его», – не без основания похвалялся один средневековый инквизитор (цит. по Григулевичу). Когда французские крестоносцы в Лангедоке при разгроме катаров спрашивали папского легата Арнольда Амальрика, как отличать еретиков от правоверных католиков, тот

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org отвечал: «Бейте их всех, Господь узнает своих!» Пришлось Господу разбираться среди контингента в 60 тысяч загубленных французских душ. Еще более бредовой идеей искоренения ереси явилась многовековая охота на ведьм. Ни в чем не повинных, зачастую больных женщин инквизиторы сжигали живыми со второй половины XV до второй половины XVIII века. Работали с пристрастием. Видные инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис сочинили специальное руководство «Молот ведьм». В этом печально известном труде упомянуто проработаны тончайшие детали и абсурдные способы уличения женщин в службе дьяволу. Десятки тысяч женщин на католическом Западе по этому руководству были осуждены и сожжены без малейшей вероятности оправдаться. В том числе и Жанна д'Арк – национальная французская мессия. Здесь уместно было бы перечислить имена сотен и сотен мыслителей и просветителей разных времен и народов, исчезнувших в пламени или в застенках «святой» инквизиции. Уместно было бы перечислить тысячи и тысячи томов сочинений этих просвещенных людей, глумливо сожженных или занесенных в индексы запрещенной литературы (в том числе и переводы Библии). Но характер нашего повествования иной. Возможно, придет время, когда эти сведения будут систематизированы и будет определен урон, нанесенный цивилизации обскурантами от церкви. Но кто теперь узнает, как бы повернулись цивилизация и история, не терпящие, как известно, сослагательного наклонения?..

Вторая «ипостась» неканонической троицы – это иуды-доносчики, клеветники, наветчики. Таковых церковь успешно стремилась воспитать во всех слоях общества. Главный помощник в воспитании – страх. Страх, что тебя оговорят раньше. Второй помощник – корысть: доносчик мог рассчитывать на часть имущества жертвы, а также на полную конфиденциальность доноса. Доносчиков следовало опасаться и в составе королевской свиты, и в среде художников, писателей, поэтов, торговцев, военных и простолюдинов. Папа Григорий IX с гордостью говаривал, что при умелом запугивании родители выдавали своих детей, дети – родителей, мужья – жен, жены – мужей. Выберем один лишь пример, мелкий, но красноречивый. В 1581 году два прихожанина донесли на самих себя: они-де заявили своим женам, что совокупление – не грех. Ввиду того что это утверждение являлось рафинированной ересью, мужья самообвинили себя, опасаясь, что жены донесут на них раньше. Подобными примерами заполнены тонны документов. Это уже действия на уровне животного инстинкта самосохранения.

Ипостась третья – палачи-судьи. Распинатели миллионов Христов, «святые» инквизиторы. Таковыми являлись практически все церковные иерархи. Волк, съевший овцу, вряд ли чувствует себя виноватым в шорах своей природы. Возможно, в качестве оправдательного аргумента он выставил бы ее вкусность. Будь она связкой дров, он бы ее не ел. И о стае думал, о малых детях. В качестве оправдания своих действий инквизиторы часто выставляют упорство еретиков, их нежелание умирать и, напротив, раздражительное желание оправдаться. Особенно при их полной невиновности. Но они-то сами видели, как дико вращались глаза еретика, прижигаемого раскаленными щипцами, – значит, глаза искали дьявола. Не будем долго описывать кошмарный инквизиторский изыск; под конец дознания, если еретик оставался жив, его «отпускали на волю» – то есть сжигали живым (сжигали «во избежание кровопролития», для христианских рационализаторов «не убий» не значит «не сожги»). Трудно не увидеть в этом человеческое жертвоприношение – жертву всежжения. Жертву на алтарь веры, а чаще – на алтарь благополучия и процветания церковной верхушки (особенно если жертвами были вольнодумцы и просветители; большинство из них, кстати, истово чтили Христа).

Судилище и казнь – аутодафе – часто приурочивались к церковным или престольным праздникам, особенно в Испании. Недостатка в подследственных и осужденных не было. Празднество раскручивалось помпезно. Епископальные, а также светские высокие чины размещались в специально обустроенных ложах с туалетами. Каялась или не каялась жертва, права была или виновна, праздник не должен был быть испорчен, инквизиционные чины и палачи это понимали. И самый смак был, когда сжигалась личность достаточно заметная, а не просто сектант, полуживой от истязаний еретик. Некоей милостью, а может, и дополнительным шоу-эффектом являлся спецворотник – рукав, набитый порохом и обматываемый вокруг шеи жертвы, то ли укорачивающий мучения, то ли добавляющий. В удовольствие церковной и светской знати огонь костра делали медленным. Куда там варварскому языческому распятию до «милости» церковного костра! Церковь хитро списывает эту жестокость на светские власти. Мы, мол, осудили, а далее ничего нет за нами, наши люди просто отдыхали на аутодафе. Собственно расправа, казнь приводилась в исполнение городскими службами. Церковь по-пилатски умывала руки. Как оправдание упоминается и жестокость средневековых нравов. К примеру, в 1680 году в Мадриде состоялось аутодафе в честь женитьбы Карла II на французской принцессе Марии-Луизе Бурбон. Льоренте отмечает: «Суровость инквизиторов была так велика и народное

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org чувство так испорчено, что думали угодить новой королеве и оказать ей достойную почесть, присоединив к брачным торжествам зрелище большого аутодафе из ста восемнадцати жертв, значительное число коих должно было погибнуть в огне и осветить моменты этих торжеств» (цит. по Григулевичу).

Кстати, в Венеции изобретательные святые инквизиторы применили иной способ расправы: еретиков помпезно топили в лагуне. Наверное, пришло им на ум Иоанново крещение водой. Бывало, доставал народ инквизиторов, убивал их в гневе и платился собственными жизнями, но такие случаи были редки.

Хорошо описывать все это постфактум, в благополучной в религиозном плане стране.

Не помешает и не грех напомнить об испанском и португальском средневековых церковных холокостах евреев. В 1492 году испанская корона издала указ, предписывающий всем евреям, живущим в Испании, в трехмесячный срок покинуть страну или принять католическую веру. У покидающих страну имущество подлежало полной конфискации в пользу короля. По разным сведениям, из Испании было изгнано от 150 до 800 тысяч иудеев, христианство приняло около 50 тысяч. Стабильным потоком в этот период шли просьбы евреев к папе в Рим, сопровождаемые солидными подношениями, о защите, о любых формах примирения с церковью. Папа, непрерывно принимая мзду, просьбы удовлетворял, но испанский король имел свое мнение и свои виды на имущество евреев, систематически и беспардонно пополняя им свою казну. С начала XVI века испанская корона ввела в действие сертификат «чистоты крови» (можно сравнить с гитлеровской звездой Давида), уничтожая, обирая и дискриминируя оставшихся, принявших веру евреев-марранов до 1865 года.

Изгнанные из Испании евреи десятками тысяч бежали в Португалию. Исследователи называют контингент в 120 тысяч и много больше. Португальские власти, принимая беженцев, взимали с них немалые по тем временам денежные суммы, срок пребывания беженцев в Португалии ограничивался восемью месяцами. Когда срок истек, те, кто не смог уехать, массово были проданы в рабство, дети их были высланы на африканский остров Санто-Томе, где большей частью погибли от непосильного труда. Уцелевших евреев по испанской схеме насильственно обращали в католическую веру, дискриминировали, обирали и уничтожали. «Новые христиане», как их называли, пытались спастись любыми средствами. Начался невообразимый подкуп королевских чиновников, что только увеличивало их ненасытную алчность.

В 1495 году вступивший на престол португальский король Мануэл II несколько улучшил положение евреев. Прекратились преследования за невыполнение католических обрядов, евреям был разрешен выезд из Португалии, но ехать им было некуда. После смерти Мануэла на трон вступил его старший сын Жоан III. Жадный, коварный и жестокий Жоан немедленно позарился на имущество евреев и начал интригу по учреждению в Португалии инквизиции, которая упрощала бы грабеж и уничтожение евреев. Папский престол прекрасно понимал устремления Жоана, но желал соблюдения в этом деле и свои корыстные интересы. Интрига получилась долгой, сложной и многоходовой. «Новые христиане» защищались подкупом. Инквизиция в Португалии была все-таки учреждена папой Климентом VII в 1531 году. Немедленно Жоан начал беспрецедентный грабеж и уничтожение «новых христиан». Подкупом в Риме «новые христиане» в 1532 году добились приостановки деятельности инквизиции. Это сделала специальная кардинальская комиссия, высланная Римом, которая пространном докладом папе развенчала деятельность португальской марионеточной инквизиции, доказала полный ее произвол, беззаконие и преступность. Собственно, это был нечаянный приговор всей церковной инквизиции, действующей стандартно. Ввиду того, что это единственное в своем роде свидетельство самообвинения церкви тех времен, приведем объемную выдержку из документа: «Схватив, иногда на основе ложных показаний, любого из этих несчастных, за избавление которых умер Христос, инквизиторы бросают его в темницу, где ему заказан свет дневной и запрещена встреча с родными, которые могли бы оказать ему помощь. Обвиняют его тайные свидетели, и ему не указывают ни место, ни время инкриминируемых ему преступков. Если обвиняемый станет утверждать, что он подлинный христианин, и будет отрицать предъявленные ему обвинения, его, как упорствующего еретика, предадут огню, а имущество конфискуют. Если же он признает те или другие прегрешения, но будет объяснять это тем, что делал это без злого умысла, его накажут тем же способом, под предлогом, что его признание неискренне. Если он по простоте душевной признает себя во всем виновным, его превратят в нищего и осудят на пожизненное заключение. И нечего говорить о том, что заключенные принуждаются при помощи всякого рода пыток признаваться в любом преступлении, в котором их обвиняют. Многие гибнут в тюрьмах, но даже те, кто выходит на волю, оказываются вместе со своими близкими опороченными клеймом вечного бесчестия. В итоге злоупотребления инквизиторов таковы, что любой, имеющий хоть какое-либо понятие о том, чем

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org является христианство, сможет понять, что они министры сатаны, а вовсе не Христа» (цит. по Григулевичу).

Но Климент в 1534 году умер, и его место занял слабый Павел III, который под давлением Карла V, в 1536 году вторгшегося в Рим, уступил португальскому королю Жоану III, вновь восстановив инквизицию в Португалии. В португальских церквях был зачитан эдикт, дарующий срок евреям для самодоносов, после чего начались повальные аресты. Кстати, есть одна интересная деталь во всей этой королевско-папско-инквизиционной круговерти вокруг капиталов «новых христиан». Двадцатилетнего внука Павла III Жоан одарил крупной пожизненной рентой и доходным епископством в обмен на папскую санкцию об восстановлении инквизиции. Внук получил доход в общем чуть не полмиллиона крусадо и утверждал, что часть этих денег истратил на строительство собора св. Петра в Риме. Исследователь А. Эркулану подвергает сомнению такую щедрость, но если есть доля правды в словах папского внука, то святость собора, конечно, омрачена.

По сути дела, «новые христиане» находились в Португалии в качестве заложников. Почти все мировое еврейское сообщество, имея среди них родственников, вынуждено было постоянно выплачивать вошедшей во вкус португальской короне огромные суммы за послабление террора, за помилования и сокращение числа смертных приговоров. Можно сказать, всю политэкономку Португалии тех времен приняли на себя еврейские банкиры и просто объединившиеся состоятельные евреи. Конечно, все зверства в отношении португальских евреев можно легко списать на светские португальские и испанские власти, но они не были бы так разнузданны, не будь их действия освящены папским престолом – это совершенно очевидно.

До 1750 года инквизиция правила бал в Португалии. В этом году на португальский престол вступил король Жозе I. Первым министром был назначен Себастьян Жозе Карвалью-и-Мелу, вошедший в историю под именем маркиза де Помбала. Помбал не решился формально упразднить инквизицию, но своими реформами фактически прекратил ее деятельность. Именно Помбал решил наконец иудейскую проблему в Португалии. К 1774 году «новые христиане» были уравнены в правах с остальной частью населения, преследование их было прекращено. Спустя несколько десятилетий ассимиляции следы «новых христиан»-евреев в Португалии исчезли полностью.

Окончательно португальская инквизиция была упразднена лишь в 1821 году, после либеральной революции.

Имеют ли срок давности описанные выше преступления? Преступления, породившие не менее кошмарную аналогию в нацистской Германии. Призывался ли к милосердию Гитлер? Или был ли он отлучен папой, в то время как Сталин получил анафему от Патриарха Тихона? Ничего подобного. Гитлер заставил всех германских католиков-иерархов кричать «хайль Гитлер!», да они и не упирались. Папа Пий XII и католическая верхушка не осудили фашизм и после победы союзников. Достаточно ли обоснованным с моральной стороны был призыв папы к милосердию во время Нюрнбергского процесса? Или известные усилия Ватикана по спасению нацистов-преступников?

Ненагорная отповедь:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что вы подобны гробницам побеленным,
которые снаружи кажутся красивыми,
внутри же полны костей мертвых и нечистоты.
Так и снаружи кажетесь людям праведными,
внутри же наполнены лицемерием и беззаконием.
Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что строите гробницы пророков
и украшаете памятники праведных, и говорите:
«если бы мы жили во дни отцов наших,
мы не были бы сообщниками их в крови пророков».
Тем самым вы свидетельствуете против себя,
что вы – сыновья тех, которые убили пророков.
Доведите же до полноты меру отцов ваших!
Змии, порождения ехиднины!
как убежите вы от осуждения в геенну?
Посему, вот, Я посылаю к вам пророков и мудрых и книжников;
и вы иных убьете и распнете,
а иных будете бить в синагогах ваших
и гнать из города в город.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org
Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле,
от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина,
которого вы убили между храмом и жертвенником.
Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей.

После чтения документов о делах церковных ратоборцев за «чистоту веры» практически на протяжении всей истории ее существования возникает запал негодования, соразмерный запалу слов обозленного Иисуса, приведенных выше. Много нужно еще поработать церкви, чтобы человек просвещенный увидел ее в белых одеждах.

Что просматривается в конце инквизиционного пути, в конце кошмарной борьбы за чистоту веры? Вера как не имела единой концепции, так и не имеет. Великоватый перечень ее догматов открыл большие возможности для создания из них верообразующих комбинаций (вспомним хотя бы печально известную трагикомедию с пальцами правой руки). Земля все-таки вертится. Ничего с католиками и раскольниками, уцелевшими от «забот» церкви, не случилось страшного, живет себе народ и процветает. Мир под откос не пошел. И благополучных «атеистических материалистов» (выражение Пия XII) миллиарды (не говоря уже об иноверцах). Выситя Ватикан на крови. С законсервированной конгрегацией инквизиционного направления. Трудится Всемирный Совет Церквей (и нам не важно какая конфессия возглавляет). Светлое будущее все же впереди. Страшно только смотреть в прошлое. Григулевич, подытоживая всесильное влияние церкви, папства тех времен на общество, пишет: «А каков же результат этого влияния? Можно ли назвать хоть одну область человеческой деятельности, где бы это влияние оказало положительную роль? Увы, никто такой области назвать не в состоянии, ее просто не существует». И даже антикоммунистическое непротивление, потворство фашистам бездействием в течение Второй мировой войны обернулось в то время ничем, а точнее, равнодушием к миллионам жертв, так и не отпетым Пием XII.

К великому счастью церкви, не всякий современный верующий задастся целью прочитать четырехтомник Г. Ч. Ли или осилит хотя бы труды Григулевича в заморочке жизни, но будет привлечен сегодняшними благими ее намерениями (которыми, похоже, ранее выстлала она себе дорогу в ад: вряд ли наберет Иисус эквивалентный компенсирующий позитив в пользу подавляющего большинства душ церковных иерархов).

Еще отступление. Почему одна и та же дилемма раскалывает случайным образом подобранную аудиторию (достаточно многочисленную) пополам? Издревле новая идея – новая религия – приводила к расколу в семье, муж и жена становились чужими людьми, мать стыдилась сына, невеста отрекалась от жениха во имя нового бога. Прекрасно сознавал это Иисус: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение». То же самое мы наблюдаем и в современности: простой основной ценз – голосование на выборах – приводит к ссорам в семье, делает друзей врагами. Почему один человек реагирует так, а другой – иначе? Закладка, безусловно, эволюционная. С эволюционных посылок поиск должен быть многонаправленным. Мнения должны быть разными и крепкими, консервативными или агрессивными. Победить должно истинное направление, даже если оно будет ложным. Старое или новое. То или иное. Потому что победит более сильный. Цель древняя – социальное выживание.

Убежденный советский человек никогда не переубедит убежденного антисоветчика-демократа, и наоборот. Оба лишь раздраженно будут морщиться от контраргументов. По этому поводу можно вспомнить Н. Некрасова: «Мужик, что бык: втемяшится / В башку какая блажь, / Колом ее оттудова / Не выбьешь: упрутся, / Всяк на своем стоит!» Опять же, серьезный болельщик «Спартака» никогда не станет болельщиком «Зенита», даже с набитой мордой, и наоборот. Понятно, что этот стабилизирующий консерватизм эволюционно заложен в психику вида Homo sapiens наравне с тягой к новому. Поэтому истово верующий человек видит и будет видеть в действиях церкви только светлые стороны, неверующий же как возмущался, так и будет возмущаться темными ее делами, и, как сказал Остап Бендер, никакие лекции не изменят этого соотношения сил. Так что толку от вышепредставленных кратких страниц в этом плане не видно. Сами хотите верить, хотите – нет. Только численное искоренение (преимущество) приводит к победе «истинного» направления. На то и гражданские войны, заговоры и перевороты, боже избавь. В последнее время обходимся махинациями при голосованиях. Конец отступления.

В итоге отметим скандальный, пожалуй, парадокс недавней современности. Десятилетиями Ватикан с пристрастием пропагандировал утверждение, что в странах социализма (тогда еще) свобода вероисповедания подавлена, изобретен

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org был термин «церковь молчания». Однако на Втором Ватиканском соборе прояснилось, наконец, что свобода совести, что называется, узурпирована самим Ватиканом, и на соборе пошла крутая борьба за свободу вероисповедания, за равноправие «отколовшихся братьев». А осмелевший африканский брат на первой сессии собора выразил протест против того, что черта обычно изображают черным, а всех святых и Христа – белыми. В этом он усмотрел расовую дискриминацию католиков-негров.

Но главное, на первой сессии Второго Ватиканского собора соотношение сил при голосованиях отразило современность католического епископата. Основная масса епископов уже жила в духе нового времени, ощутила напор общественного мнения на закосневшие догмы и нарекания на неблагоприятное прошлое католической церкви. Наверное, первым прогрессивным движением по ретроспективной разработке явилась инициатива Павла VI по «реабилитации евреев». На второй сессии собора подавляющее большинство соборных отцов высказалось за реабилитацию. Это был серьезный акт в пользу экуменизма, сближения со всеми мировыми религиями, включая иудаизм. Позволительно теперь предположить и скорый ответный шаг – реабилитацию Христа, осужденного официальным иудаизмом при сомнительной юрисдикции.

Папа Иоанн Павел II принятием после своего избрания этого имени подчеркнул, что продолжит прогрессивные начинания Иоанна XXIII, Павла VI и Иоанна Павла I. На дворе был расцвет науки, культуры и намечались пути оздоровления общественных отношений. Не мог Иоанн Павел II остаться в стороне. Не остался еще и потому, что был незаурядной личностью. Трудно перечислить благие его дела. По профилю очерка отметим его инициативы по реабилитации жертв инквизиции – Галилео Галилея, Джордано Бруно, Савонаролы, Яна Гуса. Ватикан уже вынужден был это сделать под давлением общественного мнения, да епископат и сам прекрасно видел антихристианские черты в служении своих средневековых предшественников. Но вот деталь. В 2002 году Ватикан отлучил от церкви семь католичек-феминисток разных национальностей, рукоположенных в священнослужительницы, расценив этот акт как «тяжкое преступление». Женщины, естественно, оспорили отлучения, в свою очередь расценив их как дискриминацию в отношении женщин, и не подчинились, и не отлучились. Не повторение ли это прежних ошибок? Не придется ли опять, спустя время, каяться? Женщины, которых сам Иоанн Павел II уравнивал в вере с мужчинами, настроены весьма решительно. Примечательно, что декрет об отлучении подписан префектом конгрегации пропаганды и защиты веры (бывш. святая инквизиция) тогда еще кардиналом Йозефом Ратцингером.

Бесспорно, в последних поколениях верующих церковь выстроила понимание ее благодати. Папы конца тысячелетия исполнены святости и покаяния. И все же. Многого требуют память и душа каждого конкретного замученного церковью просветителя тысячелетия, оставленного позади. В мире в наши дни создаются мемориалы, где представлена и поименована каждая жертва позорных межнациональных конфликтов и варварского политиканства. Создаются с надеждой на новое осмысление в новом тысячелетии. Церковь не остается в стороне, но она и не впереди, как полагалось бы. Опираясь на понятия предвечности и бессмертия, исключаящими время, церковь тем более должна иметь перед собой свои вневременные ошибки и жертвы, так же как вневременной жертвой почитает она Иисуса. И именно этот чин диктует смысл подушного (насколько это возможно) покаяния и снятия отлучений, может быть, устройением покаянной галереи как мемориала. Мемориала, соотносительного с плеядой канонизированных святых, если не тождественного ей, что всколыхнуло бы мир и оздоровило бы его при соответствующей подаче.

Книжники христианские

«Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией», – из глубины веков остерегал Павел [кол., 2: 8]. Таки увлекли.

Достаточно определенно из текстов Нового завета складывается образ клана «книжников» – иудейских узких специалистов, толкователей Писания. С маской учености на лице, уже закостеневшей, они, изнураясь, обсуждали ничтожные оттенки Писания, договариваясь до зауми, пророками совсем не предполагаемой. Казуистика, граничащая с шизофренией или тем же шарлатанским ловкачеством (по-современному – философские спекуляции), прослеживается и в нападках книжной братии на Христа.

Бог веры и Бог философии. Разные оказывается вещи, особенно по степени

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org умопомрачения. Если с Богом веры все относительно ясно – храм, распятие, молитва, то к Богу философскому в качестве пояснений еще 40 лет назад назрела необходимость издания словаря и двухтомного справочника только терминологии теологической, выработанной в ходе «исторической, персоналистической, феноменологической и экзистенциальной рефлексии».

Иммануил Кант: «Только не оспаривайте за разумом того, что делает его высшим благом на земле, а именно привилегии быть последним пробным камнем истины». Здесь в переводе немного напутано – камень и пробный, и последний, но звучит мощно, особенно если заменить слово «разум» словом «рассудок». Сказано это по поводу того, что в вопросах веры следует разбираться разумом, а не чувствами. Все же в истории философии есть некий элемент случайности. Кант, допустим, имел образование и желание заниматься философией и имел деньги для издания своих трудов. Но кому-то хотелось бы знать мысли этого направления, допустим, Жюль Верна, а Верн не имел желания изъяснять и развивать свои философские наклонности. Кто-то другой не имел денег для образования, кто-то третий не имел денег для издания, потому и не лез в это дело. Поэтому прилежный дилетант или студент поставлен перед фактом и вынужден разбираться в хитросплетениях именно кантовских философствований. Кто даст гарантию, что они лучшие для того времени и что не погиб некий неузнанный талант? Но это отступление.

В начале очерка мы уже упоминали теологическую дисциплину «феноменология религии». Одним из ее создателей по праву считается Рудольф Отто (1869–1937), немецкий теолог и философ. Главный его труд – книга «Святое» (1917) с хорошей основной идеей, что «в признании рациональной определенности сущности Бога важен момент иррационального, понятийно не схватываемого качества божественного». Довольно сложными построениями он выводит из понятия «святое» все объяснимое (рациональное), благое, присущее данному понятию, чтобы вычленил некий неуловимый «избыток» (скорее, остаток) чистой, необъяснимой святости. Название ему он дал латинское – «нуминозное», в переводе – божественное. Это выглядело как камень, брошенный в философский серпентарий.

Но не наше дело судить полемизирующую братию.

Естественно, это событие вызвало новый объемный всплеск философской терминологии (читай – тарабарщины). Заметим, что слово «нуминозное» в романских языках, наверное, вызывает какие-то ассоциации, но в нашем, славянском, не воспринимается должным образом. Представьте: «нуминозная настроенность души», – не звучит, мягко выражаясь. Ну да ладно. Далее выясняется, что под нуминозным – божественным Отто понимает не исключительно состояние святости, постигшее человека в храме Господнем, а нечто общее для религиозности: мистичность, некую «темную глубину», доступную чувству, но не разуму. Под это понятие подпадают: вера в загробную жизнь, в душу, магию, сказки, приметы, мифы, фетишизм, тотемизм, демонизм и т. п. Богопознание в христианстве отличается лишь большей степенью открытости человеку нуминозного, т. е. количественно. У Отто «чувство обозначает целостное познание в его интуитивной, допонятийной форме», – очень тонко и точно выразился другой философ, И. Сплетт. Способность быть верующим заложена в сознании каждого человека, точно попадает в цель Отто. Уже вплотную стали философы к понятию религиозности как инстинкта (в начале очерка был разговор об этом феномене), содержание которого – чувство мистичности разной окраски и силы, от святости в необъяснимых ожиданиях до животного страха в необъяснимых ситуациях – действительно несемантически, трудноописуемо. Остался один шаг, который за 90 лет так и не сделан. Зато ретивыми религиоведами выдуман новый термин – *homo religiosus*. Совершенно нелепый и некорректный. Однако так называемый «антропологический поворот» в теологии все же состоялся. Ссылаясь на Ваарденбурга (фамилии можно не запоминать), А. Н. Красников в статье «Современная феноменология религии» (Религиоведение, 2/2002) по поводу «антропологического поворота», в частности, пишет: «Многие протестантские и католические теологи развивают мысль, согласно которой в наше время можно сказать нечто значимое о Боге и мире, лишь говоря одновременно о человеке. Более того, они утверждают, что нужно сначала ответить на вопросы о сущности человека, причинах и характере его устремлений, его познавательных возможностях и т. п., а затем уже приступить к конструированию традиционной метафизики».

Сама философская попытка объяснить смешанное чувство святости, таинственности в основе инстинкта религиозности представляется не чем иным, как желанием объяснить, допустим, чувство голода в составе инстинкта самосохранения: первое объяснение – хочется есть, второе – сильно хочется есть, ну еще можно вспомнить идиотское «сосет под ложечкой», и пока все. Нужна армия философов и словарь новой терминологии, чтобы как-то объяснить голодному человеку, что он чувствует (к тому же каждый чувствует

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org по-разному). В частности, С. Л. Франк, характеризуя нуминозное, пишет, что оно непостижимо по существу. Это тоже точное попадание – чувство голода или боли непостижимо по существу. По этой аналогии провальной окажется попытка дать постичь слепому, что такое зеленый, допустим, цвет.

Красников (Религиоведение, 2/2002) замечает: «Если раньше было справедливым суждение, что существует столько феноменологий религии, сколько и самих феноменологов религии, то сейчас с полным основанием можно утверждать, что существует столько критиков феноменологии религии, сколько и ее разновидностей». Продолжая мысль, можно сказать: сколько «нуминологов», столько и характеристик нуминозного. Напрашивается здравое суждение, что основным философским познавательным приемом в этом плане является самокопание тривиальное. Так недалеко и до притчи о слепых и слоне. Но это не наше дело.

В естествознании неукоснительно соблюдается принцип, называемый «бритва Оккама» (Уильяма Оккама мы упоминали несколько выше), по которому не следует создавать сущности сверх необходимости, т. е. некие, экспериментально, допустим, полученные сущности, прежде всего надо определять исходя из состава уже наличествующих, апробированных и «работающих». Кстати, «бритва Оккама» успешно отсекает и все вышеописанные сверхъестественности, оставляя Иисуса живого и Природу живую. Феномен религии, в философском понимании Отто, это «религиозное стремление, находящееся изначально в сознании в потенции». Но насколько понятнее, правильнее и проще: религиозное поведение, заложенное генетически, то есть – религиозный инстинкт. Все в рамках антропологии. Не надо громоздить экзотические сущности с весьма размытыми границами толкования, достаточно обычного понимания психики человека. Не будем углубляться в детали религиозного поведения и чувства, их хватит на целую книгу, но суть проста: вера первична, имеет биологическую природу и потому неискоренима, это инстинкт, а уж бог или боги – дело вторичное, наживное из того, что предложит социум, общество, в котором человек родился. Если ничего не предложит, как моему поколению, то человек подхватывает что-нибудь на уровне суеверий, к радости гадалок. Ясно, что любой инстинкт возможен к подавлению (даже инстинкт самосохранения), но гордый атеист, тем не менее, не забудет хотя бы в шутку, постучать по дереву, делая рискованные заявления или пожелания

Заглянем в глубь веков. Об инстинктивной тяге к верованиям нечаянно говорит уже Ориген (185–250), добавляя, что разум таки повыше инстинкта будет: «И хотя издеваются над нашей (простосердечной) верой, я все же говорю в ее защиту и, убедившись в ее полезности для большинства людей, твердо настаиваю на учении о необходимости верить в простоте сердечной для тех, кто не имеет возможности оставить все (заботы) и заняться исследованием учения. Да и те, которые держатся противоположного мнения, в действительности поступают точно так же. Если кто, например, увлекается философией и случайно останавливается на определенной философской школе, то разве этот человек при выборе такого-то учителя руководится чем-нибудь иным, а не простой только верой в то, что именно эта школа есть самая лучшая? Он не выжидает, пока придется ему услышать учения всех философов и, ввиду различия в их направлении, (узнать) возражения против одних и доказательств в пользу других школ, чтобы затем произвести свой выбор и решиться на то, сделаться ли ему стоиком, платоником, перипатетиком, эпикурейцем, словом, последователем какой угодно философской школы. Напротив, уступая какому-то безотчетному стремлению (выделено мной. – В. Е.), даже при всем нежелании сознаться в этом, он обращается, например, к занятиям в духе стоического учения и оставляет без внимания все прочие (школы): отвергает, например, платоническую за то, что она якобы уступает другим в возвышенности своих взглядов, перипатетическую – за то, что она, якобы потворствует людским слабостям и снисходительнее прочих школ относится к обычному людскому представлению о благах жизни. А некоторые, взирая на участь злых и рачительных людей на земле, с первого же взгляда колеблются в вере в Промысел и уж очень поспешно приходят к тому заключению, что нет, собственно, никакого Промысла, и склоняются к учению Эпикура и Цельса».

Post Scriptum к разделу

2009 год. В сентябре лондонский еженедельник «Санди таймс» опубликовал статью, подытоживающую религиозно-исследовательские исследования ученых британского Бристольского университета (руководитель проф. Брюс Худ).

Человек рождается с интуитивной верой в сверхъестественные силы – вывод

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org ученых. Вывод «Санди таймс»: человек рождается с верой в Бога. Немедленно это и без того тенденциозно передернутое заявление было подхвачено заинтересованными лицами: вера в Бога врожденная, наделенная человеку Им же; без веры в Бога не могли бы появиться на свет ни человек, ни современное общество; атеизм – противен человеческой природе. Вот так, – теологи впереди паровоза. Перечитаем два абзаца из первого раздела нашего очерка.

Абзац 1. «Религиозность как поведенческий признак особи, вида, безусловно, имеет эволюционные корни. Оглянемся на нашу первобытность. В чем первобытный человек не испытывал недостатка, возмев некую способность мышления, так это в страхе. В страхе самых разных оттенков. От панического во время стихийных катаклизмов до испуга от неожиданного непонятного звука, вида неизвестного животного. Люди, в отличие от животных, 35–40 тысяч лет назад имели уже повыше организованную психику, утонченные чувства (шутка с правдой). Естественно, такая психика не выдержала бы осознанной постоянной угрозы воздействия множества сил явных и неведомых. Должны были возникнуть какие-то механизмы разгрузки, сброса нервного напряжения. Поскольку причины потрясений чаще всего не укладывались в немощное сознание, ничего не оставалось, как объединить их в нечто, подлежащее заискивающему молению, уговорам, поклонению. Появились фетиши, далее божки и боги. В строгих рамках науки достаточно конкретно об этом сказал Б. Малиновский: „Религия удовлетворяет когнитивную и эмоциональную потребность индивида в стабильном, понятном и упорядоченном мире и дает ему возможность чувствовать себя защищенным перед лицом природного хаоса“ (цит. по: Гирд К. Религиоведение, 2/2002). Вдобавок человек разумный быстро выяснил, что он смертен. Ясно, что естественный страх перед смертью также должен был быть компенсирован в его сознании. Продвинутые предки в просветлении инициировали также и веру в загробную жизнь. Эта религиозная ступень, как и религиозное поклонение разного рода божкам, доказана палеонтологическими материалами, исследованиями».

Практически идентичны положения этого абзаца выводам проф. Оксфордского университета Ричарда Докинза (Richard Dawkins) в его труде «Бог, как иллюзия» переведенном в 2009 году на русский язык. Настоятельно рекомендуем его хотя бы к выборочному прочтению, дабы не утомлять здесь цитируемыми длиннотами (и так грешим).

Абзац 2. «Поле причин возникновения религиозных верований, конечно, шире и формы причудливы. Главное, далеким предкам нашим даже примитивное пока моление примитивным же фетишам успокаивало нервы, положительно влияло на психическое и общее здоровье и выживание в итоге. К тому же предварительный религиозный ритуал перед охотой вселял уверенность, повышая шансы на успех. А склонность к такому поведению, продлевая жизнь, репродуктивный период, закреплялась отбором, оседала генетически в морфологии человека. Это типичная схема формирования признака, инстинкта – инстинкта религиозности».

Ричард Докинз пришел к тому же выводу, не пожелав лишь назвать врожденную религиозность инстинктом. Слова «интуитивная вера» ему оказались ближе (как и Брюсу Худу). Собственно, недалеко отодвинулся Докинз от Рудольфа Отто, в философском понимании которого феномен религии – это «религиозное стремление, находящееся изначально в сознании в потенции».

Подкрепим дополнение цитатой Паскаля Бойера (проф., Вашингтон): «В своем докладе я говорю лишь о том, что генетически закреплен порождающий суеверия механизм нашего восприятия мира и что именно он и делает невозможной рациональную борьбу с верой в магическое».

Повторимся, термины нуминозность, врожденная вера в сверхъестественное – всё это включает широкий спектр от неуловимого чувства таинственности, суеверия до ортодоксальности и фанатичной веры в конкретного бога. Вместе представляя собой наполнение инстинкта религиозности. Понятно, что этот инстинкт, как и все другие, имеет в каждом индивидууме разную силу.

Иисус веры, Иисус эволюции

За многие века отношение церкви к науке эволюционировало разительно. Выше мы отмечали агрессивную, непримиримую позицию средневековой церкви по отношению к естествознанию, просветителям и ученым тех времен. Просветительство оборачивалось инквизиционными судами, кострами, поглощавшими и научные труды, и самих ученых. Самодовольство,

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org самодостаточность богословия довели и властвовали. Не будем приводить примеры, они общеизвестны. Но к началу XX столетия ситуация изменилась. Научные достижения следовали чуть ли не в геометрической прогрессии, человечество стремительно просвещалось, жизнь становилась сложнее. В этот прогресс неотвратимо вовлекалась и неотделимая от человечества церковь. Конфронтация с наукой стало бессмысленно и неумно. Церковь, имеющая тысячелетнюю привычку главенствовать, с сожалением наблюдала выбившийся из-под ее опеки бурный научный поток, не только ею не контролируемый, но и основательно поколебавший тысячелетние ее догматы. Стало ясно, по крайней мере передовым ее конфессиям, что агрессивный консерватизм неэффективен и просто губителен для авторитета церкви. Наметились стратегии если не контроля (об этом трудно уже мечтать), то, по крайней мере, трансформации достижений науки в рамках конфессиональных догматов. Проще говоря, целесообразно стало выбрать позицию «впереди паровоза», чтобы научные достижения лишь подтверждали догматические установки. Демагогия этого направления стала содержательной частью теологических рассуждений последнего времени, определяя потребительское отношение к научным гипотезам и открытиям. Образно ситуация может быть оговорена так: «Ну, так что у вас там нового?» – теологи вопрошают у лотка ученых. «Да вот, физический вакуум», – отвечают физики. «Ну, так и хорошо, Бог создал мир из вакуума», – заключают теологи, занимая передний план.

Чуть конкретнее рассмотрим ситуацию на примере модификации отношения теологии к дарвинизму, к эволюционной теории.

Всемирно известный французский философ П. Тейяр де Шарден, теолог-католик, страстный христианин, едва ли не первый серьезно озабочился проблемой отставания церкви от науки, точнее, не только от науки – от человечества вообще. В своем эссе «Христос эволюции, или Логическое развитие понятия искупления» он написал еще в 1942 году: «Происхождение человека эволюционным путем: для науки не представляет сегодня уже никаких сомнений. Да будет это хорошенько усвоено: вопрос уже улажен, так прочно улажен, что продолжение его обсуждения означало бы такую же пустую трату времени, как продолжение дискуссий о невозможности вращения Земли» (курсив автора). И более конкретно: «Подобно всему живому, человек возник не только как индивид, но и как вид» (курсив автора). Отмечая стремительное и неуклонное продвижение вперед науки и человечества в целом, Тейяр де Шарден силится убедить своих «законников» считать этот прогресс не «риском» для религии, а обратить его в «величайшее благо» для нее: «Бог действует только эволюционным путем; этот принцип, повторяю, мне кажется необходимым и достаточным, чтобы модернизировать и влить новые силы во все христианское вероучение» (курсив автора). Далее он пророчествует о «новом богословии»: «Христос Искупитель, чей страдающий лик отнюдь не тускнеет, завершается в динамической полноте ХРИСТА ЭВОЛЮЦИИ» (выделено автором). И уже чуть ли не в качестве завета прозвучало заключение Тейяра де Шардена: «Каким бы ни был шаг вперед, на который отважится христианская мысль, можно утверждать, что он произойдет в сторону более тесной органической связи: между Искуплением и эволюцией». Папа тех лет – Пий XII и епископат, естественно, не были готовы к такому вольнодумию, и Тейяр де Шарден был основательно критикован в энциклике «*Humani generis*». Но он был прав. Уже папа Иоанн Павел II признал, что теория Дарвина «больше чем гипотеза». Нынешний понтифик Бенедикт XVI в своей книге «Сотворение и эволюция» не отрицая критикует теорию эволюции за неполноту, за неспособность (по его мнению) ответить на некоторые философские вопросы. Научные и философские доводы должны работать вместе, не исключая веры, заключает он.

Интересно разыгрывается еще один аспект сопряжения науки и веры. Большинство самых знаменитых ученых были людьми верующими – таков «убойный» аргумент современных церковников. При этом прощаются конфессиональные различия, не учитываются степень религиозности и собственно предмет веры. А вера ученых весьма причудлива и с тем, что представляет собой Бог не связана, не связана и с научными поисками. «Ни Галилей, ни Ньютон, ни Лейбниц не пытались объяснить физические процессы с помощью божьей воли – иначе мы просто не знали бы этих имен» [С. Соловьёв]. Альберт Эйнштейн, усиленно затягиваемый клириками на свою сторону, в конце концов вынужден был сказать: «Это была, конечно, ложь – то, что вы читали о моих религиозных убеждениях, ложь, которая систематически повторяется. Я не верю в бога, обладающего личностью, и я никогда не отрицал этого, но выразил это отчетливо. Если во мне есть что-то, что можно назвать религиозным, то это только безграничное восхищение устройством мира, постигаемого наукой». Аргумент, собственно, не убойный а коварный. Попутно подчеркнем свою позицию. Инстинктом веры, как мы уже договорились, генетически наделен каждый человек, вся соль в степени его осмысления, самораскрытия или нивелирования.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org

В иудаизме XX столетия также пошли процессы спекулятивного сплава библейских и талмудических откровений с передовой научной мыслью. Так, в части «Большого взрыва», по мнению, например, д-ра Д. Шредера, наука своими потугами якобы лишь подтверждает тысячелетние истины Библии. Доказательством тому выдвигаются похожие сочетания слов, переводческие варианты и проч. лингвистические аллегории.

Нельзя сказать, чтобы православная русская христианская мысль не была озабочена рассматриваемой проблемой и совсем уж отстала. Епископ Василий (Родзянко) высоко оценил творения Тейяра де Шардена: «Далеко не всем богословам было дано так глубоко постичь основную сущность предания, изложить ее разумным языком, сказать это так, как сумел наш почти современник Тейяр де Шарден». Владыка Василий согласился, что «во вселенной вообще и на нашей планете в частности идет также и обратный разрушению и хаосу процесс – эволюция». Известны честные, но все же дилетантские гипотезы епископа Василия по поводу «Большого взрыва» с естественным для богослова стремлением с пользой для церкви вписать его в библейскую структуру.

Конечно же, и уже упоминавшийся нами о. Александр Мень, богослов с мировым авторитетом, не обошел проблему. Он написал теологически емкое, проникновенное предисловие к одному из российских изданий трудов Тейяра де Шардена: «Пьер Тейяр де Шарден: христианин и ученый». В этом предисловии он обозначил свою позицию, во многом согласную с постулатами автора.

О намечившейся эволюционистской «традиции православного академического богословия» говорит в своей публицистике наш современник, христианский журналист о. Андрей Кураев. Сознательно или интуитивно работая на процесс утилизации православием некоторых эволюционных идей, о. Андрей пишет: «Но в Православии нет ни текстуального, ни доктринального основания для отторжения эволюционизма» и, далее, пытается ревизовать доктрины Шестоднева, связь первородного греха и смерти и др. Отец Андрей упоминает также имена прогрессивных сторонников эволюционистских идей – архиепископа Михаила (Мудьюгина) и протоиерея Василия Зеньковского. Цитирует богословскую позицию проф. Московской Духовной Академии А. И. Осипова, принципиально допускающего и креационную, и эволюционную гипотезы.

Можно назвать еще немало имен святых отцов, поставивших православие на вид «несколько запоздалое признание эволюционной теории», но официальная православная церковь, дальновидность которой ни к чему, пока раздражается на подобные реформаторские высказывания (история повторяется). Консервативное православие с сожалением отмечает, что эволюционистские идеи за последний век основательно проникли в систему церковного образования, и не допускает пока даже спекулятивного, скажем так, парарелигиозного применения естественнонаучных гипотез. Ересь эволюционизма прямо и вредно противоречит святоотеческому православному наследию – сегодняшнему вердикт отцов иерархов.

Иисус на Руси

Имя Христа самолично донес до древней Руси апостол Андрей – брат Петра. «А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра». Это запись «Повести временных лет» – летописи монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. Летопись эта по достоверности ничуть не хуже (и не лучше) евангельских текстов. И насыщенность редакциями и вставками та же, и легенды по тексту изобилуют. Наверное, можно сказать: одно из евангелий Киевской Руси от Нестора. Проиллюстрируем следующей записью об Андрее: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог многие церкви“. И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И направился к Варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел». Далее идет легендарное описание новгородской свирепой парной бани, о которой Андрей тоже доложил.

Основное в этой записи – благословил и воспророчествовал Андрей быть Киеву, и быть ему великим, установил крест и помолился Богу. Сведений о проповедях в Новгороде и о реакции на них новгородцев никаких. Ориентируясь на возраст Андрея, событие можно датировать первой половиной I века.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org Исследователи признают эту летописную запись целевой, более поздней редакционной вставкой. Церковь, однако, здесь не соблазнилась приписать Андрею крестительные действия, хотя бы избирательные. Крещение Руси оставлено для Владимира, а в данном тексте достаточно благословения, апостольского и очень стратегического. Легенда дает право обоснованно претендовать на равенство русской церкви по отношению к греческой: Русь благословлена апостолом Андреем Первозванным, значит, Русская церковь апостольская, поэтому независима и равновелика Византийской церкви. Набирая силу, Русская церковь эту стратегию поэтапно и реализовала к 1589 году.

Таким образом Андрей Первозванный стал покровителем России. Многие в России связано с его именем, но Андрей действовал от имени Иисуса.

«Повесть» также содержит логические построения и о причастности апостола Павла к крещению русов: «...там же находится Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян – апостол Павел, из тех же славян и мы, Русь, поэтому и нам, Руси, учитель Павел». Так что имя Христа слышимо было и с юга, и с запада. В блиц-темпе покажем все-таки, как оно укрепилось в России, в отечестве.

Как известно из «Повести», на указанном Андреем месте наши праотцы Кий, Щек и Хорив срубили небольшой поначалу город Киев. Зажил там народ славянский, потекли века. 862 годом датируется в «Повести» запись, когда в Новгороде «сел» Рюрик – варяг из русов. «И было у него два мужа, не родичи его, но бояре». Имена этих мужей – Аскольд и Дир, они же, тронувшись из Новгорода в Царьград, по пути и осели княжить в Киеве. В год 879-й умер Рюрик и, «передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал». Олег, покоряя города славянские, дошел с дружиной до Киева, выманил хитростью Аскольда и Дира и заявил им: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода»; предъявил им Игоря: «Вот он, сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира. А несправедливо. При Аскольде и Дире, как считают исследователи, состоялось первое, локальное крещение киевской Руси. Конкретизируем. Аскольд и Дир организовали два грабительских похода на Царьград в 860 и в 866/867 годах, озаботив Византию своим уже мощным соседством. В Никоновской летописи сказано, что с русами был заключен мир и император Василий «преложи сих на христианство, и просиша архиерея, и посла к ним царь». От прибывшего в Киев архиерея недоверчивые русы затребовали чуда. Архиерей бросил в огонь евангелие, и огонь «не прикоснулся его». Русичи подивились и «все крестисяся». Факт крещения подтверждается другими документами. Константинопольский патриарх Фотий в «Окружном послании» 866–867 годов сообщает о крещении народа Русь. Крещение проведено именно с целью умиротворить языческих необузданных соседей, сделать их союзниками. В «Жизнеописании императора Михаила» говорится, что он с русами «установил дружбу и соглашение, уговорил принять крещение». Исследователями отмечены и хронографии, ставящие под сомнение крещение 866/867 годов, но вероятность принятия христианства Аскольдом и его дружиной очень высока. Однако варяжский конунг – вещий Олег – это дело перечеркнул, прекратил, а церковь, по мнению Б. А. Рыбакова, вычистила факт первого крещения Руси из «Повести», предназначая это судьбоносное мероприятие Владимиру. В оправдание можно сказать лишь то, что Аскольд и Дир были нелегитимными князьями.

Олег, покончив с Аскольдом и Диром и, как он думал, с христианством, осел в Киеве и в свою очередь заявил о себе Царьграду походом 907 года. Вернулся с богатой данью и с заключенным миром.

После легендарной смерти Олега «от коня своего» в Киеве правили князь Игорь и Ольга, имея сына Святослава. Имя же Христа, похоже, не исчезло из Киева бесследно. Потекли года. Игорь, по «Повести», был убит древлянами и отомщен Ольгой, и с 946 года стал княжить на Руси Святослав под регентством Ольги. Ольга, по тексту «Повести», крещена в Царьграде в 955 году во время дипломатической миссии. По убедительным обоснованиям исследователей (в т. ч. Рыбакова), крещение состоялось в 946 году в Киеве или Корсуни, и в Константинополь Ольга отбыла уже со своим священником в свите. Отбыла с заботами о династическом браке Святослава и о крещении Руси. Миссия, как следует из источников, не удалась, но Ольга впоследствии будет названа провозвестницей христианства на Руси.

В 964 году Святославу станет уже 22 года и он наведет страх на соседей, а в 970 году (в 969-м опочила Ольга) он посадит старшего сына Ярополка в Киеве, Олега – у древлян, а побочного сына от Малуши, ключницы Ольги и сестры Добрыни, – Владимира отправит с Добрыней княжить в Новгороде. Сам Святослав, убежденный язычник, смотрел сквозь пальцы и на христианство матери, и на то, что у Ярополка жена гречанка-христианка, и на христианство среди своих дружинников, и на христианство в Киеве. Государственность Руси он обеспечивал с позиции силы и сопрягал ее по своему разумению с военной мощью.

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org

В 972 году Святослав после 28 лет княжения в сражении погибает. В Киеве на следующий год начинает княжить Ярополк. Далее между братьями-князьями начинается усобица, в которой гибнут и Олег, и Ярополк. Заинтересовавшегося читателя мы отсылаем за деталями к «Повести», Нестор неплохо живописует события.

С 980 года князем Киева и Руси становится Владимир, Владимир Святославич Великий, Владимир Красное Солнышко – фигура на Руси ключевая. Владимира, как и других внуков, воспитывала Ольга-христианка. Если Ольга и не окрестила внуков втихомолку, то к Богу приобщала с усердием, и Владимир с детства с основами христианскими был знаком, считает Г. Г. Прошин. Это важная деталь. При Владимире христианство в Киеве существует уже легально, хотя, сев на княжество, Владимир первым делом обновил пантеон языческих богов-идолов под стенами Киева.

В первые годы княжества успешно ходил Владимир на радимичей и на болгар, сообщает «Повесть», а уже в 986 году задумался о религиозной реформе. Красочно сообщает Нестор об иноверцах-послах, призванных Владимиром рассказать об их вере ему и боярам, дабы смог он сделать выбор. История эта общеизвестна по множеству беллетристических упоминаний, нет смысла ее повторять, к тому же выбор практически был предreshен. Склонился Владимир ко Христу, прикидывая заполучить византийских епископов для сотворения обряда, а тут и события сложились в лад. В Византии у Василия II загорелась земля под красными сапогами (символ власти посерьезнее наших скипетра и державы). Конкретно двое некогда преданных ему византийских военачальников тоже понадевали красные сапоги, заявив крайне опасные претензии на императорскую власть. Василий в катастрофической ситуации послал к Владимиру за помощью. Тут Владимир решил, что час настал. И затребовал Владимир сестру Василия Анну себе в жены. Жен у него было в достатке, в том числе и былинная Рогнеда, но для упрочения государства нужен был брак династический. Василий с Константином с трудом великим сестру уговорили, но поставили условие: Владимир должен креститься сам и крестить Русь (ломались в открытые ворота, а то и в сети). Владимир «жесткое» условие принимает. Шеститысячный отряд русских воинов с блеском выполняет задачу, Василий благополучно остается у власти. Владимир, как условились, принимает крещение то ли в Киеве, то ли в Васильеве (исследователи не единодушны) и крестит киевлян летом 988 года.

Далее по хронологии следует захват Владимиром Корсуни для ускорения династического брака, но нас интересует основное – крещение Киевской Руси в 988 году. тысячелетие этого события отмечалось в 1988 году у нас в стране на самом высоком уровне. На высоком уровне провел процесс и Владимир. Остановимся подробнее на ситуации.

Владимир фактически давно уже забыл веру отцов, исполненный идеями государственности. В соседней Болгарии уже более века господствовало христианство, другие европейские страны – Польша, Паннония, Венгрия, Моравия – тоже христианские государства, Византия – просто христианский рай – богатейшая империя с уже идеально отлаженными механизмами христианско-монархического правления. Новая вера, ясно было ему, – осязаемый компонент прогресса в государственном устройстве. Короче, Владимир завистливо поглядывал на соседские благоприобретения и крепко был озабочен. Сознал, что Русь приотстала (а может, все шло своим чередом).

Давно уже забыло веру отцов и киевское боярство в основной своей массе. Модная вера основательно укрепилась в его среде. Собственно, киевский народ давно осознал, что христианство – это барская религия. В других русских городах, а их уже было 220, естественно, христианство считалось столичной религией, и по-государственному мыслящие периферийные бояре понимали неизбежность религиозной реформы, а след за нею и феодальных отношений.

Неспешный же русский люд жил-таки по заповедям отцов, по врожденным представлениям о густонаселенности своего мирка и природы божками и божествами и с детства не терял веры в чудеса. Некое такое органическое язычество, в культе которого не было истоности даже у жрецов-волхвов, действовавших скорее по наитию. Когда в Киеве прозвучало: «Если не придет кто завтра на реку будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – да будет мне враг!» – «сошлось там людей без числа». И подавляющему большинству люда предстоящее крещение виделось как нечто интересное, дополнительное к сидевшему в крови язычеству – образу жизни.

Великолепный смеющийся народ. Не удержимся здесь от вставки. Арабский путешественник Ибн Фадлан в 922 году имел возможность наблюдать группу русских купцов в Булгаре: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. И я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны». Это так, и сколько вспомнить, народ, будучи языческим, посмеивался и над волхвами, и, далее став крещеным, – над попами (исключая случаи пристрастной веры). Есть даже целое исследование смеховой культуры народа –

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org «Смех в древней Руси» (Лихачев Д. С. и др.). Но чего далеко ходить, сам Владимир находил поводы для иронии уже в адрес состоявшейся новой веры, ее евангельских положений. Шутовское пародирование монашества, церковных обрядов учиняли Иван Грозный и Петр I со сподвижники, оставаясь при этом людьми глубоко верующими. У простолюдья, правда, время для беззлой усмешки находилось лишь в праздники; тяготы жизни, повседневных забот сгибали в колесо. И так, в реку? Нет проблем. Замочить порты в воде (чудные баре!) – велика беда – высохнут. Пусть знатные перечат, лезут на рожон, а мы, смерды, себе на уме: и сами окунемся, и детей в реку загоним, а там посмотрим. «Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте», – летописная картинка. Можно дополнить картину скоплением византийских епископов в раззолоченных ризах с золотыми крестами, с кадилами, прочих церковных чинов. Звучали мощные голоса дьяконов, выдающих речитативы из евангелий, певчие дополняли звуковое сопровождение хорами. Владимир позаботился, надо думать, по высшему разряду. Обряд в целом впечатляющий, не хуже пьяных русалий. Потом мокрые «разошлись по домам». И когда обсохнут, поди разберись, кто крещен, а кто нет, кто всерьез принял веру, а кто сделал вид (как защитники Белого дома, история повторяется, но уже «не как история, а как фарс», – говорится). Тем паче что и те и другие от врожденного язычества не освободятся и до конца своих лет. Сравнимо также с притчей про дикаря, который смастерил новый бумеранг, а старый не смог забросить. Большинство верующих будет осенять себя крестным знаменем без понятия о существовании веры (как и сегодня).

Впрочем, дальнейшее поведение новоиспеченных христиан было Владимиру безразлично. Христианство с момента погружения киевлян в воду стало государственной религией, Россия – православной, и это главное, что понесут гонцы в Византию Василию II и Константину VIII. Новая вера будет принята народом, станет народ православным, но христианство будет своеобразным – православие сплавится с неистребимыми древними языческими верованиями, станет тем самым двоеверием, по поводу которого, даже спустя многие века, будет сокрушаться официальная церковь. Независимое свидетельство – кардинал д'Эли (XV век): «Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческое начало, или язычество, поглотившее христианское вероучение». Сей симбиоз здравствует и поныне.

А сопротивление таки было, как можно без него на Руси? При крещении Новгорода, где христиан среди бояр было поменьше, чем в Киеве. О сопротивлении говорится в Иоакимовской летописи (не бесспорной), сохранившейся в изложении В. Н. Татищева (в его «Истории Российской»). Крестить новгородцев во Христову веру Владимир отправил своего дядьку – Добрыню. Новгородцы ополчились на миссию Добрыни «яко на суще враги своя», – это на своего-то Добрынюшку, доброго молодца! Бунтовали верхи новгородские с челядью, набежала и чернь: «Лучше нам померети, нежели боги наши дать на поругание!» На Софийской стороне заодно погромили богатых и преступили меру: убили жену Добрыни и каких-то его родичей. Разнесли церковь Преображения.

Естественно, Добрыня разгневался. Ночью переправил отряд 500 дружинников через Волхов (мост новгородцы разрушили), было устроено побоище. Утром на Софийскую сторону переправился и сам Добрыня. Большой крови не захотел, приказал дружине поджечь дома. Народ бросился тушить, – не ровен час, сгорит весь деревянный город. И запросили новгородцы мира, и далее все пошло по-киевски. Следы сопротивления имени Христа исследователи отмечают и в других древнерусских источниках, и крови пролилось немало, хотя церковь выметала со тщанием всю древнюю историографию.

Для пущего оживления повествования приведем еще динамичную летописную картинку. Новгород, 1071 г. Появление в народе дремучего, матерого волхва. Захулил волхв новую веру, новгородского епископа, наделал шуму; епископа собрались было убить. Обещал, между прочим, перейти Волхов (а ну перешел бы?). Чтобы как-то выправить ситуацию собрали сход. Князь Глеб, пряча под плащом топор, открывает диалог на площади, при многом народе. Не будь зычным, слово пропадет. Вещают в напряженном затишье. Глеб: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Волхв, не теряя перспективу: «Знаю все!» Глеб понимает, что надо конкретизировать: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Волхв, мысленно нащупывая продолжение: «Чудеса великие сотворю!» Может действительно собирался идти по воде (случился бы прецедент). Наверное обрадовался подходящей реплике Глеб, выждал секунду, чтобы народ впитал ее, выхватил из-под плаща топор и зарубил язычника. Состоялось опровержение от топора. Такая логика народ впечатляет. Ну, вечная память волхву (нашим влесовцам следовало бы его канонизировать), не

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org ясно, что бы произошло – вряд ли волхву можно было врать, в отличие от Христа, его бы просто утопили.

Как бы там ни было, центральный демонстрационный акт состоялся. Киевское показательное крещение Руси Владимир провел блестяще, а далее, полагал он по-русски, – образуется. Так оно неспешно и образовывалось, набирая силу. Последовавшая светская литература напрямую скажет, что не Византия заставила Владимира окрестить Русь, а наоборот, Владимир вынудил Василия II направить в Россию крестителей и сделать Русь православной. Киев стали называть третьим Римом, а Владимира – вторым Константином. Первые церковные структурные построения взяли на себя византийские митрополиты, которые намерились единолично почивать на российских лаврах на века. Но уже во втором поколении Ярослав Мудрый, сын Владимира, поставил митрополитом русского – илариона, слегка окорачивая византийцев. При Ярославе Мудром русская церковь все-таки станет автономной, но еще в ведении константинопольского патриарха. Автокефальной церковь будет только с 1448 года, а патриархат будет провозглашен ею в 1589 году. И вообще, как известно, в вопросах влияния на русскую церковь и политику во все времена Византия не смогла переступить интересы самой России.

В заключение вспомним незавидную судьбу русских языческих богов и церковный конфуз с канонизацией Владимира.

В Киеве богов исконных наших погубить взял на себя грех и смелость сам Владимир (Владимира вполне можно заподозрить в прагматическом атеизме): «И когда пришел, повелел опрокинуть идола – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. ...И притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: „Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его“. Они же исполнили, что им было приказано». «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» – восклицает по этому поводу Нестор, и нам нечего добавит.

А с Владимиром получилось не лучше, хоть и после его смерти. Ярослав Мудрый – сын Владимира от Рогнеды – так и не смог добиться от Константинопольского патриархата канонизации отца-крестителя. Похоже, греческое священство досадовало, что крещение Руси прошло не в византийском ключе, обвел смеющийся Владимир патриархов вокруг пальца. Отговорки были формальные: нету-де чудотворения при гробнице Владимира. В 1240 году, обойдя Византию, святым Владимира провозгласила новгородская церковь по прямому указанию Александра Невского. Официальная канонизация Владимира (и Ольги) произошла в XIII веке (дата не установлена). При Иване IV состоялась общерусская канонизация. Холодок по отношению к Владимиру стал «врожденным» – праздник памяти Владимира никогда не считался значительным церковным праздником.

Трения между нашей властью светской и византийским патриархатом с веками, по мере укрепления отечественной церкви, перешли в привычное внутреннее противостояние первых лиц от монархии и церкви. Однако наши монархи в деле поддержания власти были покруче западноевропейских. Во объяснение дерзости, к примеру, Ивана Грозного известный протоиерей недавно в религиозном телецикле намекнул на его большевистскую сущность (!). Цель, как всегда, оправдывает средства. Протобольшевиком тогда придется считать и Дмитрия Донского. В 1379 году великий князь димитрий Иоаннович (Донской) велел развенчать новопосвященного митрополита русского Пимена, взять его под стражу и отправить в Чухлому. «Столь власть княжеская первенствовала у нас в делах церковных!» – восклицает историк Карамзин. Еще пример светского дерзновения уже со стороны Василия Темного. В 1440 году великий князь Василий Васильевич (Темный) посадил под стражу в чудове монастыре митрополита киевского и всея Руси Исидора. От расправы иерарх спасся бегством в Италию. Это помимо того, что удельные князья веками в хищных междоусобицах губили народ, «в гордости и высокоумии резали христиан, иноков, священников». Внутриконфессионное сведение счетов было тоже отнюдь не милостивым. Но это уже милая сердцу история отечества. О негативах современной церкви (обратная сторона воссиявшей ныне медали), при желании довести образ до совершенства, вполне достоверные факты можно почерпнуть из работ Г. И. Старченкова, исследователя и публициста атеистической ориентации.

Полистав написанное, с мыслями о возможно равновесном освещении христианских движений запада и востока, таки обратимся к истории: как успешно православие российское оперировало именем Христа. Не след нам глухо стоять в атеистической (точнее – в антиклерикальной) позиции, заслуги

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org церкви народные неоспоримы. И все же за мощным заслоном духовности легко просматривается гражданское (скажем так, чтобы не сказать политическое) учреждение со всеми соответствующими взаимоотношениями. И так, немного истории российской от Карамзина.

Инквизиция, как таковая, в средневековом российском православии оспаривается. Во времена разгула «латинской» инквизиции и крестовых походов (коснувшихся и Руси) Россия как раз была под игом Орды. Ордынцы редко требовали поклонения своему богу, довольствуясь разграблением разрозненных российских княжеств. Напротив, немалочисленны случаи крещения «моголов», как известно, Борис Годунов – потомок прозелита, мурзы по имени Чет, в крещении Захария (есть, однако, мнение, что это – легенда). Православные россияне без особых хитростей рубили друг друга, предводимые князьями-наследниками, бесконечно воевавшими брат у брата земли новгородские, тверские, псковские, московские и прочую Русь, привлекая к тому и ордынские полчища. Однако ряд замечаний Карамзина в описании тех времен свидетельствуют таки наличие и ереси, и борьбы с нею. А то как же. К примеру, в 1310 году митрополит российский Петр «предал анафеме какого-то опасного еретика Сента, обличенного им в богопротивном умствовании, но не захотевшего раскаяться». В царствование Василия Темного (1425–1462 гг.), отмеченного особой свирепостью народной, «князь Иоанн Можайский всенародно сжег боярина Андрея Дмитриевича на костре вместе с женою за мнимое волшебство». Внушительный материал о борьбе православной церкви с ересью – православной инквизиции (во всей красе ее жестокости) – собрал Грекуллов Е. Ф., но ограничимся Карамзиным.

Велико значение духовенства в те тягостные для Руси времена. История, однако же, бесстрастно хранит и примеры фарисейства. В 1329 году великий князь Иван Калита, вынужденный «сдать» хану Узбеку мятежного Александра, князя тверского, склонил митрополита Феогноста наложить на Александра, сидевшего в Пскове, и на псковитян проклятие. Народ псковский, став в оборону и отказавшись выдать Александра, действовал «по внушению чувствительности, забыв свою пользу, и стремился на опасность, плененный славой великодушия». Далее историк пишет: «Хотя Иоанн в сем случае казался только невольным орудием ханского гнева, но добрые россияне не хвалили его за то, что он, в угодность неверным гнал своего родственника и заставил Феогноста наложить церковное проклятие на усердных христиан, коих вина состояла в великодушии». Заметно неблаговидно. Еще пример. В 1337 году архиепископ новгородский и псковский Василий в очередном разладе между этими городами отправился в Псков с миссией политического урегулирования. Однако встречен был холодно и не получил полагавшейся мзды из казенных доходов. Карамзин отмечает: «Напрасно Василий грозил чиновникам именем церкви и, следуя примеру митрополита Феогноста, объявил проклятие всему их городу. Псковитяне на сей раз выслушали оное спокойно, и разгневанный архиепископ уехал, видя, что они не верят действию клятвы, внушенной ему корыстолюбием или политикою и несогласной с духом христианства».

Ненадлежащее поведение чинов церковной власти немало заботило православных иерархов. В 1274 году митрополит Кирилл, миротворец князей, «приписывая государственное бедствие разврату народа и заблуждениям духовенства», созвал Собор для целей уклада и исправления веры и ее отправителей. Очень интересны решения Собора. Краткости ради, приведем небольшую выдержку: «Мы сведали, что некоторые иереи в странах новгородских от пасхи до всех святых празднуют только и веселятся, не крестят никого и не отправляют службы божественной: такие да исправятся или да будут извержены!» Всяко бывало. Умолчим напасть сребролюбия, одолевавшую некоторых митрополитов и епископов тех времен к неудовольствию граждан; грех интернациональный, чуть не биологический.

Ересь все же угнездилась на Руси попозже, в пору княжения Иоанна III. Уже Россия была свободной от ига и самодержавной. Почти тридцатилетнее масштабное еретическое движение изошло из Новгорода. В 1470 году в Новгород с одним из русских князей приехал влиятельный еврей Схария (астролог и чернокнижник по характеристике св. Иосифа Волоцкого). Схария внушил тамошним легковерным священникам Дионисию и Алексею сомнение в христианских догмах и идеи иудаизма. Те, в свою очередь, соблазнили многих новгородских духовных и мирян. Обратился также и протоиерей Софийский. Антихристианство укоренялось. В 1480 году тайный раскол переместился в Москву вместе с Алексием и Дионисием, которых ничего не подозревавший Иоанн утвердил протоиереями храмов Успенского и Архангельского. Уже и сам великий князь слышал речи двусмысленные от Алексея, но по его внушению возвел в первосвятители российские Зосиму, архимандрита симоновского, тайного, но уже совершенного антихриста! «Чадо сатаны на престоле угодников божиих» – сокрушался св. Иосиф. Карамзин повествует: «Дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах христианства обнаруживался в домах и на

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org торжищах: иноки и светские люди спорили о естестве Спасителя, о троице, о святости икон и проч. (народ созрел не слепо верить, но думать по поводу. – В. Е). Все зараженные ересь составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих священников и диаконов, которые отличались усердием к православию». Ересь вскрыл архиепископ Геннадий и собором в Москве раскол расследовали. Многочисленные сановитые еретики по-русски отпирались. Быть бы им всем на дыбах или на кострах на западный иквизиционный манер, но Иоанн III воспротивился подобным предложениям. Все уличенные были подвергнуты изобретательному публичному позору с последующим заточением. Богоусердный Иосиф требовал от князя по всем городам искать и казнить еретиков. Иоанн был против и «иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть». К чести, Иоанн, в противовес святителям, считал казнь в таких случаях противной духу христианства. Зосима в 1494 году без шума был развенчан и отправлен в Троицкий монастырь. «Сей первосвятитель не радел о церкви и любил вино» – так гласила летописная официальная версия разжалования. Спустя лет десять, святые отцы так уговорили Иоанна казнить нескольких своих церковных собратьев, последователей этой еврейской ереси (у Карамзина именование старославянское). Сподобился Иоанн III и в будничном уже деле разгона церковных иерархов: свергнул архиепископа Геннадия со святительского престола и заточил «в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести».

Сын Иоанна – великий князь Василий III (отец Ивана Грозного) – правитель досточтимый в веках, не минул дерзости, принудил митрополита Даниила к освящению своего незаконного второго брака (тот и не сопротивлялся). Были и противники в духовенстве и среди влиятельных бояр этого нарушения церковного устава, и будь они настойчивее – не было бы Ивана Грозного, а может и многих из нас, читатель: слишком большая прореха была бы в ходе эволюции (все состоялось бы как-то иначе). История не имеет сослагательного наклонения, любим мы говорить, но речь о княжеской вольнице в делах церковных, о притеснении (мягко выражаясь) святителей. Так с просветительскими целями Василий изыскал для великой пользы России образованнейшего богослова тех времен, афонского инока Максима Грека. Князь любил общаться с умным греком, долгие годы переводившим и приводившим в порядок канонические писания в России. И, тем не менее, его судом преп. Максим был заточен в одном из тверских монастырей по бесчинному ложному оговору (с явной подачи церкви, церковные же соборы 1525 и 1531 гг. и dokonчили расправу над ним).

И вот монархическая череда истовых радетелей народа российского дала сбой. После смерти Василия III, всенародно оплаканного, во главе государства выкристаллизовался Иоанн Васильевич – Иоанн IV (Грозный). Ввиду малолетства царя, правление приняла мать – Елена Глинская и ряд думских бояр. По мнению Карамзина это был период совершенно бездарного государственного правления, по ходу которого Елену отравили прорвавшиеся к власти князья Шуйские со подвизники. Эти же, на редкость бесчинные бояре, совершенно избаловали царя-отрока, а присмотреться – развратили: с поощрения этих вельможных растлителей, вседозволением надеющихся заручиться любовью будущего бездушного царя, Иоанн развлекался пустым пролитием крови бессловесных, беззащитных домашних животных (пока). Следуя описанию Карамзина, читатель может получить живое впечатление от какого-то необычного даже по тем временам хамства этих наставников. К примеру, сцена низложения митрополита Иоасафа. Три сотни нечестивцев, – организованных князем Иваном Шуйским бояр, ночью 3 января 1542 года окружили митрополитовы кельи, бросали камни в окна, едва не убили Иоасафа, который пытался спастись во дворце у Иоанна. Далее Карамзин очень натуралистичен: «государь, пробужденный свирепым воплем мятежников, сам трепетал как несчастная жертва. Бояре с шумом вошли за Иоасафом в комнату великого князя; взяли, отправили митрополита в ссылку, в монастырь Кириллов. ...Кричали, господствовали, как бы завоевав престол и церковь; не думали о соблюдении ни малейшей пристойности». И далее по теме: «Таким образом князь Иван Шуйский самовластно свергнул двух митрополитов единственно по личной к ним ненависти, без всякого суда и законного предлога. Духовенство молчало и повиновалось».

Беспардонные бояре, как нарочно, учиняли жестокие забавы для царя-отрока, закладывая тиранские начала в основу приближающейся беспредельной его власти. Как бы там ни было, но Иоанн, возмужав, проявил себя и как прозорливый государь-стратег, и как смелый и удачливый полководец, и как настойчивый дипломат. Россияне не могли нарадоваться. Но тут в нем проснулся тиран. Не будем задалживать время читателя

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org психоанализом перемен в поведении Иоанна, на сей счет есть соответствующая литература. Далеко не удаляясь от темы, напомним или известим, что Иоанн дико расправился и с теми, кто держал его в рамках благопристойности, и с теми, кто ему безудержно льстил и потворствовал в разврате. Мнилась ему некая боярская ересь – измены, заговоры, предательства (кое-что ему в этом плане внушили, подметнули злодеи, фальшь таких доносов он прекрасно понимал). Обилием и изощренностью казней Иоанн со своей опричниной (6000 палачей) оставил позади всю инквизиционную практику и самого Торквемаду. Естественно опустошал собственные города. По нелепому, клеветническому доносу на новгородского архиепископа Пимена государь шесть недель изуверски разорял Новгород. Казни и грабежи начинались с духовенства: опричники истязали безвинных священников и иноков, грабили церкви и монастыри – брали казну, иконы, золотые и серебряные кресты, утварь, колокола. Далее грабили все и вся; царь наблюдал как хищные опричники «ломались в палаты и кладовые, отбивали ворота, влезали в окна, делили между собою шелковые ткани, меха; жгли пеньку, кожи, бросали в реку воск и сало». Интересно, что Иоанн творил расправы вместе со старшим сыном. Историк пишет: «Ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более новгородцев; били их и мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали голову или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. ...Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог пронести их в Ладожское озеро». По летописным сведениям от монаршей злобы погибли более 60 000 городских и сельских жителей. Гибель продолжилась голодом и мором от непогребенных тел. Во Пскове были ограблены церковь и знать. В общем, народ живо вспомнил нашествие Узбек-хана, говорит Карамзин. Был опозорен, низложен и сослан в монастырь архиепископ Пимен. И это всего лишь краткий новгородский эпизод. Пытавшийся остановить неслыханные злодеяния митрополит Филипп, был сослан в Отрочь-монастырь, где впоследствии старец был задан опричником Малютой Скуратовым. О себе же монарх мыслил следующее: «Есмь Иоанн, государь многих земель. Исповедую веру предков своих, истинно христианскую, по учению св. апостола Павла. Я царь природный: не вымолил, не купил сего титула; а мой царь суть Иисус Христос». Сказать нечего, можно лишь задаться вопросом: где был он, Христос? и она, христианская мораль глубокорелигиозного царя?.

Конечно, Иоанн все-таки опасался бунта, и на этот случай добился соглашения с английской королевой Елизаветой о спасении – политическом убежище по-нашему. Но народ безмолствовал в страхе, смирилось и истребляемое, униженное духовенство. Карамзиным отмечен лишь частный акт гражданского неповиновения и презрения к ненасытному душегубу, как ни удивительно, со стороны женщин. В 1569 году Иоанн самолично умертвил брата своего, князя Владимира с женой, княгиней Евдокией, и двумя малолетними детьми. Далее лучше цитировать Карамзина: «Призвав боярынь и служанок княгини, он сказал: „Вот трупы моих злодеев! Вы служили им; но из милосердия дарую вам жизнь“. С трепетом увидев мертвые тела господ своих, они единогласно отвечали: „Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Растерзай нас: гнушаясь тобою, презираем жизнь и муки!“ Сии юные жены, вдохновенные омерзением к злодейству, не боялись ни смерти, ни самого стыда: Иоанн велел обнажить их и расстрелять». Такие русские женщины, таков самодержец.

Князь Андрей Михайлович Курбский, заслуженный полководец, чья неминуемая смерть, ушел в Литву. Письмом из Литвы князь обличил Иоанна в тиранстве, ответное письмо составило чуть ли не книгу. Очень интересна их переписка, являющая собою две правды, истина же состоит в том, что Иоанн немедленно снес бы голову Курбскому, явись тот в Россию, и, наоборот, Курбский с легко угадываемым удовольствием срубил бы ее Иоанну, возымея он на шкале власти соответствующую позицию. Множество иных вариантов их сосуществования вероятность имели нулевую. К тому времени Иоанн ослабился в государствах как царь негодный, погрязший в развратном душегубстве собственного безропотного народа. И Стефан Баторий, король Литвы и Польши, с небольшим войском отторг у России почти все ее ливонские земли. Иоанн уже не смел защитить и свои земли, и свой народ, раболепно, в течение всей войны, просил мира у Батория, методично захватывающего города, ранее присоединенные Иоанном же. Это лишь краткие строки великого позора, павшего на Россию, скорбно описанного летописцами. Шатко ли, валко ли, но Россия приобретала и при Иоанне черты цивилизованного государства, и, впоследствии, добрая слава Иоаннова перемогла-таки худую в народной памяти. Однако история злопамятнее народа, говорит Карамзин, заключая знаменитый свой девятый том, полностью посвященный Иоанну.

Боголюбивый царь Феодор Иоаннович, наследник Иоаннов, характером был в свою мать – кроткую Анастасию, первую жену Ивана Грозного. Духовенство в

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org его правление притеснений не имело, более того, при Феодоре была, наконец, учреждена Московская Патриархия, избран первый Патриарх московский и всея Руси Иов. Греческое духовенство Соборной грамотой в 1591 году это священнодействие утвердило. Иначе рассудил Петр I.

Еще многие невзгоды церкви от произвола светской власти можно было бы вспомнить из времен монархических, ныне ею любимых и сожалеемых, но остановимся. Лишь еще пара, последних сказаний. Во времена противостояния царя Василия Шуйского и «царика» Лжедмитрия, собравшего под свои знамена чуть не всю Россию, совершилось неизгладимое. Совершилась осада Троице-Сергиевой лавры. Это русское святилище не предало законного царя, не преступило клятв, оставшись чуть ли не единственным оплотом злосчастного Василия, кроме Москвы. Соединенные 30 тысяч ляхов, казаков и русских же сторонников «царика», стяжая церковного золота, осадили свою собственную православную святыню. Шестнадцать месяцев лавру громили из пушек, морили голодом, брали приступами. Много гибели натерпелись священники и иноки, ставшие в ряды защитников, но лавру не сдали. Не слышно было тогда великовельможных протестов от князей, переметнувшихся к самозванцу, прекрасно сознававших его тщету и презренность. Лишь 500 казаков донских устыдились воевать святую обитель и ускакали в свои степи, пишет Карамзин.

Более наглядное проявление монаршего беспредела по отношению к Церкви – это Указ Екатерины II 1764 года о секуляризации церковных владений (иначе говоря – экспроприации, а еще проще – безапелляционного их присвоения). По Указу почти 90 % всех (излишне богатых, нет спору) вековых церковных накоплений отошли в монархическую казну. Не задерживаясь на солидных денежном и подушном исчислениях, отметим социальный эффект Указа: Дивногорский монастырь Успения в Воронежской епархии был закрыт; Киевский Братский монастырь был обращен в госпиталь; Максакровский монастырь в Черниговской епархии был обращен в дом для душевнобольных; киевский Межигорский монастырь обращен в фаянсовую фабрику; Симонов монастырь был отдан под военные казармы; в полное запустение пришла Оптина пустынь. Митрополит Ростовский Арсений, осмелившийся протестовать, был заточен Екатериной в Ревельскую крепость с наказом «так содержать его, чтобы и караульные не только о состоянии его, но ниже и о сем его гнусном имени не знали». Старец был заживо погребен в камере до самой кончины. Вполне большевистская работа.

История – дисциплина прикладная. По-разному толковалась и внутри конфессии, как запамятная, так и новейшая. Откажемся мы от количественного сопоставления плюсов и минусов церковного бытия в монархическое и в недавнее атеистическое время. В соответствии с основной теологической догмой ни лист не падет с древа без Божьей на то воли. А потому, все, что с церковью происходило и происходит, случалось или случается с церковниками – суть диктат его же, Творца. Заявляя кому-то какие-то протесты, церковь действует через голову Бога. И, если без лукавства, церковь должна или признать, что Бог – всевершитель и пенять только на себя (как в древности), или держать Бога за церковную утварь и тогда уже жаловаться, что ей мешают, не дают или не давали по полной программе раскручивать и эксплуатировать людской религиозный инстинкт. А польза в его эксплуатации в наше время уже сомнительна. По расхожему выражению «это не только полезно, но и вредно». Впрочем, хорошо налаженный современный церковный бизнес мало какие обстоятельства теологии (публицистики) принимает в расчет. Оперативная глубина прогнозов вполне радужна, стратегическая в России тоже привлекательна, ну а глобальная перспектива безвредна в силу отдаленности. Отдаленности последствий. Но пока, повторим, в свете недавнего многотрудного объединения РПЦ и РПЦЗ христианство переживает некоторый период экспансии. Вряд ли он инициирует более широкое возбуждение конфессии. Россия – последняя надежда христианства. В заключение приведем всё же пример истинного православного служения из недавней нашей современности. Речь об архиепископе Луке Войно-Ясенецком. «Трудно быть богом» (Стругацкие), но о. Войно-Ясенецкому в какой-то мере удалось: сиять заставил заново слова церковь, священник. Нынешний их блеск представляется каким-то неестественным. Что-то, братцы, всё не так.

Весьма краткое послесловие

На склоне лет человек более внимательно вслушивается в разговоры о религии, о потустороннем мире, бессмертии души и проч., на что у него раньше не было времени. В этих летах сейчас находится основная масса населения страны, получившая в свое время бесплатное образование по всей шкале – от среднего до высшего и выше. Но припомним, в те времена Библия не отягощала полки книжных магазинов. И этот краткий очерк, надеемся,

Иисус Христос – homo sapiens. Тацинский апокриф. В. Ефремов filosoff.org сэкономил время для упустивших Тему (а как было не упустить) в осмыслении и оценке религиозных событий; может, Тема заинтересовала. Заметим, что 70-летнее беспрецедентное в истории человечества обязательное, бесплатное и всеобщее образование более чем в 200-миллионной стране отрицательным событием уже никак не назовешь. Впрочем, стоп! Недавно синтезировался – таки негатив и по отношению к этому беспорочному, казалось бы, историческому процессу. Отец Андрей Кураев отнес все просветительные старания к адским затеям тоталитаризма: «„Ликбез“ и радиофикация и были первыми отмычками для взлома черепных коробок. ...ну не ради же изучения Шекспира и Достоевского большевики вели свою кампанию по ликвидации безграмотности!». Отец забыл присовокупить электрификацию с эмансипацией. Мы же заметим, что с высокообразованной частью населения вряд ли у церкви получится «соработничество». Наверное, на ней поставлен крест. Но необязательное и дорогое образование и многие другие современные социальные и демографические подвижки безусловно обеспечат со временем достаточно высокую роль и все будущее соработничество церкви с государством.

В итоге краткого расследования (по сути дела – инженерного анализа) мы подошли к основному выводу, что религиозность Homo sapiens – это не атавизм и не рудимент, как мы опрометчиво заявили вначале. Картина мира и горы полемики, исследовательской и теоретической литературы подтверждают, что инстинкт религиозности едва ли не самый мощный в поведенческом наборе человека и конца ему действительно не предвидится. Наглядно: я, просвещенный материалист до мозга костей, случайно завидев в вечернем небе узкий серп нарождающегося месяца, всякий раз достаю из кармана мелочь и ему показываю (на предмет прибытка в кармане). Красивый языческий бред, всегда безрезультатный, но приятно нормализующий психику (следование инстинктам поощряется положительными эмоциями).

Шкала проявлений инстинкта впечатляет – от мелочи с месяцем до фанатизма шахидов.

Несомненно, формообразования, проявления инстинкта религиозности будут бесконечны. И «ловцы человек» долго еще будут процветать в простоте дела своего. По формуле Ильфа и Петрова, раз паства существует, то должен же кто-нибудь ее пасти? Здесь мы все же отошлем заинтересовавшегося атеиста, например, к Бертрану Расселу, очень доходчиво объяснившему, почему он не христианин; человеку же верующему ныне открыты широкие возможности укрепить свою веру и в церкви, и там же – в библиотеке, обратившись, в частности, к Льву Толстому, пояснившему почему он христианин, хотя и в отлучении. Человек колеблющийся при серьезном подходе может сделать и то, и другое. Геенной грозить мы никому не намерены. Ненавязчиво лишь обратим внимание на факт очевидный: если проследить поступок человека из глубины веков и до нашего времени, то ни к чему прятать голову в песок – просвещение разрушает религию. Процесс фундаментальный, эволюционный, безостановочный и обжалованью не подлежит.

К тому же. Мораль, нравственность Homo sapiens существуют, как и истина, сами по себе. Вне влияния политики или религии. Не согласимся с экстраидеями некоторых философов о врожденной агрессивности человека или заключениями о том, что человечество «падшее», или вовсе, что человек – ошибка природы. Человеку среди людей давно присущи нормы цивилизованного общения и поведения. Даже не затрагивая общечеловеческие идеалы и идеи гуманизма, отметим, что человек разумный, человек просвещенный остается Человеком и без отчета перед Всевышним, достаточно покаяния перед самим собой.

Примечания.

1. Из письма Готфрида Бульонского папе римскому Паскалю II. Цит. по: Иерусалим в поколениях. Тель-Авив, 1984.
2. Насмешливый Борелиус вопрошает в этом месте: «Почему он не отрекся от отречения? Почему не отрекся от отречения отречения?»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!